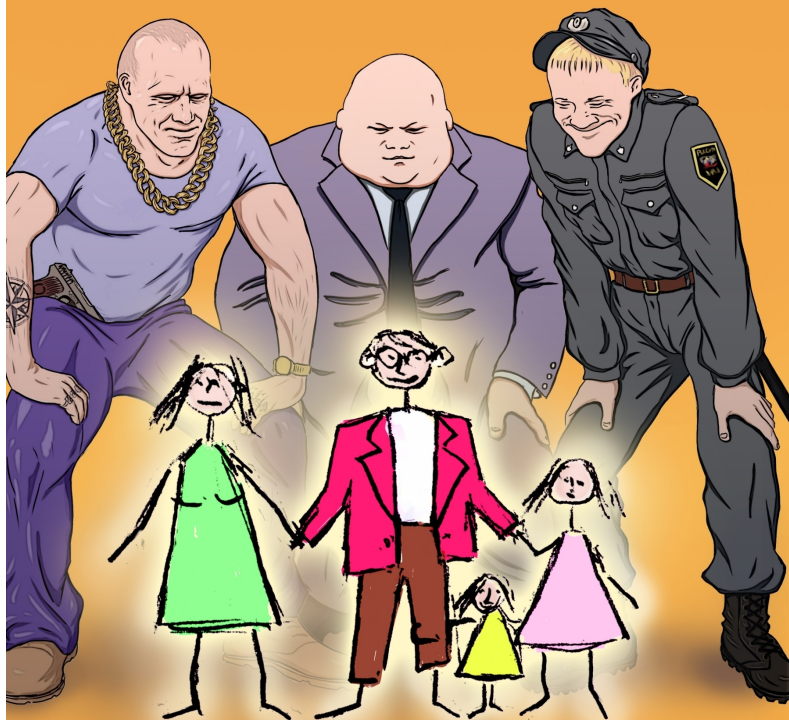

ЭДУАРД СРЕБНИЦКИЙ

**ТАКОЙ ЖЕ МАЛЕНЬКИЙ,
КАК ВАШ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лихие девяностые... смешные девяностые

Эдуард Сребницкий

Такой же маленький, как ваш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56589615

SelfPub; 2020

Аннотация

Все книги из разряда невыдуманной литературы (non-fiction) дают либо знания, либо умения – чему-нибудь учат. Кроме этой. Эта книга не учит ничему. Но зато она дарит эмоции! Ибо содержит истории из жизни «малого предпринимателя», коим довелось стать автору книги в девяностые годы прошлого века. В те самые «лихие девяностые». Или, может быть, – в смешные девяностые? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	45
Глава 4	58
Глава 5	75
Глава 6	83
Глава 7	93
Глава 8	107
Глава 9	121
Глава 10	131
Глава 11	139
Глава 12	145
Глава 13	151
Глава 14	161
Глава 15	175
Глава 16	186
Глава 17	192
Глава 18	202
Глава 19	219
Глава 20	230
Глава 21	236
Глава 22	252
Глава 23	267

Глава 24	280
Глава 25	296
Глава 26	308
Глава 27	315
Глава 28	331
Глава 29	338
Глава 30	352
Глава 31	367
Глава 32	380
Глава 33	392
Глава 34	398
Глава 35	410

Предисловие

Добрую часть своей потенциально счастливой жизни я отдал малому бизнесу. В нём я прошёл путь от крохотной торговой точки до десятка магазинов в двух российских регионах, прежде чем разорился в экономический кризис две тысячи восьмого, и кто его знает, когда он наконец кончится, года. Мне не идут на ум никакие другие слова, кроме упрёков в адрес самого себя, покупателей, правительства и мировых финансовых аферистов. Второй месяц я ищу работу и выражаю недовольство слепцами-работодателями, не могущими разглядеть в не столь молодом уже претенденте ценного для них сотрудника.

А ведь у меня есть то, чего нет у дерзкой, напористой, но неискущённой молодёжи: опыт «малого предпринимателя», который можно сравнить лишь с опытом невзначай оступившегося, но настырного сапёра, способного оставшимися конечностями обезвредить теперь любую мину. И если найдётся работодатель, согласный узнать больше о моих достоинствах, я ничего не буду ему рассказывать, а просто оставлю эту книгу с описанием начальных лет своей предпринимательской деятельности, которые пришлись на годы, названные позже «лихими девяностыми». А потом буду дожидаться скорого звонка с предложением самой заманчивой должности.

Впрочем, пока предложений нет, предоставляю эту книгу вам. Только читайте быстрее, я чувствую, меня вот-вот

должны пригласить на собеседование в какую-нибудь личную фирму.

18 мая 2011 г.

Когда-то бизнес огромных ныне компаний был такой же маленький, как ваш.

Из рекламы услуг банка для малого бизнеса.

Глава 1

Как всегда, вначале что-то было. В нашем случае – письмо.

«Здравствуй, Гена!» – написал я.

Нет, вначале было письмо от него, от Гены. «Здравствуй, Эдик», – написал он.

Гена Григорьев – это мой университетский товарищ, а ныне журналист, писатель и драматург. Я же, соответственно, его товарищ – предприниматель... даже не знаю как сказать: «малый предприниматель» – звучит несерьёзно, «субъект малого предпринимательства» – смешно. Короче, у нас с женой небольшая розничная фирма. Мы живём в областном городе Сбокове, названном так в честь большевика-революционера Ильи Митрофановича Сбокова. А, возможно, кому-то наш город больше известен под своим старинным именем Бродинск. Находится же он, хоть и в европейской части российского государства, но уже почти на северной её окраине. Сюда пятнадцать лет назад нас, молодую семью журналистов, пригласил на жительство местный молодёжный жилой комплекс – МЖК.

А Гена с семьёй живёт на Южном Урале, в городе Магнитогорске. Туда в своё время его пригласила работать в газету местная политическая группировка. Мы с Геной давно не виделись, раньше получалось, а последнее время не виде-

лись. И он написал письмо. А я ответил. Рассказал про нашу жизнь, где представил самые что ни на есть зарисовки с натуры.

«У нас с Олей, – писал я, – практически всё время занимается фирма: несколько симпатичных, на наш взгляд, отделов по продаже лечебной косметики и товаров для здоровья. Забот не перечесть. Надо с каждым поставщиком согласовать ассортимент, цены и прочее. Потом оплатить товар, потом ждать его прихода. Бывает, ждать приходится долго. И про это, кстати, можно рассказать подробнее.

Транспортная фирма должна была передать нам в Сбокове с ночным почтово-багажным поездом коробки из Москвы. Встречать поехал наш сотрудник Глушков. Он съездил, но получил только часть груза: остальное проводник в вагоне не нашёл, и поезд отправился дальше! На следующий день у меня раздался телефонный звонок.

– Аллё! Аллё! Это Глушков?

(Связь была плохая, через железнодорожный коммутатор).

– Нет.

– Аллё, это Глушков?

– Нет.

– А кто?

– Сребницкий.

– Как? Не пойму.

– ...Эдуард!

– Это проводник товарного вагона. Мы с Глушковым коробки ночью не нашли.

– Это вы не нашли.

– Что?

– Вы не нашли в своём вагоне наши коробки.

– Ну да. Так вот, я сейчас нашёл.

– Рад за вас.

– Что?

– Рад за вас!

– Ага. Так мы сейчас в Глазове, я постараюсь с кем-нибудь договориться и отправить груз встречным поездом к вам. И обязательно позвоню.

– Это было бы очень хорошо, будем ждать!

Прошло два дня. Вновь раздался звонок.

– Аллё! Это Глушков?

– Нет.

– А кто?

– Эдуард.

– Кто?

– Эдуард!

– Передайте Глушкову, чтобы он не беспокоился, груз у нас.

– Хорошо, передам.

– Мы уже на Урале, в Екатеринбурге, я постараюсь с кем-нибудь договориться и отправить груз встречным поездом к вам.

– Вы же хотели из Глазова отправить.

– Что?

– Хотели из Глазова отправить!

– Хотели, но не получилось. Постараемся отправить из Екатеринбурга. Я обязательно вам позвоню.

– Будем ждать.

Прошла неделя.

– Аллё, аллё! Это Эдуард Глушков?

– ...Хм ...Да!

– Это проводник. Я звоню из Тюмени. Не волнуйтесь, ваш груз у нас. Постараемся отправить его встречным поездом!

Проходили дни и недели (почтово-багажные поезда идут долго), а проводник всё звонил. Он звонил из Иркутска, Хабаровска, Владивостока, потом опять из Иркутска, Тюмени и наконец снова из Екатеринбурга.

– Мне бы Глушкова! – раздался в трубке знакомый крик.

– Глушков у аппарата, – устало ответил я.

– Что?

– То! Глушков – вас – внимательно – слушает!!!

– Ага. Мы уже в Екатеринбурге и через пару дней будем у вас, встречайте! Но я ещё позвоню!

Два дня мы сидели как на иголках, не хватало ещё пропустить обратный поезд и опять остаться без товара.

И проводник позвонил.

– Вы где?! – запаниковал я. – В Сбокове? Почему не позвонили раньше? Сколько стоянка?

– Мы в Москве! Слышите? Уже в Москве! Вагон прицепили к составу, который шёл южной дорогой. Я постараюсь договориться и отправить груз к вам. Не волнуйтесь!

И правда, чего волноваться? Я бы не удивился, если б спустя годы услышал по телефону:

– Аллё, это Глушков?! Не волнуйтесь, я в раю, но постараюсь с кем-нибудь договориться и отправить груз к вам!

К счастью, так долго ждать не пришлось. С кем-то он всё же договорился, и продукцию мы наконец получили. Правда, из-за длительной перевозки у неё истекал срок годности. Еле-еле мы тогда её продали!»

Ещё я рассказал Гене про наших детей. Их у нас двое, Ксюша и Полина.

«Ксения, – писал я, – гимназистка, учится в гуманитарной гимназии. Полина ходит в детский сад. У них в детском саду сейчас мода на переводные татуировки, поэтому все дети, включая мою дочь, лепят себе «тату». Я как-то раз пришёл её забирать (обычно ходит Оля) и испугался: то ли в детском саду, то ли на зоне».

А ещё я поздравил Гену и его семью с Пасхой – в тот день была Пасха – Христос воскрес! И, как положено, передал привет.

С Геней Григорьевым мы познакомились в Екатеринбурге, тогда ещё Свердловске, где учились в Уральском госуниверситете на факультете журналистики. Познакомились так:

он пригласил меня в «колхоз» комиссаром. Сам Гена ехал командиром, его друг, а в последствии и мой хороший товарищ Толя Феоктистов – полевым командиром, а меня Гена пригласил комиссаром. Втроём мы составили в тот год состав отряда.

«Колхоз», о котором я веду речь, был не то, что «колхоз» в других вузах и даже на других факультетах, наш был особенный. Нет, конечно, с одной стороны, это была как у всех ежегодная осенняя повинность: целый месяц впахивать на полях так называемых «подшефных хозяйств», убирая картошку. Но с другой...

С другой, это было неплохо. Знаменитый Кырск! То есть небольшой уральский город Красноуфимск, сокращённо именуемый «Кр-ск», или – «Кырск», в районы которого мы отправлялись каждый сентябрь. Полная студенческая самостоятельность. Разве это плохо? Возможность прилично заработать. Может быть, плохо это? Плюс бонус: то, что кто-то поименует высокими словами романтика, дружба, проверка на прочность, а мы назовём проще: романтика там, дружба, то да сё. И дисциплина. Железная дисциплина! Комсостав – непререкаемый авторитет, командир – царь и бог. Единственное, что позволялось в отношении командира, это спеть студенческую песенку:

*Дили-дили-дили, колокольчики, ду-ду,
А я сегодня на работу не пойду,*

*Пускай работает наш Миша (Слава, Женя – ставилось
имя командира) дурачок,
А я в общаге закроюсь на крючок...*

В тот год пели:

Пускай работает наш Гена дурачок...

И Гена очень этим гордился.

После Гены командиром поехал Толя Феоктистов (я опять комиссаром), а вот на следующий год после Толи командиром должен был стать я! Со мной уже провёл переговоры декан факультета Боб Лозовский (прошу прощения, Борис Николаевич Лозовский – кстати, сам возглавлявший «колхоз» не единожды), я уже рисовал в тетради структуру будущего отряда и предвкушал, как с окрестных полей несётся раздольное:

Пускай работает наш Эдик дурачок...

Но как раз в мой год студенческие «колхозы» отменили.

Так я, значит, поехал с Геней комиссаром. Командир осуществлял общее руководство, полевой командир командовал на полях...

...В Толин «колхоз» взяли мы полевым командиром Витю Ломакина с физфака (отряд наш объединял два факультета:

журналистики и физический). Ломакин только окончил первый курс, но со своими обязанностями на полях справлялся неплохо.

И вот в «колхоз» приехала с проверкой администрация университета во главе с самим ректором Суетиным! Мы с Толей бегали вокруг комиссии, показывали ей условия труда и быта студентов, всеми силами старались понравиться. А Ломакин наш в это время выказывал ректору полное неуважение: на вопросы отвечал сквозь зубы и поглядывал с нескрываемым презрением. Когда комиссия уехала, мы кинулись к Ломакину:

– С ума сошёл? Это же ректор!

– Для вас он ректор, а для меня физик.

– И что, плохой физик?

– Ничего серьёзного, – сплюнул Ломакин. – Теоретик!

...В последний день Толиного «колхоза», когда отряд уже убыл, а мы – комсостав, завхоз и повара – остались, чтобы закончить дела, приехала ко мне из Свердловска Оля.

– Ты вовремя, – сказал я, – сегодня у тракториста Миши прощальный обед по случаю нашего отъезда. Сейчас как раз выдвигаемся.

– А почему у Миши?

– Он наш полевой соратник, а кроме того, душевный человек и гостеприимный хозяин.

Когда мы с ней подходили к дому, дверь неожиданно распахнулась, и на улицу выскочил нетрезвый мужик с красны-

ми глазами и тесаком в руке.

– Убью! – орал он.

Мы отпрянули в сторону.

– Убью-ю!

– Кого? – предельно мягко спросил я.

– Жену. А потом тещу!.. – он на секунду остановился. – Нет, сначала тещу! – радость озарила его лицо. – А потом жену!

– Это кто? – в ужасе прошептала Оля.

– А он и есть, Миша, соратник, душевный человек... Миша! – закричал я вдогонку. – Так мы к тебе в гости.

– Заходите! Я скоро вернусь!

И действительно, минут через сорок вернулся и присоединился к застолью.

– Ну, как? – выждав время, осторожно спросили мы.

– Не нашёл, – сокрушённо покачал головой Миша, – спрятались куда-то. Но я их, – он яростно потряс кулаком, – всё равно достану!

Так я, значит, поехал с Геней комиссаром. Командир осуществлял общее руководство, полевой командир командовал на полях, а на мне были вопросы досуга, быта, соревнования, лазарет и прочее. И почта. Я ходил с помощниками на почту, где получал на весь отряд письма и посылки.

– Высылайте посылку на имя Эдуарда Владимировича Сребницкого! – кричали в трубку деревенского телефона те, кто соскучился по домашним сладостям.

– Кому высылать? – слышалось сквозь шум и треск.

– Эдуарду Владимировичу Сребницкому!

– Как?

– Говорю по буквам...

Разумеется, имя моё предоставляло широкие возможности для творчества. Приходили посылки Эдгару Валентиновичу, Вадиму Валерьевичу, Эдуарду Владленовичу. Ну и, конечно, мощный толчок фантазии давала фамилия: в каких только сочетаниях отправители ни переставляли в ней буквы! И каждый раз работники на почте с пониманием относились к существующему в нашем отряде несчастью и лишь просили написать заявление, что указанный в отправлении «Альберт Вадимович Скребницкий» это я и есть. Но всё же однажды, посоветовавшись с начальством, посылку выдать мне отказались: в графе «Получатель» значилось – «Фёдорову Бревницкому». С тех пор во всех «колхозных» газетах я подписывался исключительно этим именем.

По прошествии уже первой недели пребывания в «колхозе» нам стали поступать жалобы на пропажу личного имущества. Пока пропадали духи, одеколоны и средства от насекомых мы не очень волновались, ибо знали, что состоящий у нас в отряде Сом, окончивший факультет несколько лет назад, но исправно год за годом приезжавший осенью в «колхоз» то ли заработать, то ли провести время, предпочитал эти напитки всем другим, подававшимся в столовой. Но затем начали пропадать деньги, часы и украшения. И наконец

обокрали нас, комсостав!

Под кроватью у Гены стояли коробки с французской тушью для ресниц. Мы купили её в Кырске в обычном магазине. Зашли и не поверили глазам: на прилавке свободно лежала французская тушь! Такое раньше только в районном магазинчике и можно было увидеть: в городах подобный товар практически весь реализовывался «из-под прилавка», а те крохи, что выставлялись в свободную продажу, разлетались за секунды. Ну, мы, понятно, в Кырске всё скупили: часть на премии в отряд, часть преподавателям на факультет, часть на подарки родственницам и подругам. И теперь оказалось, что наши запасы кто-то изрядно поубавил. Было немедленно начато внутреннее расследование.

Под подозрение попал один из «инвалидов»: вчерашний абитуриент физик Клюпин. Он повредил палец и уже несколько дней околачивался в расположении отряда, не выезжая в поле. В лагере находились, конечно, и другие «инвалиды», а кроме того, возчик, художник, дежурные. Но подозрения по ряду причин вызывал именно он. Подозрения подозрениями, а настоящих фактов у нас не было. Мы вызвали Клюпина в командирскую комнату и начали «колоть». Клюпин не «кололся».

Разговор вели в основном мы с Толей Феоктистовым. Командир Гена, которому принадлежала большая часть украденного, стоял сзади и хмуро наблюдал за происходящим. Мы Клюпина увещевали, стращали, мы врали, что дежурные

его видели выходящим из командирской комнаты, и вняли же, что за признание ему ничего не будет – Ключин всё отрицал. И даже смутил нас, ибо, действительно, не было похоже, что он в чём-то замешан. Обвинение терпело фиаско. Мы с Толей уже готовы были отпустить подозреваемого, но тут из-за наших спин вышел будущий писатель и драматург Гена Григорьев и, по-отечески глядя на Ключина, с грустью в голосе произнёс:

– Зачем же ты взял чужое, товарищ?

А Ключин усмехнулся и в сотый раз сказал:

– Ничего я не брал!..

Конечно, он бы в сотый раз так и сказал. Но на самом деле всё было по-другому, и я, не желая погрешить против истины, должен рассказать вам, как именно. Итак, ещё раз с третьей цифры.

Мы с Толей уже готовы были отпустить подозреваемого, как вдруг из-за наших спин выскочил Гена Григорьев и, стукнув того в грудь, иступлённо заорал:

– Ах ты, сука, спиз...ил, тушь?!

Это было так страшно и неожиданно, что Ключин побледнел и вдруг... подтвердил:

– Д...да.

– Мою тушь! – взвыл Гена. – Сколько штук?!

Ключин ответил.

– Куда дел?

– Отправил в посылках в Свердловск.

– Что ещё крал?

– Часы... деньги... золото.

– Вот бумага, пиши, где, когда и у кого.

Клюпин с трудом взял ручку, лист бумаги и перечислил все свои тёмные дела за недолгое время пребывания в отряде. Дел оказалось значительно больше, чем мы предполагали. С тех пор я не то чтобы одобряю, но с пониманием отношусь к экспрессивным методам допроса подозреваемых и уверен, что использованный Геной приём вкупе с озвученной фразой он вычитал где-то в специальной литературе для следователей, и именно так, выскакивая из-за спин и вопя: «Ах ты, с...», сыщики выводят на чистую воду самых изворотливых преступников.

– Иди, – сказали мы Клюпину, – вечером решим, что с тобой делать.

Но вечера Клюпин ждать не стал. Через час он сбежал из отряда. Поймали его только через несколько месяцев в Ленинграде, где он с друзьями, которым отправлял посылки из «колхоза», обкрадывал квартиры.

Я был на суде. Родители Клюпина оказались приличными людьми, жившими долгое время вместе с ним за границей, то есть относились к тогдашней элите общества. И происшедшее, естественно, не укладывалось у них в голове: как, в нашей семье такое?! Но я-то думаю, что дело здесь в наследственности: возможно, таким же, как Клюпин, был один из его предков. Знал я одну семью, все они были Буратино: па-

па Буратино, мама Буратино, дети Буратино... Нет, не то... Знал я одну семью, все они были приличными людьми: папа приличный, мама приличная, приличные дети. А один сын, младший, воровал чуть ли не с младенчества.

– Не знаем что делать, – разводили руками родители. – У нас ведь родня – люди как люди... кроме папиного дедушки: он всю жизнь воровал!

Теорию дурной наследственности наглядно демонстрируют и мои дети, которые подчас вызывают во мне крайнее возмущение. Ибо, если я один имею некоторые привычки, скажем, подолгу находиться в ванной, это нормально и вполне терпимо, но если в доме ещё кто-то делает то же самое, причём, в самый неподходящий момент – это не лезет ни в какие ворота!

А Ключину дали два года условно. Оказалось, что в момент задержания в Ленинграде он выполнял лишь второстепенную роль, а я, видя, какой оборот принимает дело, и не желая портить жизнь парню, сказал, что, скорее всего, мы ошиблись, и вещи крал не он. Надеюсь, всё у Ключина в будущем изменилось в лучшую сторону, то есть он перевоспитался. Хотя, глядя на своих детей, очень в это сомневаюсь!

Ещё мы с Геной в «колхозе» писали очередную биографию Перловича. По преданию Вавилон Евграфович Перлович, талантливый поэт, гениальный художник, глубокий писатель и острый публицист, близкий друг Аввакума, Пушкина, Булгакова и Малевича, а также декабрист, правый эсэр и

активный член Хельсинской группы – был сослан именно в ту деревню Красноуфимского района, где располагался наш отряд. Каждый год мы шумно праздновали день рождения Перловича, посещали его могилу и клялись на ней продолжать дело, за которое он много пострадал.

Одним из важных событий праздника была выставка картин Перловича. Мало кто знает, что задолго до того, как в изобразительном искусстве возникло направление кубизма, Вавилоном Евграфовичем Перловичем было открыто гораздо более революционное направление – параллелепипедизма. Постулаты параллелепипедизма чрезвычайно просты, как всё гениальное: то что есть вокруг хорошего изображалось параллелепипедами, то что плохого – кругами. По традиции центральное место экспозиции занимали два безумно талантливых полотна Перловича: «Летят перелётные птицы», где в безоблачную высь уносилась клином стая параллелепипедов, и «Сталин» – большой, очерченный жирной линией круг с усами и трубкой. Теперь вы понимаете, что это был за художник: какая бездна в глубину и какая глыба в высоту!

А ведь существовала ещё его поэзия! К сожалению, до нашего времени дошло мало поэтических работ блестящего Перловича, но всё же одну из них в тот год нам с Геной удалось восстановить и представить на суд благодарных слушателей. В порыве необычайного вдохновения Перлович писал:

*Старик Державин нас с Пушкиным заметил
И, в гроб сходя, Пушкина благословил!*

Потом, уже после «колхоза», мы с Геней выпустили газету. Была самая заря перестройки, «романтизм» в душах и головах, и преподаватели факультета поручили Гене организовать выпуск первой студенческой газеты, которая бы свободно распространялась в городе. Гена для этой цели организовал меня. Во-первых, узнав, что я еду в Москву, он дал мне некий адрес, куда я должен был сходить и написать материал. Я же не знал, куда. Оказалось, в самое логово опасного вольнодумства: в квартиру московских диссидентов!

Приняли меня там радушно и по-свойски спросили:

– Ну что, где будем беседовать, естественно, на кухне?

– Естественно! – воскликнул я, а сам подумал: «Даже в комнату пригласить не хотят».

И только гораздо позже я узнал, что кухня для диссидентов и есть самое почётное и даже святое место, где они собираются со всякими подобными себе и ведут подозрительные с государственной точки зрения беседы. Я не был подобный им, но, очевидно, имел неплохие задатки, так как в результате посещения написал статью «Изжить политический страх!», которую передал Гене, а он вставил её в газету. Это было во-первых.

Во-вторых, встретил я в Москве одну знакомую. Мы вме-

сте поступали в университет и снимали на абитуре комнаты в соседних квартирах. Выяснилось, что меня она вспоминала с огромным уважением, так как я умел делать нечто для неё непостижимое: жарить яичницу! Я же, применительно к тем дням, больше помнил не собственные кулинарные подвиги, а огромный бак с брагой под своей кроватью. Этот бак беспрерывно источал характерный кислый запах, и из него постоянно и поочерёдно втайне друг от друга зачерпывали то хозяин, то хозяйка, то прибывший после отсидки их сын.

Сдав последний экзамен, мы с двумя приятелями-абитуриентами обмыли это значимое событие, но деньги, как водится, слишком быстро кончились, и тогда я повёл собутыльников к заветному баку. Вначале мы ещё сохраняли представления о приличии и по первой кружке выпили с разрешения хозяйки, а потом нам её разрешения уже не требовалось.

В общем, в тот год я поступил, а моя знакомая нет. И уехала в Москву, где устроилась работать в одну из главных библиотек страны. Встретившись, мы премило поболтали, и она мне поведала между делом, какой у них там бардак, и как оттуда тащат периодику и книги все кому не лень, а я взял про это и написал.

И ещё добавил несколько материалов в том же духе. Когда Гена напечатал газету в черновом варианте, нас вызвали с ним на заседание преподавательского состава и всыпали по первое число. За очернительство, ложные представления о

свободе слова и тому подобное. А газету, так и не выпустив, закрыли.

Вскоре Гена женился, перевёлся на заочку, я окончил университет, но связи мы не теряли. И даже ездили друг к другу в гости, я на Урал, он в Сбоков, правда, большей частью совмещая эти поездки с деловой необходимостью.

Пользуясь случаем, хочу попросить прощения у жителей Сбоковской области за существенный урон, невольно нанесённый мной местной экономике. Потому что именно из-за меня прибыл в Сбоков Гена Григорьев, где продал промышленным и торговым предприятиям какое-то невообразимое количество неких железных подставок под телевизоры, которыми он тогда торговал. Проходили годы, а я наблюдал Генины подставки с затёртыми ценниками то в одном месте, то в другом. Думаю, что пострадавшие так и не смогли от них избавиться полностью и, стремясь избежать разорения, сдали хоть за какие-то деньги в металлолом. Правда, есть для сбоковских предприятий и хорошая новость: коммерцией Гена больше не занимается.

Вот этот Гена Григорьев, мой давний студенческий товарищ, и написал письмо. А я ответил. А Гена написал ещё раз. Он сказал, что им с Таней очень интересно было узнать про нашу жизнь, и кроме того, они от души посмеялись. «Так такого смеху, – подумал я, – у нас каждый день хоть отбавляй». И вскоре сел за ответ.

«Здравствуйте, Геннадий, Татьяна, а также Глеб и неизвестная нам Васса! – писал я (дочка Васса родилась у Григорьевых совсем недавно). – Отсылать вам письмо, очевидно, надо на адрес новой трёхкомнатной квартиры. Но я его не знаю, так что отошлю в Генину газету. Так сказать, «Дорогая редакция, хочу обратиться через газету».

Рады, что всё у вас хорошо, и, улучшив жилищные условия, вы подумываете об автомобиле. Мы по-прежнему занимаемся косметикой. Задача эта не из лёгких. Дело в том, что продаём мы косметику не простую, а, как нам кажется, очень интересную. Производят её разные научные учреждения, открывшие свои инновационные фирмы. И в этом состоит первая трудность. Кандидаты-доктора имеют светлые головы в отношении науки и столь же тёмные в плане бизнеса. С производителями массовой продукции гораздо проще, там коммерсанты, они умеют работать: отсрочку – бога ради, рекламу – пожалуйста. Но эти...

– Косметика ваша, – говорю я им, – покупателю неизвестна. Мы продаём её только потому, что сами тратим деньги на рекламу. Так предоставьте хотя бы отсрочку по оплате товара, мы ведь с вами почти три года работаем!

– Нет, – отвечают, – не предоставим. Хотя, если возьмёте в десять раз больше, подумаем.

– Во сколько раз?! Да неужто у вас кто берёт на такие суммы?

– Пока нет.

– Тогда, – говорю в сердцах, – сами давайте рекламу.

– А мы и даём.

И присылают журнал «Остеопороз и остеопатия», где их доктор опубликовал научную статью. Это у них, Гена, реклама! Поубивал бы!

С другой стороны – покупатели. Мы им объясняем: вот, мол, какая продукция, эффективная, эксклюзивная. Они кивают, но берут то, что рекламируют по телевизору. В общем, ситуация напоминает одну историю.

Встретили мы как-то с товарищем знакомого мужика, с которым года четыре назад вместе работали в мебельной фирме. Мужик этот лет пятидесяти, невысокий, коренастый и резкий в движениях, имеет привычку громко разговаривать и так же смеяться. И поскольку всю свою жизнь работает в снабжении, а может, просто по темпераменту, постоянно носится: туда-сюда, туда-сюда, за что получил прозвище «Сквозняк».

И значит, встретили мы Сквозняка, который по-прежнему состоял при той же мебельной фирме.

– Ну, как, – спросили, – дела?

– Всё хорошо, – закричал Сквозняк и принялся рубить рукой воздух, – всё прекрасно! Всё работает, крутится! Мебельную ткань возим, с поролоном проблем нет, доски пилим, сушим, качество отличное, машина есть, цех арендуем, производство, как часы! В общем, всё хорошо!

И как-то странно замолчал.

– Ну? – не выдержали мы.

– Сбыт х...ёвый! – вздохнул Сквозняк.

Мы с товарищем от смеха чуть не задохнулись.

Так же и у нас. Всё работает, крутится, машина в Москву ездит, продукция интересная, продавцы замечательные, офис прекрасный. В общем, всё хорошо. Сбыт х...ёвый!

Но главное, нам нравится! Оля даже в выходные дома сидеть не может, на работу срывается. Может, так и надо? Может, важна не цель, а путь? А покупатели, да бог с ними!

Спасибо, Гена, за твою новую книгу, прочту в ближайшее время. Как-то я был на дне рождения у одного знакомого. Он в юности графоманил, писал поэму. Поэтому, положив руку мне на плечо, сказал гостям:

– Молодец, Эдуард Владимирович! Э-эх, мне бы тоже писать, да времени нет, а вот он (благожелательный взгляд в мою сторону) – находит. Так держать, Эдуард Владимирович!

Так держать, Геннадий Геннадьевич!»

И Григорьевы прислали предложение.

«Слушай, – сказали они, – почему бы тебе не продолжить писать нам письма, а потом их опубликовать? Про ваш бизнес, про вашу жизнь предпринимательскую, про семью? Нам было интересно, наверняка будет интересно и другим».

И я подумал: а ведь в этом что-то есть, особенно касаясь возможности приоткрыть стороннему читателю тайны жиз-

ни российского предпринимателя. Манящие, но страшные, должен предупредить я, тайны.

И кроме того, обо всех профессиях люди знают: знают про врачей и учителей, про рабочих и крестьян, про содержателей подпольных притонов и мастеров рукопашного боя. А также про артистов и продюсеров, про милиционеров и бандитов... Про последних, вообще, знают больше всех: каждый из нас уже сам со знанием дела может выйти на охрану общественного порядка или «поставить лоха на счётчик». И только про предпринимателей, и в особенности про индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица (ПБОЮЛ), как это ни удивительно, не знают почти ничего.

Желая исправить это недоразумение, я и начал писать Григорьевым пространные послания. И теперь, когда посланий набралось достаточное количество, в соответствии с замыслом предлагаю их на суд читателя.

Ценным в получившейся рукописи является то, что всё изложенное здесь является правдой. Кто-то из русских писателей сказал, что у него в произведениях многое придумано, и даже там, где описана реальная жизнь, неизменно присутствует вымысел. Так вот, в моём повествовании всё наоборот, в нём нет ни слова вымысла, и все описанные события и ситуации происходили в действительности с реально существующими людьми, в первую очередь, конечно, с нами, со мной и Олей. И тем не менее, несмотря на столь громкое

заявление, я вынужден назвать своё произведение художественным. И вот почему.

Вполне вероятно, что кому-то из упомянутых в книге людей это может очень не понравиться, и они тут же подадут на меня в суд, или, что ещё хуже, начнут строить мне козни – по той и другой части у нас есть большие специалисты! А надо мне это? Со всей определённостью отвечаю: не надо! Вообще!

На стене соседнего с нами дома краской старательно выведено объявление: «Вывозка мусора. Машины не ставить во вторник, четверг». Потом «во вторник, четверг» зачёркнуто и исправлено огромными буквами: «Не ставить ВАПЩЕ!!!»

И кроме того, в своём произведении я не собирался никого обличать, а уж тем более клеймить. Моя задача была предельно проста: рассказать о жизни, которая нас окружает и, может быть, немного посмеяться над ней. Хочу обратить внимание заинтересованных господ: не над ними, а над ней! Поэтому я изменил имена отдельных героев, кое-какие детали, не имеющие большого значения, а также некоторые географические названия, в числе которых, что удручает меня более всего, название нашего любимого города. И официально прошу считать все совпадения, обнаруженные кем-либо на данных страницах, абсолютно случайными.

Прошу также не сердиться на отдельные эпизоды своих друзей и знакомых: всё рассказанное здесь – к ним с исключительной любовью и уважением.

И ещё мне хотелось написать такую книгу, чтобы её могли

рекомендовать продавцы книжных магазинов своим покупателям. Однажды я достаточно близко наблюдал этот процесс.

– Чё-то бы почитать такое, – попросила покупательница продавца, как я догадался, свою знакомую.

– Ну, возьми вот эту.

– А хорошая?

– Нормальная. Американец один написал. О жизни там, о политике. Но, знаешь, неплохо так написал, не грузит.

– Я, вообще-то, больше женские книги люблю, они меня не грузят. Вот эту писательницу читала.

– Ты знаешь, а меня она как-то грузит. Не знаю, но почему-то грузит... Женские? А вот эту читала?

– Нет.

– Ты знаешь, ничего так, нормально, не грузит. Возьми.

– Не грузит, да?

– Вообще не грузит.

– Ну, давай.

О, как я мечтаю, чтобы и мой скромный труд удостоился высшей похвалы профессионалов и почитателей литературы – «не грузит»! – коего качества в меру сил я пытался достичь! И если в результате мне это удалось хотя бы в малой степени, я бы мог считать себя полностью удовлетворённым, а задачу, поставленную передо мной моими друзьями, с некоторой долей успешности выполненной.

Глава 2

Здравствуйтесь, Геннадий, Таня и ваши чудесные дети, в чём мы имели возможность убедиться благодаря фотографиям! Итак, я приступаю к исполнению обещанной угрозы: описанию будней «малого предпринимателя» и, щадя вашу неподготовленную нервную систему, начну разговор о нашей работе с рассказов о нашем отдыхе, где, впрочем, тема малого и мелкого бизнеса всплывёт ещё неоднократно.

Недавно мы вернулись из отпуска. Знаю, что вы любители путешествий с палаткой куда-нибудь на Байкал, или на Алтай. Нам же в это году страсть как захотелось к тёплому морю. Перебрав варианты, мы остановились на российском курорте, а точнее – на пансионате, принадлежащем АО «Российские железные дороги», под городом Сочи. Я в этот пансионат позвонил, узнал цены, сроки заезда, сбросил по факсу заявку на проживание и получил от них подтверждение, правда, устное. Всё замечательно, можно ехать.

И вот наступил день отъезда. Сели мы в поезд, прошли на свои места. Видим: места не очень чистые, и окно на треть открыто. Я попробовал раму поднять – не получилось. Попробовали поднять вместе с товарищем, Глушковым, который нас провожал: рама с трудом, медленно, у-у-у, закрылась. Порядок. Отошли, начали прощаться, рама – вж-ж, сползла вниз. Подошли, толкнули – у-у-у, рама вверх, ото-

шли, прощаемся – вж-ж, рама вниз. Подошли – вверх, отошли – вниз. А на улице прохладно, а у нас дети, и Полина простужена.

– Спасибо, что проводил, – отпустил я Глушкова, – похоже, надо искать проводников.

Проводница, тётка в телесах, выслушав мои претензии, никак не отреагировала. Я повторил: окно не в порядке.

– Сейчас тронемся, приду, – произнесла она недовольно. Я стал объяснять ей, что идти надо сейчас, а не когда тронемся. Проводница посмотрела на меня, о чём-то подумала и направилась к нашему купе.

– Ну и что, – сказала она, увидев окно, – надо просто закрыть.

– Закрываюте.

– А сами не можете?

Я стал объяснять ей, сколько заплатил за билеты по повышенному летнему тарифу и что хотел бы за эти деньги получить. Она посмотрела на меня, о чём-то подумала и полезла на стол.

Тут я, признаюсь, начал волноваться. Во-первых, мне показалось, что не выдержит стол. Но стол, ничего, выдержал. Потом я испугался, когда проводница зачем-то на столе присела: зрелище, знаете, не для слабонервных. Но, оказалось, это она просто схватила ручку рамы – как штангист, только хват не спереди, а сзади, за спиной. И в третий раз я вздрогнул от хлопка, когда проводница, пошире разведя ноги и

напрягшись до красноты, что есть сил дёрнула раму вверх. Хлоп! Окно со стуком закрылось!

– Вот так, – сказала проводница, слезая и собираясь уйти.

– Подождите, – остановил я её.

– Что ещё?

Рама – вж-ж, медленно сползла.

Проводница посмотрела на меня, на раму, о чём-то подумала, вновь забралась на стол, на котором, между прочим, нам ещё предстояло кушать, присела, покраснела – хлоп, окно закрыла. Слезла на пол – вж-ж, оно открылось. Забралась, присела – закрыла. Отпустила, слезла – открылось. Дети во все глаза на неё смотрят, Оля стоит в коридоре.

– Подержите ручку, – сказала мне со стола проводница после очередного приседания, – я скоро приду.

– Щас, – ответил я ей.

Меня злило, что они заранее не удосужились привести купе в порядок.

– Маш!!! – закричала проводница так громко, чтоб услышала напарница, проверяющая билеты у входа в вагон. – Маш!!!

Через какое-то время появилась Маша с безразлично-непробиваемым выражением лица.

– Подержи окно, – попросила наша Машу, – я за электриками схожу.

«При чём тут электрики?» – подумал я. Хотя мне уже было всё равно, пусть хоть компьютерщиков ведёт.

– Да ну, – сказала Маша, – мне надо билеты проверять.

И ушла. Наша слезла и ушла тоже, рама – вж-ж, сползла вниз.

Возвратилась проводница, ведя за собой электриков – двух кавказцев устрашающего вида: одного в выправленной тельняшке, другого в расстёгнутой до пупа рубашке. В руках электрики несли кувалды.

– Вот, – сказала наша.

Я, грешным делом, подумал, это она про меня, но проводница ткнула пальцем в окно.

– Закрывай давай, – сказали ей электрики.

Наша суетливо полезла на стол, присела, напряглась и привычным рывком окно закрыла.

– Клинья давай, – сказали электрики.

– Маш! – закричала наша. – Неси клинья, только быстрее!

Через какое-то время появилась безразличная Маша с деревянными клиньями.

– Засовывай давай, – сказали электрики.

Маша втокнула клинья между окном и рамой, и электрики начали лупить кувалдами, загоня деревяшки вглубь. По купе полетели щепки и грязь. Наша, продолжая удерживать раму, инстинктивно отдёргивала ноги.

Наконец электрики закончили.

– Слезай давай.

Наша осторожно отпустила ручку, слезла и с некоторым страхом оглянулась. Мы тоже напряжённо ждали. Рама оста-

лась на месте.

– А как открывать, – спросил я электриков, – когда жарко будет? Кондиционер-то, сказали, не работает.

– Никак, – ответили они и, помахивая кувалдами, ушли.

За ними с чистой совестью ушли проводницы.

Так путешествие началось.

А вообще, ехали мы хорошо. Своё купе, никто не мешают, мы никому не мешаем. На станциях бабульки продают окорочка с картошкой, малосольные огурцы и прочую снедь. Этот тоже хорошо. Потому что от Сбокова до Сочи ехать почти трое суток, и мы рассчитывали обедать в вагоне-ресторане. Но не тут-то было. Мимо нас время от времени возила тележку разносчица из ресторана. Возила так: откидывала в коридоре стульчик, садилась на него и долго-долго, минут тридцать, мечтательно смотрела в окно на пробегающие мимо леса, поля и т.п. Потом поднималась, везла тележку в соседний вагон и, подозреваю, долго-долго смотрела в окно там. Так вот, я спросил у неё, что есть в ресторане на обед.

– Ничего нет, – мечтая о чём-то, сказала она. – Мы ведь адлерская бригада, домой едем.

Как будто, когда адлерская бригада едет домой, у пассажиров напрочь пропадает аппетит.

Вообще, некоторым людям для активной работы непременно нужна личная заинтересованность. А если её нет... На одной станции от нашего состава отцепляли вагон. Пришли

четверо мужиков в оранжевых жилетках, а отцепить вагон не могут: нет диспетчера с рацией. Маневровый тепловоз давно стоит, поезд уже вот-вот тронется – нет диспетчера.

– Где она? – психуют мужики.

– Вон, – говорит кто-то.

– Где?

– Вон-вон.

– Ленка! – орут они. – Иди сюда!

– Да, шас, – машет рукой Ленка.

Она в таком же оранжевом жилете и с рацией через плечо носится с ведром по перрону и кричит:

– Кому абрикосы?! Покупайте абрикосы! Хорошие абрикосы!

К несчастью, обратно мы ехали тоже с адлерской бригадой, хорошо хоть до Москвы, на сутки меньше. Проводница ни разу в купе не убирала, бельё не разносила, чаю не предлагала. Зато всем предлагала пиво.

– Хорошее пиво, холодное, – говорила она буквально каждый час, поблёскивая глазами, – я уже пробовала.

А ближе к вечеру стала предлагать водку, и её блестящие глаза не оставляли сомнений в том, что она пробовала и её. По коридору же в это время ездила разносчица из ресторана, кричала про печенье и минералку и многозначительным взглядом указывала на спиртное, замаскированное среди бутылок с водой.

Но я отвлёкся. Приехали мы в Сочи ранним утром и сразу

направились в пансионат. Честно говоря, немного беспокоились: вдруг что-нибудь не так, вдруг, например, бронь на нас не выписана? Заведение принадлежит железной дороге, а от неё всякого можно ожидать. Куда мы тогда с детьми и вещами? Но с бронью оказалось всё в порядке, выписана была бронь. От сердца отлегло, настроение повисилось, дети побежали смотреть расписание мероприятий, а мы с Олей сели заполнять анкеты. Когда анкеты были заполнены, не очень приветливая администраторша стала их читать и между делом спросила:

– Расценки за проживание знаете?

– Знаем, – ответил я легкомысленно, – специально ведь к вам ехали. Конечно, не дёшево, но надеемся хорошо отдохнуть.

И назвал ей сумму.

– Что-то непонятное вы говорите, – произнесла сквозь зубы администраторша, – потому что для отдыхающих со стороны номер у нас стоит...

И назвала цифры гораздо, просто гораздо большие.

– Подождите, – не понял я, – здесь какая-то ошибка. Мы созванивались, договаривались о цене.

– Не знаю, с кем вы созванивались и о чём договаривались, – начала она раздражаться, – только вот тут у меня написано. Читать умеете?

– Но ваш бухгалтер сказала, что заявка подписана и подтвердила стоимость проживания!

– Вот бухгалтер пусть вас и селит! А у меня против вашей фамилии написано другое. Вот! Читать умеете?!

Мои ошарашено слушали разговор.

Тут пришла сменщица администраторши, так как начался новый рабочий день, и уходящая стала рассказывать ей про меня:

– Представляешь, говорит должен меньше платить: вроде бы, с кем-то он там договаривался. А здесь ясно написано!

– Ну, надо же, – гневно посмотрела на меня новая. – Что ему ещё надо, если здесь написано?

– Вы издеваетесь, что ли? – я не верил свои ушам. – Мы сюда приехали специально из-за вашего пансионата, у нас была кипа других предложений.

Полина в рёв:

– Мы теперь на улице будем жить, я есть хочу!

– Мужчина, вы будете селиться или нет?! Мне смену сдавать надо!

До сих пор не знаю, почему я им ничего не сказал на прощание? Теперь в душе поселилось чувство неудовлетворённости: мог ведь сказать, многое мог сказать, а промолчал, не сказал! Размеренная, обыденная жизнь, Гена, дарит нам редчайшие моменты, счастливые возможности сделать нечто настоящее, а мы опрометчиво их разбазариваем! А ведь они не вернуться, моменты-то, не вернуться. И мы будем страдать. Небось отлаял бы администраторш, обхайлал от сердца, глядишь, на душе бы полегчало. А теперь что? Осталось обхай-

лать какой-нибудь паровоз, а в его лице пансионат железной дороги.

Вышли мы с плачущей Полиной на улицу. Матовое солнце только-только поднималось из-за гор, пели птицы, зеленели магнолии, вдали шумело море, и мы вдруг поняли, что несмотря ни на что находимся на курорте. А раз на курорте, то всё равно отдохнём, ни здесь так в другом месте. «Тьфу на них», – подумали мы и минут через пятнадцать по совету случайной прохожей ехали в Адлер.

У абхазской команды КВН была шутка: «Если человек праведник, на лето он попадает отдыхать в РАЙлер, если грешник – в АДлер».

Не успели мы в Адлере, тьфу ты, в Адлере, сойти на землю и осмотреться, как тут же какой-то брюнет, непонятно откуда возникший, предложил нам услуги частной гостиницы. Почему я говорю «непонятно откуда возникший», потому что секунду назад на обозримом пространстве его не наблюдалось. Была женщина, у которой мы спросили про сдаваемое жильё, и больше никого. И вдруг возник он. Ни я, ни Оля объяснить потом этого не могли (вроде, рогов и хвоста, памятуя об Адлере, у него не было).

Больше всего брюнет гордился тем, что центральный замок на его «Волге» открывает дистанционно не только все двери, но и багажник. За те пять минут, что мы ехали до места назначения, он сказал об этом не менее пяти же раз, не

забывая, Впрочем, расписывать прелести будущего жилья.

Гостиница оказалась двухэтажным особняком на двенадцать номеров, только-только с претензией отделанным и обставленным новой мебелью. Вышедшая нам навстречу суровая женщина ни в какую не хотела пускать брюнета внутрь.

– Натопчешь пол, – вытесняла она его, – а у нас тут чисто!

– Я привёл вам клиентов! – возмутился тот и всё-таки пролез мимо, ходил за нами по пятам, пока мы осматривали номера, и остался очень доволен, когда мы решили здесь остановиться. Очевидно, он заработал.

Нам понравилось, что в гостинице всё новое, не замызганное, и к тому же располагалась она, с одной стороны, недалеко от моря, а с другой, близко к рынку, то есть к дешёвым свежим фруктам.

Хозяйке гостиницы, женщине лет сорока пяти, её заведение тоже очень нравилась и гораздо больше, чем постояльцы. Она любила свою собственность, на ремонт которой, очевидно, было потрачено немало денег, и ненавидела тех, кто на эту собственность, хоть бы и временно, покушался. Она бы предпочла, чтобы постояльцы платили деньги, а жить не стали.

Её работница, та суровая женщина, которая встречала нас по прибытии, вполне разделяла взгляды хозяйки и смотрела на клиентов недобро и с подозрением. Хозяйка с работницей не убирали в номере, не давали мыла и не выносили мусор, что обязательно делают в любой гостинице и за гораздо

меньшую плату, зато, как только мы уходили, направлялись в наши комнаты, всё осматривали и выдёргивали из розетки зарядное устройство мобильного телефона, чтоб не расходовалась электроэнергия. Если же мы садились на балконе ужинать, непременно кто-нибудь из них появлялся и проверял, что у нас на ужин, а один раз хозяйка, выдернув пробку из бутылки, стоящей на столе, понюхала, что мы пьём.

А пили мы вино. Там на каждом шагу продают вино, фабричное и домашнее. Все местные его продают, все приезжие его пьют. Чтобы смягчить работницу, мы купили у неё вина, и после этого она действительно подобрела. Чего нельзя сказать о хозяйке.

Впрочем, мы мало обращали внимания на мелкие неприятности и отдыхали по полной программе: солнце, море, шашлык, что ещё надо? Вдали плещутся дельфины, по пляжу ходят торговцы-армяне и кричат:

– Риба капчёнй, вобля сушёний, пиво халёдний очинь-очинь.

Полина вспомнила, что по пути на вокзалах продавали пирожки и тоже стала кричать, как ей казалось, по-армянски:

– Пиро-ожки! Пиро-ожки! – почему-то окая на вологодский манер.

Устав жариться на пляже, мы решили осмотреть местные достопримечательности и наняли с этой целью частного таксиста-экскурсовода. Звали его Ашот.

– А информация какая-то будет? – спросил я Ашота, когда

мы договаривались о цене.

– У вас будет самая лучшая информация, – заверил он. – Я экскурсовод высокого класса, вожу людей пять лет.

Начал он экскурсию так:

– Здесь очень красивые места, всем нравятся. Иностранцы из Олимпийского комитета приехали и сказали: «Ай, какие красивые места! Мы хотим провести здесь Олимпиаду! Только дорога у вас не очень. Постройте дорогу, и мы сразу проведём Олимпиаду!»

– Только дорога их не устроила? – уточнил я.

– Да. Особенно вон там, за коттеджем Саркисяна.

Я понял, что информация будет, действительно, самая лучшая. Поэтому разговор у нас постепенно перетёк на обсуждение преимуществ и недостатков различных марок автомобилей.

А места и вправду были очень красивые, поездкой мы остались довольны, а в конце он продал нам бутылку красного вина, которое делал его отец. И вино оказалось замечательным, хоть и более дорогим, чем у остальных.

Отец Ашота тоже работал таксистом и тоже был экскурсоводом высокого класса. Но в отличие от энергичного сына ездил мало, а предпочитал целыми днями играть на стоянке в нарды. Мы каждый день проходили мимо по дороге на пляж и обратно и поскольку знали, кто это такой, и вино его нам понравилось, то считали возможным улыбаться ему, как знакомому, и вскоре он начал улыбаться нам в ответ.

– Хорошее вино мы купили у Ашота, – сказал я ему как-то, улыбаясь. – Сами делаете?

– Конечно, сам, – сказал он, улыбаясь в ответ.

– Нельзя ли купить ещё бутылочку? – спросил я, улыбаясь шире.

– Конечно, можно! – умудрился он улыбнуться шире меня и достал из багажника бутылку. – Вам очень понравится!

Вино оказалось отвратительным, пить мы его не смогли, несмотря на всё уважение к малому бизнесу и к отцу Ашота лично. Поэтому я понёс бутылку обратно.

– Что-то вино оказалось... не таким хорошим, как первый раз, – сказал я, улыбаясь, – может, вы что-нибудь перепутали?

К моему удивлению, улыбаться он не стал, а, напротив, посмотрел недовольно.

– Ничего я не перепутал! Хорошее вино.

И отвернувшись, бросил на доску кубики. С этого момента мы охладели друг к другу.

Но с Ашотом отношения остались прежними, сын, как известно, за отца не в ответе. И в последний день он даже нашёл водителя, который отвёз нас до Сочи, ибо, хотя поезд и отправлялся из Адлера, изначально билеты у нас были куплены с сочинского вокзала: поближе к санаторию железной дороги. Водитель оказался добрым армянином в годах, всю дорогу у него на магнитофоне играла нескончаемая армянская мелодия, а ехал он... если сказать быстро, то будет

не совсем точно. Вот если вы смотрели французский фильм «Такси», где главную роль играет араб с непривычным русскому слуху именем Сами Насери, то поймёте. Примерно так он и ехал. Заметив, что на очередном вираже я вжался в кресло, он меня успокоил:

– Здесь недолго ехать. Вот сегодня я одних в Туапсе вёз, так они сильно переживали. Ничего, доехали.

Доехали и мы. Сочи, наслаждаясь прохладой, отдыхал от напряжённого курортного дня, из привокзального ресторана доносилась песня группы «Чай вдвоём» в исполнении местных певцов : «Били ми с тобо-ой, кито всиму вино-ой», а к перрону подходил безнадёжно отставший от нашего лихого таксиста адлерский поезд.

Когда мы садились в вагон, проводница почему-то не проверяла билеты, зато, блестя глазами, шептала каждому входящему:

– Есть хорошее холодное пиво. Я сама пробовала...

Так прошёл наш отпуск. Сейчас мы об этом только вспоминаем и думаем про шутку абхазской команды: что-то в ней, понимаешь, всё-таки было!

Ваш

Эдуард Сребницкий.

Глава 3

Здравствуйте, Гена и Таня!

Подходит к концу грибной сезон. Мы с Олей любим пару раз за лето съездить за грибами. Проблема в том, что «сами мы не местные» (как говорят побирušки в поездах) и грибных лесов не знаем, но узнать стараемся всеми силами. Как-то привезли нас на такое место мой тогдашний партнёр по бизнесу Рифат и его жена.

– Этот лес нам по секрету показали знакомые, – предупредили они, – и то после долгих уговоров. И если узнают, что мы не только сами ездим, но возим ещё кого-то...

Естественно, прибыв на место, мы нос к носу столкнулись с теми знакомыми. Они окинули нашу компанию ледяным взглядом и тут же уехали.

А лес, так-то да, оказался замечательным...

Вы ещё не слышали этого бродинского выражения: «так-то да»? А между тем, оно является местной достопримечательностью наравне со знаменитой глиняной игрушкой и грибами рыжиками, о которых речь пойдёт ниже. Ибо настоящий бродинец вряд ли скажет: «Действительно», «Разумеется», «Безусловно», а произнесёт расплывчатое: «Так-то да», что может, так-то да, обозначать и утверждение, а может – сомнение, возражение и даже отрицание – в зависимости от интонации, с какой выражение было произнесено. И если

вы, например, спросили случайного прохожего, сможете ли выйти этой дорогой к оврагу Засора (ещё одной городской достопримечательности), и услышали в ответ «Так то да» – не спешите радоваться, поскольку, возможно, вы действительно двигаетесь в правильном направлении, но возможно также, что идёте в прямо противоположную сторону и когда-нибудь достигните оврага Засора, исходя из представления, что Земля это шар.

Но вернёмся к нашему рассказу: лес, и вправду, оказался замечательным. Грибов – что называется, косо́й коси! Мы набрали сколько смогли, дали страшную клятву Рифату и его жене, что никому и никогда не выдадим сказочного места, а на следующий год ехали туда уже со своим знакомым, взяв с него предварительно обещание молчать об увиденном до конца своих дней.

К нашему удивлению грибов в этот раз было меньше. На следующий год ещё меньше, на следующий – ещё, и наконец почти совсем не стало. То ли знакомые Рифата из мести заговорили это место, то ли его заговорили те, кто привёз сюда самих знакомых Рифата, то ли, вообще, его в сердцах проклял тот, кто когда-то давно-давно первым обнаружил невиданный лес, много лет хранил его в тайне, пока однажды не взял с собой по грибы надёжного друга, в железном слове которого ни секунды не сомневался. Как бы то ни было, грибы со временем исчезли.

Я имею ввиду настоящие грибы. Потому что в последний

раз за неимением лучшего мы напластали там нечто напоминающее волнушки. Они и впрямь были похожи на волнушки, только светло-коричневого цвета. «Просто подёрнуты первым морозцем», – подумали мы и засолили целый бак.

Вскоре из бака вместо аппетитного грибного аромата стали расплзаться неприятные запахи. Мы искоса поглядывали на выступивший рассол, проветривали помещение и всё ещё надеялись на благополучный исход. Но запахи ширились и крепили, пока наконец не превратились в стойкое зловоние, которое сделало нашу жизнь трудно-выносимой. Промывание грибов и добавление в них пуда соли результатов не дали, и вскоре нужно было решать вставший со всей остротой вопрос, кому предстоит проживать в квартире: нам или «подёрнутым первым морозцем волнушкам»? Последние участия в голосовании не принимали.

А наш товарищ Глушков, с которым мы эти «волнушки» собирали, за зиму их всё-таки съел, из чего следует вывод, что грибы были не ядовитые. Но несмотря на этот обнадеживающий результат, мы решили искать новое место.

Поэтому, когда один наш знакомый бизнесмен, Сергей, неосторожно похвастал, что каждый год собирает грузди чуть ли не мешками, а потом солит их полный холодильник, мы наострили уши. Я бы не поверил ему насчёт груздей, потому что в Сбокове эти грибы встречаются достаточно редко. А лучшим грибом для засолки, да и вообще лучшим в мире грибом, местные считают рыжик.

О рыжиках надо сказать особо. Чтобы определить сбоковца за многие тысячи километров от родных мест, достаточно произнести при нём это магическое слово: рыжики! И он тут же блаженно закатит глаза и начнёт издавать интимно-восторженные звуки «о-о!», «м-м!» и тому подобное. Именно так недавно в Челябинске выяснилось, что мой давний друг Володя Чернов, которого я почитал коренным уральцем, родом из этих мест, и долго ещё потом он причмокивал губами и закатывал глаза не в силах успокоиться.

Мы же с Олей всегда относились к рыжикам свысока, поскольку считали, что они в засолке по всем статьям уступают тем же груздям: ну что говорить, когда грузди такие беленькие и твёрденькие, а рыжики, хоть и «пахнут лесом», как утверждают местные, но тёмненькие и мягонькие. А почему «относились» и «считали», потому что годы, проведённые в Сбокове, не прошли бесследно, и на втором десятке лет здешнего пребывания мы постепенно стали склоняться ко мнению, что рыжики грибы, и вправду, не такие уж плохие, и хотя они несколько темноваты и не так тверды, как, например, те же грузди, но всё ж таки своеобразны, вкусны и, как бы это точнее выразиться – пахнут лесом! А один раз я за собой заметил, как, попробовав рыжик, восторженно замычал. Поэтому, так то да: любим мы, сбоковцы, рыжики!

А и грузди тоже любим! Хотя, повторяюсь, я не очень верил, что их можно собирать тут мешками. Но Серёга это утверждал и в доказательство, распахнув холодильник,

предъявил нам трёхлитровые банки, распираемые от содержимого, как их хозяин от гордости, и даже по неосторожности одну из банок открыл на пробу. И мы с Олей поняли – надо действовать.

– Ну что, выпьем? – поднял я рюмку, когда вскоре Серёга зашёл к нам в гости (дело было два года назад). – Правда, извини, груздей на закуску нет.

– Ничего, – улыбнулся тот самодовольно, – я их дома поем.

– Где же вы, Сергей, собираете такие замечательные грузди? – спросила Оля как бы просто в рамках светской беседы.

– Да, там, ехать надо, – попробовал он в рамках светской беседы уйти от ответа.

– Прекрасно сказано! – неискренне засмеялись мы. – А в какую сторону ехать?

Не мог же он в рамках светской беседы просто невежливо промолчать.

– Это... м-м... в общем, по Казанской трассе. Да, по Казанской трассе ехать.

– Наверное, до самой Казани, ха-ха? Или не до Казани? Он забеспокоился, но по инерции ещё улыбался в ответ.

– Нет, конечно, не до Казани.

– А до куда?

– ... Это ...это в нашей области.

– Значит, где-то есть свёрток с трассы?

– Так то да... есть один свёрток... А как у вас дела на ра-

боте? Почему-то вы совсем не рассказываете, как у вас дела на работе!

– На работе нормально. Свёрток далеко от Сбокова?

Он понял, что попал в железные руки и, приблизительно описав маршрут, засобирился домой.

В первые же выходные мы отправились в поездку по трассе. На месте стало ясно, насколько маршрут оказался приблизительно. Мы изъездили все окрестности, но ничего толком не нашли. Из Сергея вышел бы неплохой партизан.

Но и в нас, возможно, умер разведчик. Вскоре мы принимали у себя нашего товарища Мишу, который одновременно являлся ближайшим соратником и компаньоном Сергея. У нас были веские основания полагать, что Миша относится к категории посвящённых.

– Ну что, выпьем? – поднимал я рюмку, пытливо заглядывая Мише в глаза. – Правда груздей, к сожалению, на закуску нет...

Как всё-таки хорошо, что в большинстве своём люди не любят отягощать свою душу тайнами! Ведь будь по-другому, из нашей жизни ушла бы доверительность, искренность отношений. Все сомневались бы во всём, подозревали друг друга – а вдруг от них скрывают нечто важное? – стали бы мнительными и замкнутыми. Как бы тогда люди смогли общаться между собой, как дружить, как любить, в конце концов?! И как бы мы тогда с Олей узнали, где в Сбокове растут грузди? Короче, Миша проговорился про это место: не сразу

и с неохотой, но проговорился, да ещё обмолвился, что ездят они туда после двадцатого августа.

Целый год мы пребывали в нетерпении. И вот двадцать первого августа – хотели ещё девятнадцатого, да из-за работы не получилось – отправились по грузди. Всю дорогу мы боялись, что встретим у заветного места Серёгину машину. Но её не оказалось. Зато повсюду росли чудесные грузди! Мы умиротворённо собирали их, оставляя те, которые совсем маленькие. Потому что честный грибник должен оставить кое-что и другим, например, Серёге, который завтра, возможно, приедет сюда и тоже захочет набрать груздей. Хотя, положим, завтра эти маленькие грибы ещё не вырастут, но пусть тогда Серёга приезжает послезавтра, или лучше через неделю, потому что мы, например, через неделю сюда не поедem.

Вот как поступают честные грибники! Но есть грибники другие. Которые в нынешнем году собрали на том месте все грузди за день до нашего приезда! Оставили, правда, какую-то мелочь, на которую и рука не поднялась. А так – всё подчистую! Интересно, кто это мог пройти по нашим местам? Неужто Серёга? Точно, он! Люди, Гена, на чужое добро шибко падкие.

В общем, так плохо, как в нынешнем году мы ещё не ездили. Не набрали даже «подёрнутых первым морозцем волнушек».

А на обратном пути возле дома Оля попросила остановить

машину, чтобы купить на рынке овощей. Там среди огородников, торгующих морковкой и зеленью, стоял дед с окладистой седой бородой, продававший опята. Этот дед продаёт грибы уже много лет на одном и том же месте, облачённый в один и тот же болотного цвета плащ. Когда идут белые – дед продаёт белые, когда лисички – лисички, когда сезон заканчивается, и в лесу можно встретить только сгнившие и изъеденные грибы – он продаёт их. В этот раз были опята.

Мы любим также и опята. Они редко бывают червивые, их легко собирать, и нам, уральцам, нравится их вкус. В Сбокове же, как и грузди, они растут редко, и их мало кто знает. Поэтому торговля у деда шла вяло.

– Купить, что ли? – вернулась к машине Оля.

Я не знаю почему в тот момент не грянул гром, не поднялась буря и не задрожали деревья, свидетельствуя о проведённой раз и навсегда огненной черте, за которую отныне нам нельзя было переступить! С этого момента мы никогда уже не могли рассказывать анекдоты о рыбаках, покупающих улов в магазине, и грибниках, едущих «по грибы» к ближайшим торговцам на автотрассе. Свершилось! Грибные черти, сидя на багажнике, надрывали животы от смеха. А мы с Олей смотрели друг на друга полными слёз глазами.

– Покупай, – сказал я ей, – опят очень хочется.

И Оля понуро побрела к деду.

– Только узнай, где он их берёт! – крикнул я вслед. – Мы ещё сами туда съездим.

– Ну что? – спросил я, когда она с ведёрком, полным отличных опят, уселась рядом. – Узнала?

– Сказал, тут недалеко, где-то не то в Лапотках, не то в Ложкарях. На вырубках.

– Ничего, отыщем по карте. Он узнает, как наши грибы собирать. – И я бросил взревевшую машину вперёд.

Скажу сразу, никаких Лапотков и Ложкарей на карте мы не нашли, не было таких деревень поблизости: дед, старая бестия, соврал на голубом глазу порядочной женщине. Я бы так не смог. Но всё же мы ему безгранично благодарны за то, что изучая карту близлежащих мест, многократно расширили свои познания бродинской земли, или, как любят здесь говорить на эпический манер – земли бродинской.

Кто бы мог подумать, что прямо рядом с нашими домами рассыпаны драгоценными камнями деревеньки со сплошь изумительными трогательными названиями. Мараки, Мокрецы, Дуркино, Кобели, Дряхловщина, Козулинцы, соседи Шишонки и Гавшонки, а также Скопино, Вороньё, Чуни, Блохи... И посреди этой россыпи сверкает и переливается всеми цветами радуги самый крупный и чистый бриллиант здешних мест: скромная деревенька под названием Бздюли. Нет, про бриллиант мы, конечно, знали и раньше – такое невозможно игнорировать при первом же знакомстве с местами, где предстоит прожить, может быть, до конца дней своих, – но оказалось, что и оправка бриллианту под стать! И это только то, что находится рядом, под боком. А если отпра-

виться дальше, как здесь говорят: «За Тужу, за Вою, за Пержу»! Всё это, как вы понимаете, местные географические названия. Поэтому, дальше лучше не ездить!

Мы и не поехали. Намариновали, засушили то что есть, и с нетерпением ждём теперь, когда будем пробовать. Вот и всё, что касается прошедшего грибного сезона.

Зато начался сезон учебный. Полина в этом году поступала в подготовительный класс Сбоковской гуманитарной гимназии (это где Ксения учится). Желающих – со всего города, а мест только сорок. Перед самым экзаменом мы вдруг осознали сложность стоящей перед нашей семьёй задачи и кинулись натаскивать Полину.

– Скажи, Полина, – спрашивали мы строго, – кто написал «Незнайку»?

Почему-то мы решили, что на экзамене будут вопросы про Незнайку.

– Не знаю, – отвечала Полина.

– Как это, не знаю? Ты должна знать. Он ещё «Мишкину кашу» написал. Кто это?

– Не знаю.

– Это писатель Носов, Полина. Запомни – Носов. Запомнила?

– Запомнила.

Через некоторое время мы решили проверить, как усвоен прошедший материал.

– Скажи, Полина, кто написал «Незнайку» и «Мишкину кашу»? Только отвечай чётко, как на экзамене.

– Ломоносов!

Хорошо, что на экзамене этого вопроса не было. А так всё для нас закончилось благополучно, и Полина теперь ходит в подготовительный класс.

Ксения уже три недели как семиклассница. Едва только начали учиться, родителей пригласили на собрание.

– Седьмой класс, гуманитарная гимназия, Пушкин! – млея, сказала учительница. – Дети в этом возрасте так восприимчивы, они так любят Пушкина. Мы всем классом едем в Болдино. Болдинская осень, Пушкин, ах, мы едем в Болдино!

На улице была холодина, беспрестанно лил дождь, и мы задумались, так ли прекрасна в этом году Болдинская осень? И вообще, на мой взгляд, в Болдино надо ехать тогда, когда Пушкин стал для тебя частью жизни.

Из гимназии пришла Ксения. Им тоже сообщили о поездке.

– Едем с классом на экскурсию, – сказала она, – в какое-то Балдино.

Но самым удивительным оказалась стоимость поездки. Был бы жив Пушкин, он бы постеснялся столько брать. Мы прикинули: за такие деньги запросто можно отдохнуть на море. Это явилось последним аргументом, и дочь у нас осталась дома.

Но некоторые поехали. Когда они вернулись, мы спросили Ксению об их впечатлениях.

– Деревня, – сказала она, – им не очень понравилась, зато в поезде и кафешке – класс!

А по приезду чуть не половина группы во главе с учительницей слегли с простудой.

Но дело, видимо, в том, что на учителей села какая-то туристическая фирма. Она быстро поняла, что требуется в гуманитарной гимназии, и к каждому предлагаемому туру теперь приписывает «пушкинские места». Так в ближайших планах поездка по пушкинским местам в Санкт-Петербург, затем по Золотому Кольцу (неужели Пушкин там везде бывал?), а летом на Кипр, я так понимаю, тоже вслед за Пушкиным.

Написал письмо в сентябре, но не отправил, закрутился с работой, а сейчас на дворе уже поздний ноябрь, лежит снег. Когда он выпал, я понял, Гена, что перестал радоваться первому снегу. Во-первых, это случилось в начале октября, а последний – был ещё в июне: за четыре месяца мы как-то не успели по снегу соскучиться. Во-вторых, мне пришлось отчищать машину руками, потому что автомобильная щётка осталась дома. А в-третьих, в этот день, аккуратно на начало нашего дежурства, кто-то нагадил на лестничной площадке. Впрочем, на площадке гадят и на первый снег, и на последний, и к майскому грому, и в Юрьев день, а мы никак не мо-

жем договориться с соседями насчёт уборщицы: они не хотят лишних расходов.

От вас ничего не слышно, надеюсь, что всё хорошо.

И так то да, остаюсь искренне ваш

Эдуард Сребницкий.

Глава 4

Здравствуйтесь, Гена, здравствуйтесь, Таня, здравствуйтесь все Григорьевы!

Очень рад, что вы нашлись и живы-здоровы, что у вас появился адрес, хоть бы и электронный. Поэтому сел за письмо. Писать буду по принципу малых народов Севера: что вижу, то и пою. А что видят малые народы Севера? Зимы. Вот и я буду петь про зимы. Ох, и длинны же у нас зимы! Это я ещё не пою, это я просто констатирую: ох, и длинны же у нас зимы! Что особенно чувствуется в середине февраля. А началась нынешняя зима, как я вам уже писал, в октябре.

Это время ознаменовалось у меня началом борьбы за открытие нового отдела. Недалеко от нашего офиса прямо на глазах выросла красавица торговый центр, и мне нужно было позарез туда попасть. Хорошее место сейчас – вопрос жизни и смерти для розничной торговли. Народ стал привередлив, куда попало не идёт, а конкуренты сильны и агрессивны, давят ценами и шикарными магазинами: короче, каждое стоящее место на вес золота.

Ежедневно проходя мимо строящегося центра, я прикидывал, как бы мне занять там несколько заветных метров, и когда наконец начались отделочные работы, а Оля в очередной, сотый раз прозудела, что пора действовать, я понял, действовать, в самом деле, пора!

Выяснилось, что заказчиком нового центра выступает некое торговое предприятие «Плодоовощ». А поскольку одновременное упоминание торговли, плодов и овощей вызывает в голове совершенно определённые национальные ассоциации, а по прикидкам строительство здания вылетало в немалую сумму, я подозревал, что за данной неброской вывеской стоит сплочённая группа азербайджанских товарищей.

Но знакомый азербайджанский бизнесмен заверил, что его товарищи к строительству центра отношения не имеют. А имеет отношение, как мне удалось выяснить, некая бывшая овощебаза в одном из пригородных совхозов. «Ни фига овощебазы деньгами ворочают!» – с уважением подумал я и начал осторожно подбираться к руководителю этого загадочного золотиносного предприятия.

Оказалось, фирмой «Плодоовощ» командует женщина. «Ни фига женщины ворочают овощебазами, которые ворочают такими деньгами!» – с ещё большим уважением подумал я, а в глубине души порадовался, так как знал, что путь к сердцу женщины посредством моей косметической продукции ищется гораздо быстрее. Через какое-то время я добыл телефон этой дамы, позвонил ей, представился, насколько это возможно, приятно, и договорился о встрече.

Встреча была назначена в их деревенском офисе. Отправляясь туда, я не только надел почищенный отутюженный костюм, но и вымыл с шампунем машину, дабы её блеском про-

известии хорошее впечатление на избалованную роскошью миллионершу. На половине пути я понял, что сделать этого мне не удастся. Дорога к офису была такая, что я молился уже не о сохранении блеска своего автомобиля, а лишь о его сохранности: ежесекундно приходилось объезжать ямы, торчащие ребром плиты и вылезавшую из бетонного полотна арматуру. А перемешанная со снегом грязь тут же облепила мою машину до самой крыши. Не иначе миллионерша ездил в офис и обратно на танке, или, что более вероятно, на тракторе.

Из приёмной, несмотря на назначенное мне время, я долго не мог попасть в кабинет: туда постоянно входили люди, о чём-то спрашивали, носили на подпись какие-то бумаги и получали указания. Похоже, это была одна из тех приёмных, где нельзя просто сидеть и ждать своей очереди, иначе существует вероятность вообще никогда не пройти дальше. Я встал, решительно всех отодвинул и, войдя в кабинет, плотно прикрыл за собой дверь. Тактика сработала – никто не произнёс ни слова.

Хозяйкой кабинета оказалась полная женщина с крупными чертами лица, которая, спросив: «По какому вопросу?», показала мне на стул и при этом, беседуя по телефону, одновременно подписывала лежащие перед ней документы. Я понял, что попал к человеку дела.

Звали её, как мне удалось выяснить заранее, Таисия Петровна Плаксина. В тот момент, когда я вошёл, секретарша за

стеной как раз диктовала кому-то по телефону фамилию:

– Плак-си-на! Плаксина. От слова плакать.

– Что ты такое говоришь, Валя! – крикнула ей Плаксина (она, оказывается, слушала ещё и секретаршу: ну, чисто Юлий Цезарь). – Я сроду не плакала!

И этому можно было верить. Она была решительна и деловита, она вникала в сотню вопросов сразу, и я бы назвал её бизнес-леди, если бы всё вокруг, в том числе и она сама, чем-то не напоминали мне всё-таки овощную базу. Хотя, кто знает, может быть цезари в следующей жизни становятся директорами овощных баз?

Я начал рассказывать ей о нашей фирме и нашей продукции, говорил об исследованиях российских учёных и созданных ими интереснейших косметических препаратах, поведал о биологически активных добавках и уникальных средствах для оздоровления организма, подчеркнул, что наши покупатели – наиболее культурная и образованная часть общества, к коей я, безусловно, отношу и свою очаровательную собеседницу.

– Хорошо, – кивнула она, – пока ничего обещать не могу, но я вас записала.

Для первого визита можно было считать свою задачу выполненной. Я дождался, пока она меня действительно записала, галантно попрощался и отбыл.

Спустя некоторое время я приехал вновь, как бы с уточняющим вопросом, потом приехал с тем, чтобы показать об-

разцы товаров и оставил их в качестве презента, потом заглянул опять. И таким образом добился того, что Плаксина начала меня узнавать.

– А-а, – сказала она в очередной визит, – Вячеслав, заходи.

– Эдуард.

Я зашёл.

– Садись, где-то ты у меня записан. Ага, вот: «дешёвая косметика».

– Что?! – Так меня ещё не обзывали. – «Дешёвая косметика»?!

– А в чём дело? Тут была одна, записалась «элитная парфюмерия», а у вас, я так поняла, дешёвая косметика.

– Вы так поняли? Очень жаль... Но с другой стороны, – мне нужно было замазать неуместный всплеск эмоций, – в некотором роде вы правы. Наша продукция, возможно, не такая дорогая, как известные французские марки. И всё же точнее было бы написать: «натуральная и лечебная косметика». Впрочем, как вам удобнее. Я, собственно, только заехал узнать, могу ли рассчитывать на место в вашем центре?

– Думаю – да. Но мы ещё позвоним.

Это была почти победа! Пусть с уязвлённым самолюбием, но победа, почти. Мои корыстные расчёты оправдались, усилия не пропали зря. А для достижения цели часто приходится чем-то поступаться. Главное, чтоб они позвонили. Я теперь ждал. И они позвонили.

– Это дешёвая косметика? – спросили с того конца про-
вода.

– ...Нет, – ледяным тоном ответил я. – Лечебная косме-
тика.

– Извините, мы ошиблись.

– Нет, нет, не ошиблись! – закричал я. – Дешёвая косме-
тика, дешёвая! Я – дешёвая косметика!

– А что ж вы тогда говорите?

– Я пошутил, пошутил.

– Это фирма «Плодоовощ». Мы хотели пригласить вас на
подписание договора.

– На подписание договора?! Это хорошо! Просто замеча-
тельно!

– Но это точно вы?

– Конечно я! Кто же ещё? Я самая дешёвая косметика!

– Так вы приедете?

– Лечу!

С Плаксиной мы встретились, как старые друзья.

– Садись, Вячеслав, – пригласила она радушно, – читай
договор. Возникнут вопросы – задавай.

Вопросы у меня возникли.

– Таисия Петровна, а что же арендная плата такая высо-
кая?

– А как ты хотел? Центр новый, нам окупать его надо.

– Ну да, ну да, вам окупать его надо... И я смотрю, ещё
отдельно коридоры оплачивать придётся?

– А как ты хотел? Куда ж коридоры девать?

– Это да, это да, коридоры девать некуда... И аренду надо внести сразу за три месяца?

– За три.

– А когда центр откроется неизвестно?

– Почему неизвестно? Через пару недель откроем.

– Через пару недель?! Так нам срочно нужно заказывать оборудование!

– Конечно, заказывайте... А тебе, вроде, что-то не нравится? У меня, ведь, смотри, желающих очередь.

– Нет-нет, что вы, всё нравится. Только скажите, Таисия Петровна, здесь кто-то ещё косметикой будет торговать?

– Вот тут я тебя, Вячеслав, могу обрадовать: с косметикой больше не будет никого, только ты, обещаю.

– Это хорошо. А то в одном универмаге вдруг появились рядом конкуренты, некая фирма «Фавор», и цены стали сбивать: не торговля, а сплошное мучение.

– Не беспокойся, никаких «Фафоров» (она так сказала, с двумя буквами «ф») здесь не будет. Так ты подписываешь или нет?

– Подписываю.

– Учти, все деньги на этой неделе надо внести.

– На этой неделе?!

– А как ты хотел? У меня, ведь, смотри, желающих очередь.

– Хорошо, что-нибудь придумаю.

Я подписал договор, поставил печать. А дома всё считал, всё прикидывал: сумма получалась немаленькая, а вдруг покупатели в новый универмаг не пойдут и затраты не окупятся?

К концу недели я набрал номер Плаксиной.

– Таисия Петровна, это Эдуард. Решил позвонить, сомнениями поделиться: сегодня, если в универмаге менее сорока торговых мест, люди идут туда с неохотой.

– Что ты... э-э-э, – она запнулась, вспоминая, какое имя я только что назвал, – ...Никифор. Что ты! У нас в центре восемьдесят одно торговое место.

– Восемьдесят одно?!

– Восемьдесят одно.

– Это нормально, тогда даю команду платить.

– А ты ещё не заплатил, что ли? У меня, ведь, смотри...

– Всё, всё, плачу. А что слышно, когда центр откроется?

– Через пару недель.

– Вы, вроде, неделю назад говорили, что через пару недель.

– Ну, ты же знаешь, то да сё. Через две недели сдадим.

Через две недели, конечно, никто ничего не сдал, а ещё через две недели Плаксина пригласила нас к себе. Настроение у неё было приподнятое.

– Я только что из городской администрации, – объявила она, – там наш универмаг очень понравился. Главный архитектор сказал, что лично даст указание, какое оборудование

вам ставить и как.

– Он что специфику нашего товара знает? – возмутился я. – Знает особенности выкладки? У меня уже своё оборудование в работе!

– Ну, Вячеслав, не лезь в бутылку, – нахмурилась она, – люди ведь со всей душой. Сейчас вам дизайнер (она так произнесла – «дизайнэр») расскажет требования главного архитектора, и через пару недель будете въезжать.

Я уже сталкивался с главным архитектором нашего города, даже дважды. Первый раз мы хотели повесить на фасад здания щит со своей рекламой.

– Щит должен быть того же цвета, что и фасад, – сказал нам главный архитектор, – и того же цвета, что реклама рядом.

Мы пригляделись и, действительно, обнаружили поблизости два баннера того же цвета, что и фасад здания. Все попытки донести до сознания главного архитектора мысль о непременном отличии наружной рекламы от окружающего пространства привели к тому, что установить щит нам вообще запретили.

Другой раз ему принесли на подпись вывеску нашего небольшого магазина.

– Неплохо, – одобрил он, – только всё должно быть крупнее! И знаете что: на фотографии я вижу два больших окна рядом, над ними тоже сделайте вывески!

Я стал объяснять, что соседние окна не наши, что множе-

ство световых коробов ни к чему, да и слишком дорого для маленького магазина.

– Хорошо, – сказал он, – над окнами убираем. И знаете... центральную тоже переделайте, чтоб не отличалась от фасада!

Поэтому, имея скромный, но показательный опыт творческого общения с главным архитектором, я подавленно ждал очереди к «дизайнэру», чтобы посредством него узнать определённую мне главным городским эстетом судьбу.

Судьба эта, как и следовало ожидать, представлялась безрадостной. Архитектор видел в торговом зале мало торгового оборудования, но много света и воздуха. За мой, разумеется, счёт. По полной, разумеется, ставке. И я бы не согласился с теми, кто выказывал недовольство проектом. Что-то в нём было по-настоящему творческое. Какая-то, понимаешь, печаль о несбывшемся и одновременно, понимаешь, радость от свершённого. Так архитектор видел мир.

Когда Ксюша была маленькой, она рисовала на бумаге человечков. Вот ручки, вот ножки, вот тело, вот голова. Но голова размещалась сразу на туловище.

– Ксюшенька, а где же шея? – спросила Оля.

Ксюша подумала и рядом с человечком нарисовала палочку:

– Вот она.

Подумав ещё, Ксюша нарисовала в стороне и кружочки.

– Ксюшенька, а это что такое?

– Это его коленки.

Марк Шагал бы обзавидовался.

Главный архитектор тоже видел окружающую действительность по-своему. Другое дело, что не все смогли его творчество оценить. Включая и меня.

– Что же это такое, товарищи? – возмутился я. – Платить за полные метры, а использовать только половину?! Как в таких условиях аренду окупать?

– О! Вячеслав! – окликнула меня Плаксина. – Хорошо что ты заговорил, а то я бы забыла. – Она взяла меня интимно за локоть и отвела в сторону. – Слушай, – она перешла на доверительный полушёпот, – сейчас после совещания в администрации подошёл ко мне заместитель мэра, говорит, надо бы разместить у вас одну фирму. Я, сам понимаешь, отказать не могу. Называется фирма – «Фафор». Ты что-то, вроде, про неё говорил: конкуренты, и всё такое. Но я думаю, ничего, подружитесь.

– Конечно, подружимся, – стены вокруг меня поплыли. – А скажите, Таисия Петровна, – я вдруг захотел выяснить все мучившие меня вопросы разом, – что-то мало на собрании присутствовало арендаторов, у нас в универмаге точно будет восемьдесят одно торговое место?

– Сколько?! – удивилась она.

– Восемьдесят одно.

– От кого ты такое услышал?

– От вас.

– От меня?! Когда?

– Я звонил вам по телефону шестого ноября, после обеда.

– Шестого, после обеда? – она покатила со смеху. – Ну ты даёшь, Вячеслав. Мы уже вовсю праздновали Октябрьскую революцию! Ты бы ещё в День работника сельского хозяйства позвонил, честное слово.

По всему было видно, что я доставил ей несколько радостных минут.

– У нас будет где-то мест двадцать четыре-двадцать пять. Остальное – другие помещения.

– Караул, – одними губами произнёс я.

– Что?

– Таисия Петровна, как мне забрать свои деньги?

– Какие деньги?

– За аренду, за три месяца.

– А что такое, вставить не хочешь?

– Не хочу.

– У меня ведь, смотри, желающих очередь.

– Пусть, а я не хочу.

Похоже, мои слова она восприняла как оскорбление. Края её губ сверху переползли вниз, щёки опустились следом, глаза приобрели холодный блеск. Но мне было всё равно.

– Пиши бумагу о расторжении, в тот же день вернём, – она отвернулась и зашагала прочь.

А я тут же сел писать бумагу о расторжении договора.

Конечно, я не получил денег ни в тот день, ни в следую-

щий. Разумеется, я не получил их ни через неделю, ни через месяц. Я названивал бухгалтеру и ругался, а та в свою очередь ругалась на меня.

– Верните мне мои деньги! – требовал я.

– Ваших денег уже давно нет!

– Верните мне другие!

– Как я вам верну другие, если они не ваши?!

– А где мои?

– Ваших уже давно нет!

Но наконец деньги мне вернули, признаться, даже раньше, чем я ожидал. Можно даже сказать, в разумный срок. Чего никак нельзя сказать о сдаче нового торгового центра. Проходили дни, недели, месяцы, а он так ещё и не был построен.

Но всему на свете наступает свой срок, наступил срок сдачи и этого центра. Мы с Олей недавно заглянули туда из интереса. Половину всех торговых площадей, которые с таким воодушевлением проектировал главный архитектор, занимала фирма «Фавор». Презрев его проекты, она разместила оборудование в удобных для себя местах, а окна, призванные залить торговые залы светом, кощунственно устала средствами для мытья унитазов.

Покупательская активность в торговом центре, как и ожидалось, низка, последнее время арендаторы один за другим отсюда уходят. А я, ежедневно проезжая мимо, грущу о безвозвратно потерянных здесь месяцах моей работы. Поговаривают также о закрытии другого магазина, на раскачку от-

дела в котором мы потратили более двух лет. И в связи с этим я задаюсь грустным вопросом: на что уходят мои – кому как, а для меня золотые – годы?

И если уж о грусти и о зиме, то расскажу вам случай, прочитанный мной намеренно в одной местной газете. Если бы я писал очерки о провинциальной интеллигенции, то, безусловно, включил бы в них данную историю. Но поскольку пишу письмо, то включу данную историю в письмо.

А в ней помимо провинциальной интеллигенции фигурируют животные. Совсем недавно я смотрел по телевизору передачу: в Соединённых Штатах добровольцы спасают морских львов, которых иногда выбрасывает на берег. Морские львы, оказывается, сильные и опасные животные, и для того, чтобы поместить их в специальный контейнер, а потом перевезти в лечебницу, добровольцам приходится очень рисковать. Но что делать, животных надо спасать, без помощи человека они погибнут!

(Позже я прочитал про подвижников и у нас в Сбокове. Один из них, например, собирая с миру по нитке, организовал первый в области собачий приют, где сам бесплатно лечит животных).

Но не только в Соединённых Штатах (и Сбокове) животные нуждаются в помощи. Вот, например, в городе Свобод-

ском Сбоковской области пришёл зимой на дачу местный художник Лыжин (как сказано в газете: «широко известный в Свободском художник Лыжин») и увидел у себя на участке двух лежащих рысей!

Лыжин рассказал газете: «...Та, что побольше, свернулась полукольцом, а поменьше лежала поперёк неё, видимо, грея теплом своего тела. Они были обессилены. Снег нынче высокий, вот они и перешли через реку, выйдя к людям в поисках пищи».

Подивился «широко известный в Свободском художник Лыжин» и, придя домой, поведал об увиденном жене, которая, к слову, работает заведующей Свободским музейно-выставочным комплексом. Выслушала заведующая Свободским музейно-выставочным комплексом своего мужа, широко известного в Свободском художника, тоже подивилась, а и усомнилась.

– Может, – спросила, – это не рыси, а собаки?

– Нет, – ответил художник Лыжин, – не собаки это, а рыси.

И на утро отправился вновь на дачу. Видит: лежат его рыси на прежнем месте. Что делать прикажете? Рассудил широко известный в Свободском художник идти за помощниками. И правильно рассудил, именно так должно поступать в подобных случаях. И направился он напрямиком в милицию.

Здесь наш рассказ исключительно про интеллигентных людей заканчивается, ибо, как известно, милиционеры никаким боком к этой сомнительной прослойке не относятся,

более того, по знаку ей противоположны, на подобные сравнения могут обидеться и даже запросто съездить обидчику резиновой палкой промеж лопаток. Но само повествование продолжается, потому что приняли в милиции художника хорошо, выслушали внимательно и пособить в этом необычном деле согласились.

Пришли милиционеры с хозяином на дачу, видят: так и есть, лежат рыси! Не соврал заявитель! Попробовали хищниц согнать, а одна из них уже не шевелится: замёрзла, значит, за ночь. Но ведь есть ещё и вторая, та что первую теплом своим грела. Ей-то как пособить? Проблема! Посоветовались помощники с художником, да и расстреляли её на фиг из автомата: нет рыси – нет проблемы. А то нужно ловить, куда-то везти, да и вообще, рядом детская площадка.

– Оставить их вам? – спросили художника помощники.

– Нет-нет, – замахал руками художник. – У меня натура чувствительная, я буду переживать.

– А мы не будем, – сказали помощники и увезли трофеи с собой.

Приехав в отделение, они рысей чуток на улице подморозили, порубили на куски и скормили собакам: не пропадать же добру.

А широко известный в Свободском художник Лыжин рассказал об этом занимательном происшествии журналисту областной газеты, а та в свою очередь (надо же – рыси на садовом участке!) – читателям. И, согласитесь, происшествие

в самом деле интересное.

Что-то расхотелось мне пока петь про зиму, продолжу в следующем письме.

Всего вам доброго.

Э. Сребницкий.

Глава 5

Здравствуйте, Гена и Таня!

Если прошлое письмо завершилось занимательным зимним случаем, то теперь я намерен говорить только о серьёзном. И даже о главном. А самым главным зимним событием для нас с Олей является Новый год! Не в том смысле главном, как для всех: новые надежды, праздничная ёлка, шампанское и т.д. Это будет потом, когда в двенадцать часов за столом мы наконец вспомним, что праздник, он праздник и для нас. А в смысле сумасшедших декабрьских недель, когда, забывая про всё, кроме работы, мы будем пытаться поспеть за ускоряющимся день ото дня темпом торговли... Да, несомненно главное событие!

Его приближение мы начинаем чувствовать где-то с середины ноября. Именно в это время в торговом центре «Васильевский» нам приходит уведомление о необходимости внести плату на новогоднюю рекламу центра, а также на призы покупателям. Не помню, Гена, рассказывал я тебе про «Васильевский» или нет, но, честное слово, на нём нужно остановиться подробнее.

«Васильевский» – новый торговый центр, построенный на окраине Сбокова несколько лет назад. Не слишком удачное расположение его с лихвой компенсируется большими размерами и вследствие этого высокой покупательской прохо-

димостью. Говорят, что в числе владельцев торгового центра некое физическое лицо из Сбокова и некое физическое лицо из южных краёв, известное в определённых кругах как Витя Перелёт. Руководство «Васильевского» отвечает на это, что, действительно, один из акционеров торгового центра родом с южных областей, зовут его, действительно, Виктором, и прозвище у него – ну что вы, не кличка, а так, дружеское прозвище – Перелёт, но никакого отношения к уголовному авторитету Вите Перелёту он не имеет, хотя внешне на него очень похож. А что приезжает иногда в Сбоков на крутой тачке в сопровождении быковатой охраны, так сейчас у бизнесменов это принято. В общем, вам-то какая разница?! Есть торговый центр, ходите в него и покупайте.

«Васильевский», и впрямь, торговый центр неплохой. У нас там есть маленький отдел наверху, и в течение нескольких лет я безуспешно пытаюсь перебраться сверху на нижние этажи, где торговля значительно лучше. Но куда там! Как говорит небезызвестная директор овощебазы Плаксина: «Желающих – очередь». Причём, на любое место. А когда желающих много, а места мало, то и дирекция подбирается соответствующая.

Особо известен в ней администратор Евсей: лет сорока, с короткой стрижкой, шрамом на подбородке и толстой золотой цепью на груди. Обычно Евсей в течение дня прогуливается по торговому центру, для души высматривая привлекательных девушек, а для работы выискивая мельчайшие

огрехи у нас, арендаторов, чтобы тут же наложить штраф.

Евсей доводит до истерик продавщиц и до бешенства предпринимателей. Первые его до смерти боятся, вторые до такой же степени ненавидят. Наша продавец получила серьёзную нервную травму, когда однажды, поднявшись из-под прилавка, где выкладывала товар, прямо перед собой увидела голову Евсея, который разглядывал продукцию. Они встретились нос к носу, разделённые только стеклом. Продавец в ужасе закричала, Евсей от неожиданности подпрыгнул и тоже заорал. С тех пор его прыгающая орущая голова является ей в кошмарных снах.

Евсей главный надзиратель за установленными в «Васильевском» порядками. Он придумал, чтобы охранники получали премии от наложенных штрафов, и теперь крепкие парни заняты не столько обеспечением безопасности, сколько слежкой за соблюдением мельчайших предписаний руководства торгового центра.

Например, нашим продавцам, которые работают по одной, запрещено оставлять отдел под любым предлогом. И если кто-то из продавцов, не выдержав, уходит в туалет, тут же дождавшийся своего звёздного часа охранник вприпрыжку бежит за Евсеем, тот, боясь опоздать, несётся за третьим свидетелем из администрации, и они втроём, радостные и возбуждённые, ждут несчастную у выхода из уборной, чтобы составить акт и наложить на хозяев положенный штраф.

В своё время они нас так замучили туалетными штра-

фами, что мы вынуждены были за дополнительную плату посадить за прилавок бабулю, изображающую из себя продавца-консультанта, пока настоящий продавец, скрываясь и дрожа, пробирается к туалету. Заметив это, администрация заявила, что в отделе запрещено находиться посторонним лицам, а если бабуля не постороннее лицо, а, как мы утверждаем, продавец-консультант, то должна полноценно работать с покупателями.

Пришлось разрешить бабуле продавать несколько самых простых наименований. Она делает это с удовольствием, хотя частенько путает продукцию и цены. Кроме того, когда бабуля в простое, она любит тут же перекусить, или выпить морсу, и происходящая рядом беседа продавца с покупателем, подчас на весьма деликатную тему (у нас отделы товаров для здоровья), ей не помеха. Всё это, положив руку на сердце, не очень способствует поддержанию нашего высокого имиджа. Но что делать? Разве что прибить Евсея.

У меня с ним однажды едва не произошла драка. Он даже закрыл на ключ кабинет, где мы вдвоём беседовали на повышенных тонах, и демонстративно подёрнул рукава. Я тоже поднялся и бросил в сторону свой портфель. Дальнейшая сцена напоминала классический диалог из «Золотого телёнка»: «Ты кто такой?», «А ты кто такой?», чем, однако, всё и кончилось. А некоторые арендаторы дрались с Евсеем прямо между прилавков. Так что работа у него, в общем-то, нервная.

Один раз он подошёл к нашему продавцу (к той, которую чуть не до смерти напугал) и сказал:

– Слушай, я знаю, у вас тут разные средства полезные, мне бы чё-нить от нервов! Не могу, на куски бы всех порвал!

Продавец едва не упала в обморок, но потом взяла себя в руки и начала Евсея консультировать. Она порекомендовала ему специальные биологически активные добавки, ароматерапию и успокаивающие ванны.

– Применяйте всё это комплексно, одновременно, – объясняла она, – и вы достигните нужного результата. Особенно рекомендую ванны.

Собрав покупки, Евсей ушёл. Прошло недели полторы, и они столкнулись на этаже.

– Ну, что, – спросила продавец, – уже пробовали средства?

– Нет, – сказал Евсей, – я ещё не мылся...

Анекдот про «нового русского». Приходит «новый русский» к врачу. Жалуется на здоровье, что спит плохо, что нервы шалят. Доктор ему после осмотра:

– Знаете, вам нужно что-то в жизни поменять.

«Новый русский»:

– Слушай, братан, я за последний год поменял три квартиры, три машины, двух жён, четырёх любовниц, пять банков и две «крыши». И ещё этого мало?!..

...Значит, в преддверии нынешнего Нового года в торговом центре «Васильевском» вручили нам уведомление о

необходимости внести деньги на новогоднюю рекламу и призы покупателям. Такое уведомление приходит каждый ноябрь, и каждый раз меня поражает указанная в нём сумма. Первый год я пытался убедить руководство, что она чрезмерна, но, как вы понимаете, безуспешно.

Более того, сумма постоянно увеличивается. И причиной тому – главный новогодний приз, который по странному стечению обстоятельств всегда выигрывает кто-нибудь из приближённых к администрации людей.

Вначале одному из них был вручён маленький автомобиль А-класса. На следующий год собрали больше денег и вручили другому приближённому автомобиль класса В. Ещё через год счастливец получил С-класс. А исходя из нынешней суммы мы ждали премиум. Но оказалось, что в этом году был куплен не один, а несколько главных призов: мотовезدهходы по десять тысяч долларов каждый и резиновые лодки по тысяча долларов пятьсот. Очевидно, будущие победители решили заняться туризмом. И это правильно: общения с природой – вот чего нам не хватает! Полюбоваться горящим закатом, умыться росой с рассветом. А машина, что машина? Евсей недавно приобрёл новую крутую тачку, а с неё росой не умоешься и в тонированные стёкла закат не увидишь.

Короче, началось как всегда с «Васильевского». А через неделю нас пригласили в другой торговый центр под названием «Бирюса». Администрация «Бирюсы» была обеспокоена тем, что «Васильевский» уже собрал деньги на «ново-

годний промоушн» (там был солидный бородатый мужик в грязных ботинках, который говорил «новогодний промоушн»), а они ещё нет.

– Так у нас всех покупателей отобьют! – возмущалась администрация «Бирюсы».

Первый год я пытался доказать, что с «Васильевским» конкурировать бессмысленно, что это крупный универмаг, и тот, кто хочет пойти в крупный, всё равно в него и пойдёт. Но, как вы понимаете, (см. выше).

Поэтому, когда торговый центр «Сокол» объявил, что не может допустить оттока покупателей в «Бирюсу» и «Васильевский» и начинает агрессивную рекламную кампанию за счёт средств арендаторов, я особо не возражал.

– Ведь в ваших интересах привлечь покупателя к нам. Разве не так? – вопрошали они.

– Конечно так, – соглашался я, чтобы побыстрее с этим покончить и успеть в универмаг «Радуга», который собирал арендаторов по поводу того, что «Васильевский», «Бирюса» и, по слухам, «Сокол» намереваются увести наших покупателей.

Какое это, доложу я вам, увлекательное занятие платить деньги, переманивая покупателей из одного своего отдела в другой! Но самое интересное, что в тех редких магазинах, где «новогодний промоушен» отсутствует, выручка всегда оказывается выше, чем в магазинах с «промоушеном». Как восклицает в подобных случаях мой тесть:

– Вот чем объяснить?!

Я не знаю. Да и думать над этим некогда. Потому что сразу за Новым годом идёт Рождество (говорят, где-то происходит наоборот), вскоре – День Святого Валентина, потом День защитника Отечества, а там и Международный женский день, то есть всё, что называется «нашей горячей зимой».

Глава 6

И всё же она кончилась, «наша горячая зима». Усталые, но довольные, взяв детей, мы отправились на центральную площадь города на праздник Масленица, имеющий, как известно, ещё одно название: Проводы русской зимы.

Надо сказать, что все главные праздники Сбокова весьма похожи друг на друга. Организует их местный продюсер, режиссер и шоумен Юра Титов. Нет, вру! Пару лет назад отмечался юбилей города, и проведение праздника курировал лично мэр Виноградов. Выяснилось, что некой московской фирме он отвалил из нищего бюджета миллион рублей (огромную по тем временам сумму) за... сценарий заключительного шоу.

Юре Титову, конечно, столько не платят. Может быть, поэтому проводимые им на центральной площади праздники скучны и однообразны: традиционно на одном и том же месте сооружается сцена, где под музыку танцуют самодеятельные артисты, одетые, в соответствии с отмечаемой датой, либо в гимнастёрки (на День Победы), либо в сарафаны и косоворотки (на Проводы зимы), либо в весёлых – так, по крайней мере, подразумевается – снеговиков (это на Новый год). Рядом продают воздушные шары, пиво, шашлыки, а вокруг памятника Ленину лошади, которых я, кажется, знаю уже всех в морду (про лошадей, вроде, не говорят «в лицо») ка-

тают ребятню.

В газете было обещано, что апофеозом праздника будет сжигание в полдень чучела Масленицы, но и чучела не наблюдалось. Шашлыков нам не досталось также, и, посадив детей на проезжающих мимо лошадок, мы с Олей предались воспоминаниям о лучших годах Юры Титова, которые, видимо, увы, позади. Когда на крутую ночную дискотеку, куда безбашенную молодёжь обычно зазывают кличем типа: «Yes! Отрываемся без тормозов! Non stop!!!», Юра Титов с расклеенных по городу афиш приглашал так:

*Всё что можем, мы покажем,
Похихикаем, попляшем,
Дружно, весело споём,
А потом домой пойдём!*

Мы же домой пока не хотели, а хотели есть и поэтому отправились на вторую праздничную площадку, которая устраивается у подножия памятника Козьме Удавину (если вы не знаете, это сбоковский террорист-народоволец, который неудачно взорвал Александра II и удачно одесского прокурора). Здесь было веселей. Народ выпивал, перетягивал канаты, дрался на мешках и кулаках и пел частушки. Но поесть нам и тут не удалось: очередь за шашлыками у террориста была ещё больше, чем у Ленина.

Мне хотелось сказать неторопливо передвигающим шам-

пуры мужикам: «Мужики! Ну почему у нас всегда так? Почему нельзя было заранее приготовить шашлыков побольше? Почему я должен полчаса томиться в очереди, глядя на ваши равнодушные сытые физиономии?» И не сказал только потому, что вспомнил, как двадцать лет назад (господи, двадцать лет назад!), будучи студентом Челябинского политеха, работал в институтском кафе грузчиком. Точнее, числился грузчиком, а работал Балдой, выполняя кроме своих прямых обязанностей ещё массу других: месил тесто, крутил мясо, разливал по стаканам сок и проч.

И как-то в марте, облачившись в синюю атласную косоворотку и перевязав её красным кушаком, отправился выполнять очередное поручение: жарить шашлыки на Проводах русской зимы, где у нашего кафе была выездная торговля. Кроме меня в выездной торговле принимала участие буфетчица Зоя, в обязанности которой входили расчёты с покупателями.

Едва мы начали располагаться, как Зоя отлучилась к неким знакомым и вернулась оттуда подозрительно повеселевшая. Потом отлучилась ещё раз, потом ещё, и каждый раз становилась всё веселей и веселей. Наконец, прихватив несколько шампуров, она сказала, чтобы я поторговал самостоятельно и не боялся, сложного тут ничего нет. Главное запомнить: вот эти шашлыки для всех, а вот эти, отложенные, для своих и для начальства. А она скоро вернётся, и если кто-то спросит её, чтоб я так и сказал: «Зоя здесь и скоро

вернётся».

Отложенные шашлыки кончились довольно быстро, ибо тут как раз подгрела наша студенческая гоп-компания, пришедшая проведать меня, отдохнуть и выпить пива (правда, я подозреваю, Зоя не этих «своих» имела ввиду). Сложнее пришлось с покупателями. Они лезли со всех сторон, совали деньги и кричали: «Почему нельзя было приготовить всё заранее?! Почему мы должны полчаса стоять в очереди?! Посмотрите, какую харю наел, а до людей ему дела нет! Торгаши проклятые!»

Мне хоть и неприятно было слышать про харю, всё же я пытался объяснить, что являюсь студентом и к торгошам прямого отношения не имею, что Зоя куда-то ушла, а я не успеваю всех обслужить, что если мне не будут мешать, дело пойдёт быстрее. Но мои уговоры действовали мало. И в какой-то момент вдруг стало ясно, что надо просто отрешиться от происходящего: кричат, ну и пусть кричат. И я стал преспокойно жарить шашлыки, продавая их по мере приготовления.

А «торгаши», что «торгаши»? Это можно пережить. Мой школьный товарищ Игорь Давыдов торговал однажды в Курске черешней. Вообще-то, он тогда тоже был студентом, учился в Мелитопольском сельхозинституте. Но украинский город Мелитополь имел обыкновение каждый год, едва только поспевал урожай, чуть не всем населением, набив до отказа корзины и чемоданы продукцией своих приусадебных

хозяйств, а заодно и близлежащих колхозов, отправляться на российские рынки зарабатывать «гроши» (не в смысле «копейки», а в смысле «деньги», по-украински – «гроши»).

– Шо ты будешь здесь один сидеть? – сказал Игорю его мелитопольский друг. – Всё равно никого нет. Поехали поможешь.

И тот поехал. И вот поставили его в Курске продавать на базаре черешню.

– Почём? – спросил подошедший мужик.

Давыд ответил.

– Посмотрите что делается! – мужик в поисках поддержки огляделся по сторонам. – Совсем «урюки» совесть потеряли!

– Какие «урюки»? – опешил Давыд. – Вы чего?

– Что такое, что случилось? – зашумели вокруг.

– Да вон чёрные понаехали, обирают русский народ!

– Вы чего? – повторял Давыд. – Какие чёрные вас обирают? Это я вас... в смысле, продаю. Русский я!

Но его никто не слушал. И Давыд, раз такое дело – «урюки» так «урюки» – стал отвечать с вызовом и, главное, с акцентом:

– Нэ хочешь – нэ бэри!

А вы говорите: «Торгаши!» Тоже мне повод обижаться.

Поэтому в Сбокове, глядя на равнодушных мужиков у мангала, я и не стал предъявлять им претензий: «Нэ хочешь – нэ бэри!»

Но голод, признаться, всё сильнее давал о себе знать. Как-

то Полина, будучи ещё маленькой, сказала: «Я хочу есть, как волосатый конь». Вот примерно так мы и хотели. А поскольку счастливы, что ели вокруг нас, ели исключительно шашлык (ведь теперь на Масленицу принято есть не блины, а шашлык), решено было отправиться в одно загородное кафе, где неплохо готовят это русское национальное блюдо.

– Скажите, – спросили мы у официантки, – нам долго придётся ждать?

– Что у нас хорошо, – отвечала официантка, – мы почти сразу приносим заказ. Ну... максимум минут через десять.

Легко сказать десять минут, когда ты так голоден. В общем, надо запастись терпением. На исходе первого часа моё терпение лопнуло. Я решительно поднялся из-за стола и направился искать официантку, чтобы вытрясти из неё наш заказ.

Официантки нигде не было, зато везде висели таблички с предупреждением, что данное кафе принадлежит ассоциации Кёкусинкай каратэ, поэтому желание трясти официантку у меня постепенно прошло. «Всё равно рано или поздно она придёт, – философски думал я. – Зачем горячиться?» И действительно, всё равно она потом пришла, и хорошо, что горячиться я не стал. И мы, по старой русской традиции повешивать шашлыки, благопристойно проводили зиму и, соответственно, встретили весну.

На этой границе времён года, когда всё вокруг удивительным образом меняется, пришло неожиданное известие о пе-

ременах в «Васильевском»: оттуда выгнали Евсея, как было сказано, «за крупные взятки». Он, оказывается, таким образом перемещал арендаторов на более выгодные торговые места. Вот ведь что делал, оказывается – деньги брал! Совсем совести нет! Да я сто раз ему деньги предлагал, а он меня не переместил. Конечно, нет совести! Хотя, возможно, это из-за моей внешности, я, наверное, слишком прилично выгляжу. Но, товарищи, я не такой, я, может быть, совсем противоположный! И как же мне теперь быть?

Кстати, после ухода Евсея «туалетные» порядки не изменились. Это говорит о том, что правильно в своё время революционные социал-демократы учили террористов-народовольцев: дело не в личностях, а в системе!

Ну, о нас с Олей, пожалуй, всё. Дети.

У Ксении в конце мая экзамены. Мы всё время твердим ей об этом, но она, как нам кажется, за учебники садиться не торопится. А что делать, ругать? Но я сразу вспоминаю своего знакомого, которому маленькая дочь однажды призналась:

– Пап, когда мама меня ругает, я про неё думаю: «Дура-дура-дура-дура». А когда ты ругаешь, думаю: «Дурак-дурак-дурак-дурак».

Один экзамен у Ксении на выбор. На страноведении учительница строго спрашивает:

– Кто хочет сдавать экзамен по страноведению?.. Что, ни-

кто не хочет?

Все молчат.

– Никто?!

Молчат.

Учительница радостно подпрыгивает:

– Yes!!!

Полина готовится к поступлению в гимназию и учится произносить букву «р». Пугая нас, она рычит на всю квартиру: «окр-ружной пр-рокур-роп-р», «чер-репная кор-робка».

Когда у неё буква «р» получилась впервые, она начала визжать от радости, носиться по комнате и кричать:

– Логопед от счастья с ума сойдёт!

Письмо ваше, Гена, пришло, спасибо. Порадовались твоему призу. Читая описание церемонии вручения, я ловил себя на мысли, что нечто подобное уже слышал. И вспомнил когда. У нас один сбоковский журналист ездил в Москву получать приз как лучший стрингер (правильно написал?) года. Ситуация была примерно та же. Вручили приз и сразу забыли. Местная тусовка общалась, дарила друг другу подарки, потом отправилась к столам и от души веселилась. Единственное, что удалось счастливому победителю – это скушать в углу с трудом добытый бутерброд. Так что у них это в порядке вещей.

По поводу предыдущего твоего письма и звучных челябинских деревень Варна, Лейпциг, Париж, Фершампенуаз... Я ведь сам родом из Челябинской области, и это с детства

знакомые мне названия. Но всё же должен признать, что до Сбокова, в смысле звучности, им, конечно, далеко.

Тут как бы нарочно к нашему разговору присоединился местный краевед-любитель Вениамин Изместьев, который изучает старые переписные книги, выискивает интересные, на его взгляд, названия и публикует их на страницах сбоковской прессы.

Так, например, он решил проследить историю деревни Устранка, жители которой гордо сообщают, что ведут своё происхождение от людей «устранённых», сиречь беглых. Краевед-любитель покопался в переписных книгах и обнаружил, что не было тут никаких устранённых, а деревня с гордым названием Устранка спокон веку писалась без буквы «т», и таких деревень только в этом районе было аж четыре. Боюсь, местные жители не примут исторических изысканий г-на Изместьева: кому ж захочется вместо непокорных отшельников, бунтовщиков оказаться обычными...

Также краевед-любитель сообщил о деревнях Болваны, Обдиралы, Полоумовщина, Безтолковы, Безштаны (обе так и пишутся через букву «з»). А ещё исследовал имя деревни Пердяча, смело предположив, что происходит оно от слова «переть», то есть красть. Но сдаётся мне, что глагол от названия сей уважаемой деревни будет звучать несколько по-иному.

Но это цветочки. Неутомимый Вениамин рассказал, что в Шемском районе сохранились воспоминания о деревне...

как бы это сказать. Помнишь, прошлый раз я писал о деревне Бздюли? Так вот, если убрать «бз» и подставить «пиз», то получится искомое название. А далее, смущённо устранившись (не забыть бы ненароком про букву «т»), я предоставлю слово непосредственно автору.

«Деревня эта, – написал в газете краевед, – всегда славилась хорохористыми, драчливыми парнями и мужиками. П...здюлёвские-то (автор ничтоже сумняшеся пишет это слово целиком, ибо чего стесняться: есть мужики трифоновские, есть, скажем, заречные, а эти – п...здюлёвские) лихи были: и жердью через всю спину опояшут, и кол с огорода для чужой башки не пожалеют. Ослабевшие соперники трусливо, огородами бежали в свои деревни: Пердуны (в статматериалах 1887 года под № 1442), Сики (№ 1426) и Нужник (№1390)».

Вот тебе, Гена, Париж и Фершампенуаз... Кому-то суждено жить между Парижем и Фершампенуазом, а кому-то меж Бздюлями и П...здюлями.

С тем остаюсь искренне ваш
Эдуард Сребницкий.

P.S. Конец апреля, но сегодня с ночи стеной идёт снег, и утром я пробирался к машине буквально по сугробам. Ох, и длинны же у нас зимы.

Глава 7

Здравствуйте, Гена, здравствуйте, Таня!

Не знаю, получили вы моё прошлое письмо или нет, когда буду отправлять это, попытаюсь выйти с Геной на связь. А я во второй половине августа, словно прилежный ученик, пишу вам сочинение на тему «Как я провёл лето».

Вообще-то, лето мне нравится. Солнце светит, травка зеленеет, птички щебечут, и всякое такое. Но кроме того, становится гораздо меньше работы: у нас сезонное затишье. Первые годы я по сей причине очень расстраивался. Ещё бы, каждый месяц приносит такие убытки! И я лихорадочно что-то придумывал, давал рекламу, а попросту суетился. Потому что мои отчаянные шаги ни к чему не приводили: убытки на сытных летних пастбищах всё равно набирали вес и лишь лениво отмахивались от моих назойливых попыток хоть как-то воздействовать на них.

Но лето кончалось, и с наступлением первых холодов убытки неизменно останавливались в росте, потом начинали худеть, а к зиме пропадали вовсе. И я успокоился. Я научился летом ходить в отпуск, а также выделять время для личных занятий.

О, это прекрасно – выделять время для личных занятий! Это замечательно! И поскольку в нынешнем году такой возможности мне не представилось, мне это кажется замеча-

тельным вдвойне. А о том, что такой возможности у меня не будет, я знал уже весной. Ибо впереди меня ждало дело. И дело это было ремонт.

У каждого из нас с ремонтом связаны свои богатые воспоминания, каждый из нас через это проходит и старается поскорее забыть. И вроде бы, забывает, вроде бы, живёт далее счастливой размеренной жизнью. Но, чу! Слышите, за скрипели половицы разошедшегося пола, видите, в углу отлетели обои? Это он, ремонт, неизбежный и беспощадный, как весенний авитаминоз, напоминает нам о себе. Он пока ещё далеко, он терзает кого-то другого, но он вернётся, когда-нибудь всё равно вернётся, и горе тому, кто окажется не готов ко встрече с ним.

Я готовился. Я настраивался, я прикидывал объём работ. Если меня посещала малодушная мысль отложить всё до следующего года, я гнал её, я распалял в душе злость и заставлял себя ненавидеть облупившиеся окна и потемневшие потолки.

Как-то я уже делал ремонт в этой квартире, лет пять назад, когда мы только сюда переехали. До нас здесь проживала некая Людмила Покоулина со своим сожителем Аликом. Покоулина торговала на улице овощами и злоупотребляла спиртным, а потому квартирой не занималась. Алик спиртным не злоупотреблял, несмотря на свой кипучий характер не работал, жил на деньги Покоулиной и к обустройству быта склонности тоже не имел.

Квартира их, соответственно, представляла зрелище малоприятное: на кухне отлетала грязная кафельная плитка, в местах отопления и водопровода гуляли стада непуганых мокриц, в разбитые окна дул свежий ветер, а во всю ширину стен красовались надписи, оставленные подругами старшего Людмилиного сына, служащего ныне на Сахалине вертолётчиком: «Спасибо за ночи полные нежности и любви!!!» Нежность нежностью, но при обмене я прикидывал, что разгребать здесь придётся немало.

Пока мы с хозяйкой обговаривали условия обмена, в которые входила и оплата коммунальных услуг за последние три года, Алик брал меня в оборот. Он сказал, что тоже бизнесмен (с чего-то он взял, что я бизнесмен, а впрочем, тогда все были бизнесмены), и если у меня есть коммерческие предложения на длительный период, он готов их рассмотреть. А у нас тогда мёртвым грузом лежала мука, и её нужно было куда-то сбывать.

– Не знаю как насчёт длительного периода, – сказал я, – но если продашь муку, получишь комиссионные.

Алик заверил, что, конечно, муку он продаст. Завтра же заберёт, а потом вернёт мне деньги. Он серьёзный бизнесмен, и я могу не волноваться. Но волноваться я не собирался, потому что без оплаты даже такому серьёзному бизнесмену ничего бы не дал и высказал это со всей ясностью. Алик приуныл.

– А почему, – стало интересно мне, – ты овощами-фрук-

тами не торгуешь?

Я забыл сказать, что Алик был азербайджанец, а, как известно, среди прочих достоинств этого народа есть и непревзойдённое умение обращаться с таким деликатным товаром как плодовоовощная продукция.

– Скоро буду, – восторженно воскликнул он. – Земляки обещали дать товар на реализацию, они знают, что я серьёзный бизнесмен.

К моему удивлению земляки, действительно, вскоре дали ему товар на реализацию. Алик открыл собственный овощной киоск, солидно ходил рядом, а Покоулина торговала внутри. Я заглядывал из интереса: продукция имела сомнительный вид, и покупателей, по крайней мере при мне, не наблюдалось. Овощное дело загнивало на корню.

Тогда Алик лавочку прикрыл, и земляки начали его искать. (Это я знаю со слов своего бывшего соседа, Покоулины ведь переехали в мою прежнюю квартиру). Земляки приходили, колотили в дверь, требовали денег и Алика. Но Алик исчез. И судя по тому как земляки горячились, сделал очень правильно. Встретил я его только через три года.

– Слушай, – сказал он, – у тебя мука ещё осталась?

– Доели недавно, – сострил я.

– Жалко. А то у Люды старший сын, вертолётчик, бизнесом занялся. Придумал возить отсюда на Сахалин по низким тарифам, как будто военное имущество, продукты и шмотки. Продаёт там японцам, а обратно гонит машины. Понял? Выгодно! Может, у тебя ещё что-нибудь есть? Мы ему отда-

дим, а деньги я потом верну. Ты меня знаешь.

– Заманчиво, – сказал я, – но ничего сейчас нет.

– Жалко. Если появится, ты меня найди.

– Обязательно.

Потом я встретил Алика ещё раз, и опять он меня спрашивал про муку и расписывал прелести своих коммерческих мероприятий. И хотя ни один наш совместный бизнес-проект не был реализован, я всегда рад Алика видеть, потому что бережно храню в душе одно связанное с ним светлое воспоминание, которое, как настоящее золото, не тускнеет с годами.

Алик ещё оставался в проданной квартире, а мы уже стали постепенно перевозить туда вещи, и вначале с моим другом Мишей (который из письма про грузди) повезли книги. Подняв первую партию, сложили её на газеты в две большие стопки.

– Что за книги? – спросил Алик. – Твои? Зачем тебе столько?

– Читать.

– Ну ты даёшь, – хохотнул Алик.

Мы с Мишей спустились вниз и принесли ещё столько же.

– Ещё?! – вытаращил глаза Алик.

И смех его содержал столько искренности и недоумения, что от души развеселил и нас.

Когда мы принесли книги опять, Алик стал даже не хохотать, а натурально повизгивать, настолько это показалось

ему уморительным. Он подошёл и, не в силах успокоиться, водил пальцем по рядам книг, утирая выступающие слёзы. А мы, глядя на него, тоже давились от смеха.

В четвёртый раз, подойдя к двери, мы долго не могли переступить порог от сотрясающего нас хохота, представляя, что сейчас с Аликом будет. И не ошиблись. Увидев нас, он согнулся наполовину и минут десять не мог прийти в себя. А рядом, уронив книги, корчились от смеха мы.

– Это... всё тво... твоё? – еле выговаривал он.

– Мо... моё, – выдавливал я.

– Чи... читать?

– А... ага...

И мы падали по разные стороны от составленных томов.

Но чтобы перенести все книги, взрослые и детские, нам надо было сделать ещё несколько рейсов, и я до сих пор не понимаю, как мы с Аликом остались живы. И это при том, что библиотека у меня очень и очень скромная.

Вот почему, завидев теперь Алика, я не стараюсь избежать встречи с ним, а напротив, широко улыбаясь, иду навстречу, хотя безошибочно могу сказать, что разговор у нас сейчас пойдёт о муке, которой у меня, увы, давно нет. И я даже прощаю ему то, что выезжая из квартиры, он снимал не только все до единой лампочки, но и патроны, куда эти лампочки должны вкручиваться, чего мы никак не ожидали и вынуждены были провести первый вечер в новом доме при свете фонариков и настольной лампы.

Но вернёмся к ремонту. Конечно, мы многое тогда сделали. Мы отремонтировали потолки, окна и стены, мы починили трубы и электропроводку, мы поменяли подоконники, сантехнику и двери. Но всё-таки это был ремонт не до конца, где-то на четвёрочку с минусом. Так, я даже не сменил пол из кривых и плохо струганных досок, оставшийся от старых хозяев. Хотел поменять, но не успел до возвращения детей с каникул, а потом не стал.

Дело в том, что в то время я начинал более-менее неплохо зарабатывать. Казалось, так будет всегда, и лет через пять мы, безусловно, переедем в новую, более престижную квартиру. И всем гостям говорил – и тебе, помнится, Гена, тоже, – что, мол, не обращайтесь внимания, потому как зачем делать пол, если отсюда всё равно уезжать: мы ведь отсюда собираемся уезжать. И все с пониманием кивали: конечно-конечно, зачем делать, если всё равно уезжать!

Но шли годы, и мои рассказы о грядущем переезде стали отдавать некоторым однообразием. Гости кивали с пониманием, но что-то в их понимании меня начало настораживать, что-то не то они понимали. Словно это были не мои ближайшие планы, а рассказы о каком-нибудь несуществующем дядюшке-миллионере из Америки.

Гости кивали и ступали по квартире очень осторожно, боясь занозить ноги или порвать колготки о наш луцистый пол и деликатно старались не замечать местами уже отлетевшую

шпатлёвку и потёртые обои. А мы с Олей вели себя непри-
нуждённо и старались не замечать, как они этого стараются
не замечать. Ну зачем, скажите на милость, делать ремонт,
если мы отсюда – да ведь, милая? конечно, дорогой! – скоро
переедем.

И всё же не гости подвигли меня к новому ремонту – в
конце концов они бывают у нас не каждый день. А подвигли,
как это ни странно, врачи. Те, которые приходят по вызову
к заболевшим детям.

У нас есть участковый педиатр с экзотической фамили-
ей Папетти. Его отец, Николо Папетти, итальянский комму-
нист, переехал в пятидесятых годах теперь уже прошлого ве-
ка в страну своей мечты Советский Союз. Здесь итальянский
коммунист со временем женился, и у него родился сын, ко-
торого в честь итальянского дедушки назвали Массимо. Ко-
гда сын вырос, он стал нашим участковым педиатром Мак-
симом Николаевичем Папетти.

Плотный и румяный, как наливное яблоко, Максим Ни-
колаевич являет собой пример беззаветного служения про-
фессии. Он хороший доктор, хороший мужик и имеет, по-
жалуй, только один существенный недостаток (если не счита-
ть привычки при каждом удобном случае прихвастнуть,
что, впрочем, присуще каждому мужчине): чрезмерную го-
ворливость. И если вы человек новый, не знаете об этой сла-
бости Максима Николаевича, или слишком деликатны, что-
бы прервать уважаемого собеседника, вы рискуете слушать

его вечно, и напрасно ваш ребёнок будет дёргать вас за руку, упрашивая поиграть с ним, или, голодный, орать на весь дом – в пылу красноречия Максим Николаевич ничего этого не заметит.

Мы с Олей вспоминаем, как старшая дочь Ксюша была ещё маленькой, только-только начала ходить, а говорить и вовсе не умела, изъясняясь лепетом и жестами. И когда после очередного осмотра Максим Николаевич у порога минут пятнадцать нам о чём-то рассказывал (он обычно уходит так: возьмётся за ручку двери, потом отпустит её и долго говорит, потом опять возьмётся за ручку, даже нажмёт на неё, мы попросимся, а он вновь ручку отпустит и говорит снова), Ксюшка, не зная, как прервать неумолкающего дядю, в отчаянье выскочила вперёд и, провожая, замахала, замахала ему рукой. Мы смущённо засмеялись, сказали, что, Ксюшенька, так нехорошо делать, дядя сейчас сам уйдёт. И Папетти тоже улыбнулся и сказал:

– Ну, вот, надо идти, Ксюха меня уже провожает. До свидания, до свидания.

– До свидания, – сказали мы.

Папетти взялся за ручку, а потом отпустил её и говорил ещё столько же.

Такой Максим Николаевич Папетти. Так вот, речь не о нём.

...По поводу последней фразы, кстати, есть история. Один мой знакомый, Андрюха, будучи как-то в Париже, пришёл

с компанией друзей пообедать в ресторан. И, открыв меню, задумался, как сделать заказ? Ибо ни по-французски, ни по-английски ни читать, ни говорить не умеет.

И тогда Андрюха начинает официанту объяснять.

– Мясо. Понимаете? Мясо.

Официант стоит, предупредительно-вежливо на него смотрит и не понимает.

– Как по-французски «мясо»? – спрашивает Андрюха у друзей.

Те не знают.

– А по-английски?

Те пожимают плечами, они просто ткнули в меню пальцем.

– Ну, как тебе объяснить? – Андрюха опять поворачивается к официанту. – Мясо, блюдо из мяса.

Официант стоит, вежливо улыбается.

– Господи, что непонятного? Вот! – осеняет Андрюху. – У них!

И показывает на тарелки за соседним столиком, где люди едят что-то мясное.

– О, си, – расплывается в улыбке официант.

Он понял, «мясо», и произносит фразу по-французски, спрашивая, очевидно, какое именно мясо?

Андрюха откашливается.

– Свинина. Знаешь, свинина?

Официант не знает.

– Свинина, свинка, хрю-хрю. Ну «хрю-хрю»-то ты должен понимать!

Тот не понимает, очевидно, по-французски свинки хрюкают как-то иначе.

– Свинья, такая упитанная.

И, как это водится, показывает на себе. Официант пристально Андрюху разглядывает.

– Да не я! – горячится тот.

Посетители заведения начинают оборачиваться.

– Свинья, с пяточком, – крутит Андрюха кулаком вокруг носа.

Официант смотрит на Андрюхин нос.

– С таким закрученным хвостиком, – показывает Андрюха.

Официант в смущении.

– Не у меня!

– О! – вскрикивает уже официант.

Убегает и возвращается с листом бумаги.

– Конечно! – восклицает Андрюха.

Берёт лист и как может рисует на ней свинку: толстую, с пяточком, с хвостиком.

– О! – кричит радостный официант. – Си, си. – И хрюкает, как принято хрюкать у французских свиней.

– Вот именно! – кричит Андрюха, обрадованный, что начинает понемногу понимать французский, и очень похоже хрюкает в ответ.

– Хр-р, – хрюкает официант.

– Хр-р, хр-р, – вторит ему Андрюха.

Чуть они не обнялись.

– Момент, – говорит официант и бежит на кухню.

– Стой! – кричит Андрюха и машет рукой. – Иди сюда.

Официант с полпути возвращается.

– ТАК ВОТ, – говорит Андрюха и размашисто перечёркивает только что нарисованную им свинью. – СВИНИНЫ НЕ НАДО!

Официант несколько секунд на него смотрит, потом в задумчивости идёт на кухню. Через пару минут оттуда раздаётся дружный продолжительный гогот.

ТАК ВОТ, речь не о Максиме Николаевиче. Он упомянут здесь постольку, поскольку последнее время учится на семейного доктора, о чём мы, разумеется, в подробностях извещены, и периодически оставляет наш участок, отправляясь на занятия и экзамены. А замещают Папетти другие врачи, с нами не знакомые. С приходом зимы дети начали простывать, и приходящие врачи, с сочувствием оглядывая детскую комнату, всё норовили выписать нам лекарства подешевле.

А надо сказать, что детская комната действительно была способна выдавить у случайного гостя слезу жалости. Обои, в других комнатах сохраняющие до некоторой степени приличный вид, в детской, вследствие выпавших на их долю испытаний, были весьма потрёпаны. На некоторых вид-

нелись следы раннего и более позднего Полининого творчества, исполненного фломастером, или просто попавшим под руку предметом. Комод и шифоньер были сплошь улеплены наклейками от конфет и жевательной резинки. Кресло, чья ткань к удивлению детей оказалась менее прочной, чем у батута, являло пример изумительного бабушкиного рукоделия, которая в один из своих приездов залатала его симпатичными обрезками от штор. На паласе распластались несмываемые пластилиновые пятна. Из-под паласа торчали кривые половые доски.

Я ловил во время таких визитов сочувственные взгляды докторов и думал, что если уж врачи, получающие в нашей стране мизерные заплаты, да ещё нерегулярно, начинают нас жалеть, то может быть, и вправду, стоит сделать кое-какой косметический ремонт, так, небольшой, чтобы только дотянуть до счастливого переезда в хоромы. И дал себе слово нынешним летом начать. Или, как говорят наши чиновники – «начать», с ударением на первый слог.

Не то чтобы за последние пять лет мы не могли переехать. Могли. Но это был бы обмен того, что имеем, на примерно то, что имеем. А мне к текущему периоду жизни страсть как надоели многоэтажные дома бездворового типа.

Хотя, конечно, я слишком привык ко всему, что с ними связано: к своему исключительному праву вкручивать лампочки на лестничной площадке, к ночным крикам этажом ниже, к постоянному туалету на лестницах, к грязи у подъ-

езда и к ремонту своей машины, в которую за зиму пару раз кто-нибудь да въедет на узкой стоянке у дома.

Боюсь даже, я буду об этом первое время скучать. Но думаю, привыкну, переборю себя. Да, я чувствую, что справлюсь! И уже сейчас начну готовиться.

Тем более, времени осталось не так много. Лет пять. Да ведь, милая? Конечно, дорогой! А пока. Пока надо делать ремонт.

Эдуард Сребницкий.

Глава 8

Здравствуйте, дорогие Григорьевы!

Начать ремонт мы решили с поиска того, кто будет его делать. О, это не просто – найти тех, кто будет делать вам ремонт! У меня в этом плане богатый опыт.

Помню, ещё в старой квартире, я решил выложить на кухне плитку. По объявлению в газете «Облицовка плиткой качественно и быстро» к нам пришёл один хмырь: сутулый, тощий, с недобрым взглядом, большим носом и сильным насморком – колоритный такой хмырь, и заявил, что это именно он делает облицовку качественно и быстро. «Ну, что ж, – подумали мы, – в конце концов, почему бы ему не делать облицовку?» И легкомысленно предоставили кухню. Да ещё накормили обедом: неудобно как-то, человек весь день голодный.

Хмырь на кухне месил раствор, сопел, ломал плитку, ругал некачественный материал и к концу дня что-то такое налепил. В момент его ухода это ещё держалось. Но минут через пятнадцать поплыло! Вниз сползли даже не углы, а целые ряды, причём по всему периметру. И самое ужасное, что *оно* застывало, схватывалось. Боже мой, я еле достал эту плитку (тогда всё было в дефиците), выложил за неё последние деньги, и на моих глазах она пропадала!

Полночи ушло у меня на то, чтобы, призвав на помощь

весь свой строительный опыт, полученный в армии, поминая недобрым словом хмыря, выправить положение. Когда тот наутро явился, я процитировал ему избранные места из ночных тирад и посоветовал идти ещё куда-нибудь облицовывать плиткой качественно и быстро. Хмырь сказал, что он уйдёт, что ему самому у нас не понравилось, но что я должен заплатить ему за проделанную работу.

– За какую работу?!

– За эту! – нагло ткнул он в сторону моих ночных трудов.

– Это моя работа! Мне пришлось переклеивать плитку заново!

– Не знаю, – сказал хмырь, – вечером всё было нормально.

Какое-то время мы препирались, и наконец я заплатил ему за приготовленный раствор. Он ушёл недовольный и, враждебно шмыгая большим носом, сказал, что подумает, не наслать ли пацанов обчистить нашу квартиру. Я что-то доброе прокричал ему на прощанье, но в душе поселилась тревога – а вдруг правда кого-нибудь наслёт? – смешанная с чувством неприязни к облицовщику-хмырю.

Поэтому, приступая пять лет назад к ремонту своей новой квартиры, я решил не полагаться более на безликие объявления, а пригласить мастеров из какой-либо известной в городе фирмы. Одна из них называлась «Спарта».

Я не стал мелочиться и заказал там межкомнатные английские двери с установкой и врезкой ручек. К моему удивлению пришедшие из известной в городе фирмы мастера бы-

ли не то чтобы совсем пьяны, но изрядно выпивши. С тех пор межкомнатные английские двери мои закрываются плохо. А после установки первой же ручки «мастеров» я выгнал совсем, потому как, устанавливая ручку, они сломали дверь. Хорошо что проверять работу пришёл лично директор «Спарты». Я показал:

– Безобразия!

Он согласился.

Я сказал:

– Надо менять.

Он не возражал.

Я попросил:

– Лучше в ближайшее время, пока идёт ремонт.

Он обещал.

И обещал ещё долго. Год. Вначале у них закончились двери, которые вот-вот должны были подвезти. А потом он заявил, что прошёл уже год, и за этот год я сам сломал свою дверь.

Я что-то доброе сказал ему на прощанье и ощутил в душе уже знакомое чувство неприязни к директору-хмырю.

После того как ничего не получилось с известной в городе фирмой, я решил на врезку ручек пригласить мастера по рекомендации. Таковой нашёлся. Он работал учителем труда в соседней школе. Это был приятный молодой мужчина, который восторгался нашей квартирой и шутил с детьми.

Когда работа была закончена, обнаружилось, что врезан-

ные им ручки находятся на разной высоте – по причине, как он объяснил, «небольшой ошибки в расчётах». С тех пор мы стараемся двери в соседних комнатах одновременно не закрывать: слишком видна разница. Но мастер был учителем, учителя получают мало, и, ощущая в душе раздражение, я выплатил ему деньги сполна, что-то доброе процедив на прощанье.

За учителем труда пришла бригада краснодеревщиков. Краснодеревщики таскали мне материалы с основного места работы и вели себя с большим достоинством. Ещё бы! Говорили, будто они оформляли интерьер одного из наших посольств! И пусть мой заказ отличался от заказа посольства – хотя, кто знает, может, они там тоже делали антресоли под банки с огурцами? – получалось, что отныне нашу семью с дипломатией связали невидимые нити, или, если хотите, невидимые гвозди и шурупы. И в дыме папирос краснодеревщиков мне чудились дальние страны с причудливыми ландшафтами, где мои друзья-послы решают важные внешнеполитические проблемы.

Эти видения были столь сильны, что сквозь них я не сразу заметил, как краснодеревщики начали откровенно халтурить, а многочисленные доделки вообще оставили мне, потому что по неосмотрительности я заплатил им деньги вперёд. Досадуя на себя и халтурщиков и рискуя разжечь дипломатический скандал, я посылая им вслед проклятия, которых, впрочем, они не слышали, от чего я досадовал ещё больше.

Тогда же, во время первого ремонта, я твёрдо намеревался заменить пол, слишком уж он задевал моё предпринимательское самолюбие. Я видел это так: паркет. Да-да, непременно паркет. Пусть не дубовый, пусть берёзовый, но хороший такой, качественный, планочка к планочке. Это был бы достойный ответ бывшим хозяевам квартиры. Имелась у меня на примете и фирма, такой паркет кладущая, а с её директором, Витей Пылёвым, мы были неплохо знакомы.

– Витя, – сказал я, – через три недели у меня приезжает из отпуска Оля с детьми. Мы можем успеть?

– Ещё и время останется, – заверил меня Витя. – В ближайшие дни жди.

Раз договорились – я жду.

(Так и хочется добавить «пожду». Это наши соседи, Вася с женой. Хорошие люди. Вася работает водителем, и как это часто бывает с водителями – пьёт. Приходит Вася однажды домой, с большим трудом приходит, а навстречу ему жена – в коридоре очень слышно:

– Та-ак. Я его жду-пожду! Жду-пожду! А он в таком виде является!

– Млчи, кзлуха, – отвечает Вася.

– Что ты сказал?! Ах ты, бл...

Ну, и так далее).

Так вот, я жду-пожду, жду-пожду, нет паркетчиков. Стал звонить Вите.

– Понимаешь, – сказал Витя, – у нас паркет закончился.

Покупаем мы его далеко, в Подберёзовском районе, но и там его сейчас нет.

– Ты бы хоть меня предупредил, – попенял я Вите.

И сам занялся поисками паркета. Позвонил в Подберёзовский район, нашёл то деревообрабатывающее предприятие, начальницу цеха, объяснил ситуацию, попросил продукцию, пообещал подарок – и договорился! Побежал на вокзал, нашёл проводника с местного поезда, идущего через Подберёзовский район, проводника попросил, проводнику заплатил, передал ему деньги за паркет плюс подарок для начальницы. По возвращении поезда нанял машину, бригаду грузчиков и привёз заказ домой. Всё, паркет лежал у меня перед дверьми! Я звонил Вите Пылёву.

– Отлично! – сказал Витя. – У меня сейчас люди на другом объекте, и как только освобождаются, я бросаю их к тебе. Жди.

Я жду-пожду, жду-пожду, ни людей, ни Вити. Стал звонить ему, стал искать его и наконец нашёл. Витя был возбуждённый и радостный.

– Эдя! – закричал он в трубку. – У меня сын родился! Сын!

– Да ты что?! – закричал я в трубку. – Поздравляю, поздравляю!

А сам подумал, что до приезда семьи осталась всего неделя. Времени в обрез.

– Я понимаю, Витя, тебе сейчас не до того, но к кому из

твоих людей мне подойти?

– Ни к кому, Эдя, ни к кому! Для тебя я сам распоряжусь. Паркет ведь уже есть?

– Есть.

– Отлично. Жди.

За три дня до приезда я кинулся искать паркетчиков по объявлению в газете.

– Сколько дней? – спросили они. – Три? Нет, не успеть, хотя бы на пару дней раньше.

С тех пор мы живём без паркета.

А через несколько месяцев Витя сам меня нашёл. Ни словом ни полусловом не обмолвившись о нашей последней беседе, он горячо заговорил:

– Эдя, есть перспективное дело, очень прибыльное. Я сейчас строю свой бизнес и собираюсь получать хорошие деньги.

– Рад за тебя, Витя, искренне рад.

– Предлагаю присоединиться. В основе бизнеса лежит американский оздоровительный продукт...

– «Гербалайф», что ли?

– Послушай. Я сам его ем. Посмотри на меня...

– Вить, я неплохо знаком с «Гербалайфом», когда-то сам занимался.

– Чувствую себя великолепно! Но кроме того, это приличный бизнес...

В общем, мне составило определённого труда отбиться от

новоявленного дистрибьютора.

– Пылёва видел, – сказал я дома Оле, – «Гербалайфом» занялся.

И пожалел, что сказал. Жена моя, как многие женщины в канун лета, срочно собиралась худеть.

– Надо купить, – сказала она. – Может, Пылёв и скидку сделает.

На встрече с Олей Пылёв всячески старался «подписать» её, а заодно и меня, в распространители.

– Мы всё это знаем, – отнекивалась она. – Эдик даже супервайзером был.

– Супервайзером?! – ахнул Пылёв. – Международным?

– Не знаю, – сказала она. – А междугородный есть?

– Нет.

– Значит, международным.

Это произвело на Пылёва впечатление. Больше он Олю не «подписывал», продал ей набор в самом деле со скидкой и обещал каждый день звонить, осведомляться о здоровье и консультировать.

– Не надо, Витя, – пыталась уговорить она его, – я всё это знаю.

Я же Олю успокаивал, что Пылёв не то что каждый день, а вообще ни разу ей не позвонит. И ошибся. Один раз звонок всё-таки раздался.

– Как дела? – спросил её Пылёв озабоченно. – Как стул?

И не получив вразумительного ответа, пропал, теперь уже

навсегда.

Но это было чуть позже, а тогда, после истории с мастерами-отделочниками, которая закончилась бесполезной паркетной беготнёй, я почти разуверился в окружающих меня людях. С грустью созерцал я девственные штабеля паркета у своей двери и в жанре плача с пафосом восклицал:

– Да умеем ли мы хоть что-то делать по-хорошему?! Да как, скажите вы мне, мы в космос-то полетели?

И на мой взгляд, такая постановка вопроса имеет право на существование. Не так давно я отвёз машину в автосервис своему знакомому слесарю Пете, и там по недосмотру она снялась с ручного тормоза и въехала в стену. Конечно, прямо в сервис мне машину и выправили, дверь починили и крыло, но когда я смотрю на повреждённую фару, мне до сих пор кажется, что целая она выглядела лучше.

Упомянув знакомого слесаря Петю, я должен несколько поправить начальный тезис, заменив выражение «умеем ли мы хоть что-то делать по-хорошему» на «умеем ли мы что-то РУКАМИ делать по-хорошему». Потому как этот Петя человек в своём роде незаурядный, получивший среди друзей прозвище «Спермозавр». В то время когда я с ним познакомился, ему было под пятьдесят. И он был женат, имел любовницу и всем другим видам отдыха предпочитал баню с представительницами прекрасного пола. Значит, умеем кое-что! Значит, можем кое-чем!

А так-то Петя мужик неплохой (если вам хочется продолжить простонародную поговорку, я не буду возражать). Делает нормально и берёт, не жадничая. И единственное, в чём я могу его упрекнуть, так это в том, что во время работы он забывает, куда кладёт зажженную сигарету. А кладёт он её преимущественно на заднее сиденье моей машины, на котором потом остаются глубокие чёрные дыры. У меня сейчас таких четыре.

В общем, было время, когда я во всех разуверился и возроптал. И хорошо, что нашлись те, кто вернул мне веру в ближнего. Есть такие люди, есть! Но нас мало. Это я шучу. (Это я кокетничаю, что шучу). Мало их, и сразу не разглядишь. Они по виду такие же, как другие, они маскируются под всех. Но стоит увидеть их работу, становится ясно: вот они, родимые, вот же они!.. Моё почтение! Вы починили? Что ж, не плохо. А это, сами додумались? Очень даже хорошо. Тогда рад сообщить, что вам присвоено почётное звание «Соль земли» с вручением знака «Надежда наша и опора». И извольте получить за работу.

Мне ныне ремонтирует машину один из них (извини Петя, сидения жалко) – механик Степан. Познакомившись с ним, начинаешь понимать, как мы полетели в космос, и не понимаешь, почему не полетели раньше, хотя бы на месяц, или на пару недель. У меня парикмахер такая – Таня. Когда смотришь на её работу – прошу прощения, на себя, – в душе распускаются фиалки, и мнится, что все люди на земле талант-

ливы, трудолюбивы и честны.

И, прибывая в сём мнении, ты уже не лезешь проверять, какие сливы в овощном киоске взвешивает тебе продавщица: конечно, хорошие, какие ещё?! Ведь у неё такое уверенное, почти как у Степана, лицо и такой приветливый, почти как у Тани, взгляд. Где вы, Брюлловы и Серовы, Есенины и Блоки?! Отчего не толпитесь вы у дверей киоска и вместе со мной не любуетесь труженицами овощного прилавка, отчего не поёте их красные губы, их пре-красные лица и премошную грудь?!

И отчего лишь дома обнаруживается, что купленные тобою сливы на треть порченые? Вон они в ведре лежат, я их уже выбросил. Оля спрашивает: «Что это?» Что-что, сливы. А продавщица – бесстыжая.

Но ведь есть – не может не быть! – среди десятков продавщиц овощных киосков такая, которая скажет:

– Я не буду вам накладывать – да что там! – не буду положить эти сливы, они не очень свежие, а положу – пусть будет наложу! – из другого ящика только хорошие.

А хозяину объяснит:

– Эта продукция испортилась, и я не стала её продавать.

– Ай, как правильно сделала! – воскликнет хозяин. – Дай я тебя за это расцелую.

Мне кажется такое бывает. Просто надо, чтобы вам повезло.

Как в процессе прошлого ремонта повезло-таки мне. Это

был тоже плиточник. И звали его Саша. Я пригласил его отделять ванную. Он пришёл работать с сыном, скромным молодым человеком, студентом первого курса политехнического института, и сказал:

– Сделаем, хул..., Эдик, не волнуйся. Всё, бл..., будет по высшему разряду.

Да, он матерился! Но матерился, как пел! И работал, как пел! И пел, когда работал. И опять матерился. Он выложил плитку, установил сантехнику, заделал потолок, доклеил обои, покрыл лаком плинтус, скрыл проводку и привёл в порядок то, что осталось от непутёвого учителя труда, напыщенных краснодеревщиков, плутоватой фирмы и иже с ними. И при этом в конце каждого дня Саша с сыном подметали полы и выносили строительный мусор на улицу. Мама дорогая! Да если бы так все работали, то пусть бы они себе матерились на здоровье. Мы всей семьёй стояли бы рядом и матерились с ними вместе!

Но, увы, работают так не все.

И теперь, наверное, вам становится понятным, какую гамму чувств я испытывал перед надвигающимся вновь ремонтом, памятуя обо всём, что пережил пять лет назад. Но отступать было некуда, ибо если бы мы не сделали ремонт в нынешнем году, то... то можно было бы его, конечно, сделать в следующем... Господи, как всё-таки хорошо, что это уже позади! А было время, когда оно только начиналось...

Здесь я прерываюсь, ибо чувствую, что дошёл где-то до середины повествования.

Сейчас мы живём заботами первых дней первого класса: Полина пошла в школу. И тихонечко фонареем: в день задают по несколько страниц прописей, математики, родной речи и английского. При этом, например, на второй неделе учёбы они занимаются фонетическим разбором слова, письменно и устно: звуки гласные-согласные, согласные твердые-мягкие, глухие-звонкие, ударения, слоги. В наше время под фонетический разбор слова в пионеры принимали (или уже выгоняли?). Самое удивительное, что Полину этот разбор несколько не смущает, она с ним вполне справляется. Гораздо труднее ей даются крючки в прописях.

– Пап, – спрашивает она меня задумчиво, – что наш президент делает, вот чем он занимается?

– Разными государственными делами.

– Какими, например?

– Ну, например, встречается с другими президентами.

– Это легко. Легче, чем крючки писать. Его, наверное, их и писать никто не заставляет. И кроме того, представляешь, сколько подарков на день рождения?!

А по английскому они учат диалоги, а перевода в учебнике нет! Вроде как дети должны это уже знать. Моего английского на первые две недели учёбы хватило. Что будет дальше, сказать затрудняюсь.

Но это особенности гуманитарной гимназии. Ксения

«Войну и мир», если не ошибаюсь, в шестом классе проходили. А в этом году у них – восьмой класс! – по зарубежной литературе «Гаргантюа и Пантагрюэль», а также «Декамерон». М-да.

Грибы. В Бродинске нынче грибов – море. Бабки собирают их в черте города и тут же, отойдя пару шагов, продают. А уж из леса грибов везут кто сколько может. Причём попадаются гигантские. Два пацана нашли гриб весом пять килограмм, и съедобный! Но у нас с Олей получилось съездить только один раз. Зато по грузди. Зато набрали. И никого не встретили, хе-хе.

Дед с бородой и в плаще, который всегда торгует грибами у магазина и у которого мы в прошлом году купили опять, неожиданно сменил плащ на новый. Не знаем, чего от этого ждать, худа или добра. Думаем, что добра.

Вот и всё пока. Желаю вам добра также, не болейте. А я как соберусь, сяду за продолжение.

С тем остаюсь искренне ваш

Эдуард Сребницкий.

P.S. Встретил знакомого, он рассказал, что ремонтировал машину у механика Степана, и тот забыл закрутить колесо, которое в дороге чуть не отпало. Хорошо всё-таки, что мы не полетели в космос на две недели раньше!

Глава 9

Здравствуйтесь, Гена, здравствуйтесь, Таня, здравствуйтесь потомственные Григорьевы!

Итак, мы готовились к новому ремонту. Вначале, как уже сообщалось, нужно было найти тех, кто будет его делать.

Перво-наперво я стал названивать проверенному плиточнику Саше. Но его телефон не отвечал. Через третьих лиц удалось узнать, что Саша теперь не просто Саша, а предприниматель-бригадир! Что бригада Сашина занимается отделкой элитных квартир, что очередь к нему на несколько месяцев вперёд, что Саша сам переехал в новую квартиру, и номер телефона у него сменился. А какой сейчас номер, третьи лица не знали. Это было досадно. Честно говоря, я рассчитывал на Сашу. Но ведь не сошёл же на нём свет клином!

Я полистал записную книжку и обнаружил в ней Аллу Михайловну. Алла Михайловна работала в строительном управлении и организовала нам несколько лет назад ремонт офиса. Я позвонил и предложил ей организовать теперь ремонт нашей квартиры.

Алла Михайловна встретила моё предложение без энтузиазма: то да сё, времени мало, на садовый участок приходится ездить, да и... объём, честно говоря, маловат. Но у неё есть на примете одна хорошая семейная пара, работают в управлении внутренних дел, в милиции, отделочниками.

– В милиции, отделочниками? – насторожился я. – Кого они там отделяют?

– Не «кого», а «что», – засмеялась Алла Михайловна. – Строительные объекты. Самому начальнику управления генералу Потапову дачу отделяли. Устроит качество дачи Потапова?

– Не знаю, не видел. Наверное, устроит. Такой человек!

– Тогда я поговорю, – сказала Алла Михайловна, – а вы им позвоните.

Я позвонил. Хорошая семейная пара оказалась в предпенсионном возрасте. Я разговаривал с женой. Она всё время охала и называла мужа «он».

– Звонила вам Алла Михайловна? – спросил я.

– О-ох, звонила.

– Ну и что, возьмётесь?

– О-ох, а что нужно делать-то?

– Косметический ремонт в квартире.

– Не знаю, возьмёмся, наверное.

Я засомневался. Ремонт мне нужен был энергичный, в сжатые сроки.

– А вы сможете? – стараясь быть деликатным, поинтересовался я. – Извините, конечно... сил достаточно?

– О-ох, достаточно.

– Ага... Вдвоём предполагаете работать или кого-то ещё возьмёте?

– Вдвоём, я и он.

– А когда думаете приступить? У меня дети на каникулы через неделю уезжают, неплохо бы и начать.

– О-ох, через неделю не получится, мы на объекте, дней через десять только я освобожусь, а он там ещё неделю будет.

Я подумал.

– Хорошо. Всё-таки Алла Михайловна рекомендовала. Десять дней и неделя – это семнадцать дней. Потом сможете приступить?

– Наверное, сможем. Надо с ним поговорить. Давайте завтра позвоните.

Я позвонил завтра.

– Ну, и что сказал «он»?

– Он сказал – сможем.

– Очень хорошо! А не подведёте?

– Не-ет, раз он сказал – то нет, о-ох.

Это мне нравилось. Где-то там на неведомом объекте стоял в милицейском бушлате мужчина, некий «он», который решал все проблемы и давал обязательства. Это мне нравилось. Так и должно быть. На время я выкинул ремонт из головы, целиком отдавшись приезду отца, отправке с ним детей на отдых в Миасс и пьянящему чувству свободы, охватившему нас после их отбытия.

По прошествии двух недель я решил сделать контрольный звонок.

– Как наши дела? – бодрым голосом спросил я у охающей жены. – Через четыре дня приступаем?

– О-ох, – вздохнула она. – А что нужно делать-то?

– Как? – растерялся я. – Мы ведь уже всё обсуждали, косметический ремонт в квартире.

– О-ох, надо с ним поговорить.

– ...А вы не разговаривали?!

– Разговаривали, но столько времени прошло. Давайте завтра позвоните.

Я встревожился и не напрасно.

– Он сказал, что не будем делать, – сообщила на следующий день она.

– Как, не будем? – опешил я. – Вы ведь обещали, я ждал.

– О-ох, некогда нам.

– Но может, вы ещё раз поговорите с мужем, может, выберете время? Я заплачу.

– Не-ет, раз он сказал – то нет, о-ох...

В общем, всё начиналось, как пять лет назад. И положила руку на сердце, я этому не очень удивился.

И всё же отделочники нашлись. Сам не думал – по объявлению в газете. И, понятное дело, не сразу. Потому что в газете все предлагают сделать не просто ремонт, а «евроремонт», и желательно метрах так на двухстах. А евроремонт – это не значит очень хорошо, это значит очень дорого. У нас вообще «хорошо» и «дорого» – не всегда совпадающие характеристики.

Тут по телевизору показывали шоу-звезду Бориса Моисеева. Живёт Борис Моисеев в элитном районе в супердорогой

квартире с невероятно дорогой отделкой. И, бесе­дуя с корреспондентом, жалуется, что в этой супердорогой квартире то тут отпадает, то там отклеивается. А у его соседа сверху – мужика, по-видимому, тоже не самого бедного – постоянно лопаются трубы и заливают красного дерева паркет, а заодно и квартиру Бориса Моисеева. Мужик делает ремонт у себя, делает ремонт у Бориса Моисеева, меняет паркет и трубы, а те спустя время всё равно лопаются: кто-то что-то там в своё время неправильно рассчитал, или не там провёл. Но, в общем, есть в этом и свои преимущества: Борису Моисееву самому ремонт делать не надо.

А мне надо, у меня такого соседа нет. Хотя сверху, бывает, нас тоже топят. Уже после окончания работ я со слезами наблюдал, как по нашим свежим стенам тонкой струйкой побежала вода. И я побежал к соседям наверх и бегал потом туда через каждые пятнадцать минут, надеясь, что кто-то из них вернётся домой. Но они всё не возвращались. Поэтому я позвонил в жилищно-эксплуатационную контору и попросил что-нибудь предпринять. Пришла мастер.

– Это у них течёт? – недоверчиво спросила она. – А может, это у вас течёт. У вас нигде не течёт?

– У меня нигде не течёт, – заверил я её.

– А точно течёт? – спросила она. – М-да, течёт. И давно течёт? Так сходите наверх к соседям.

Выяснив, что меня и самого уже посещала такая мысль, она задумалась.

– Мы, конечно, можем перекрыть воду, – сказала она, – но только во всём доме! До следующего дня!

И пристально посмотрела на меня, словно проверяя, способен ли я совершить такое? Можно ли со мной идти в разведку?

Разумеется, на такое я был не способен.

– Вот и хорошо, – сказала она и ушла.

А я побежал вверх. И суждено мне было сбегать ещё несколько раз, прежде чем соседи наконец пришли.

Признаться, знакомства с соседями сверху я ожидал с любопытством и некоторым волнением. Потому что мы с ними, даже не зная друг друга, являемся на самом деле людьми не чужими, и можно даже сказать, близкими, будучи давно и крепко связаны одной общей страстью: встречать каждую утреннюю зорьку. Ровно в пять часов пятьдесят минут. И нам с Олей, например, для того, чтобы зорьку не проспять, совсем не нужен будильник. Потому что у нас с соседями сверху один будильник на две семьи.

Их проклятый будильник!!!! Чего бы только я не отдал, чтобы лично его уничтожить! Чтобы разбить, растоптать, рассыпать на мелкие пружины! Во сколько бы мы ни легли и как бы ни хотели выспаться, каждый день ровно в пять часов пятьдесят минут это исчадие часовой промышленности начинает оглашать окружающее пространство нечеловеческими монотонными звуками побудки.

Скажите, где выпускают такие будильники, чья воспалён-

ная ненавистью к ближнему голова наделяет их столь страшными способностями?! Такие звуки невозможно не услышать сквозь самый крепкий сон, от них нельзя спрятаться ни под одну подушку. Они в мгновение ока поднимают на ноги всё живое и, я подозреваю, неживое вокруг. За исключением наших соседей сверху. Иначе чем объяснить, что их адская конструкция звонит не переставая две-три минуты кряду? А затем, спустя время, ещё раз. И если вам вдруг удалось забыть тревожным сном после первого светопреставления, то следующее настигает вас уже наверняка.

И вот встреча с соседями состоялась. Выяснилось, что соседи у меня не такие, как у Бориса Моисеева.

– Чё? – уперев руки в боки, воинственно начала наступать на меня худая маленькая женщина в застиранном халате. – Где у нас протекает? Нигде у нас не протекает!

А её муж, такой же невысокий мужичок в несвежей вытянутой майке, засуетился и заверил меня, что сейчас всё ликвидирует.

Разочарованный увиденным я спустился к себе и, поскольку Оля ещё не пришла с работы, принялся сам вытирать с пола воду, слушая через вентиляционную трубу голос соседки, которая, также собирая воду, зло говорила мужу:

– Щас эти богатые снизу захотят предъявить нам за ремонт!

Предъявлять мы не стали, благо ущерб оказался минимальным, но интересно было узнать, что в подъезде о нас,

оказывается, существует определённое мнение, и оно достаточно лестное, ибо ставит меня даже выше Бориса Моисеева, несмотря на его деньги. У них ведь в подъезде у всех деньги. О нём ведь сосед сверху не скажет: «Этот богатый снизу». А о нас говорят!

...Тут как-то Полина пришла из школы и рассказала стихотворение, которое они выучили по учебнику «Основы безопасности жизнедеятельности»:

*Если папа твой богат,
Ты не хвастай всем подряд –
Все богатства из квартиры
Вмиг утащат рэкетеры!*

Очевидно, авторы учебника полагают, что богатства держат исключительно в квартирах, а рэкетеры – это люди, которые лазают по домам. Да и вообще, спасибо на добром слове.

И всё-таки я его нашёл, своего отделочника, вы это уже поняли. Женя. Он стоял шестым в графе «Ремонт и обустройство жилья». И когда я ему позвонил, на все вопросы отвечал: «Конечно».

– Вы делаете ремонт?

– Конечно.

– А в обычных трёхкомнатных квартирах?

– Конечно.

– Обои, потолки, пол?

– Конечно.

– Завтра сможете прийти посмотреть?

– Конечно.

Женя был молод, улыбчив, скуласт. Ходил уверенно, но в то же время почтительно, говорил по делу и слушал со вниманием. Расценки его мне понравились. Хотя полного доверия пока не было.

– Для начала, – сказал я, – сделаете одну комнату, а там видно будет.

– Конечно, – кивнул он. – Когда приступать?

Приступать Женя пришёл не один, приступать Женя пришёл с Катей. Катя была молода, флегматична, круглолица. Они вместе работали в душевой комнате среди испарений краски и клея и вместе ходили курить на лестничную клетку, чтобы, как они говорили, «проветриться на свежем воздухе». Вскоре мы прониклись к ним доверием и оставляли дома одних. А если вдруг неожиданно возвращались, Катя растрёпанная и красная бежала в ванную комнату.

Но дело шло и шло даже неплохо. Женя умел работать. Правда, это был не Саша-плиточник и не Степан-механик. Те, если спросишь: «Какой материал нужно купить?», отвечали: «Вот такой. Обрати внимание: не этот, не тот, а именно вот такой. Потому что...» А Женя отвечал: «Да любой, сейчас много всяких». Но мы, в общем-то, на подобное и рассчитывали. Нам не нужен был ремонт на отлично. Если

прошлый мы делали на четвёрочку с минусом, то нынешний должен был тянуть не твёрдую четвёрку. А выше не стоило. Вы не забыли? Мы ведь отсюда собираемся переезжать!

Глава 10

В прошлом письме я заговорил по поводу ремонта на отлично. Одна фирма у нас в городе, торгующая отделочными материалами, крутит по радио рекламные строки, подкупающие оригинальностью стихотворного размера:

Хочешь сделать ремонт «на пять» –

Надо линолеум только в магазине «Мир линолеума» покупать!

Поэты лет нынешних и давно минувших, предполагаю, переворачиваются при каждом озвучивании этого произведения. А народ, ничего, линолеум покупает. Горжусь, что лично знаком с автором строк – Игорем Завьяловым, возглавляющим рекламный отдел в вышеупомянутой фирме.

Когда-то с Игорем мы вместе работали. Несмотря на серьёзность своего образования (он выпускник и бывший аспирант технического университета имени Баумана), Игорь был известен тягой к розыгрышам и способностью шутки ради подделать любые документы или печатную продукцию. Эти качества оказались для него роковыми.

Как-то раз Завьялов решил разыграть нас и немного подправил страницу деловой газеты «Коммерсант» с перечнем лидеров мирового и российского бизнеса, филигранно впи-

сав в их число компанию «Альтон» (г. Сбоков), то бишь нашу компанию. Все посмотрели, посмеялись, и дело, вроде бы, совсем уже было кончено, как вдруг неожиданно появился наш генеральный директор.

– Ну-ка, ну-ка, что это? – заинтересовался он.

И все оцепенели. Директор пробежал глазами заметку, посмотрел название газеты и на несколько секунд замер, пока до него доходил смысл увиденного. Затем он прочитал материал более внимательно, рывком опять перевернул страницу на титульный лист, и присутствующие стали свидетелями того, как их генеральный изменился в лице. Он побледнел, сжал кулаки и, подняв голову, устремил вспыхнувший нездешним огнём взгляд куда-то вдаль.

Дело в том, что наш генеральный директор ставил перед собой и нами высочайшие цели. Он мечтал построить крупный бизнес и предпринимал конкретные шаги в этом направлении. Поэтому подделка в газете, которая для всех нас явилась лишь причиной минутного веселья, была воспринята им самым серьёзным образом. Он ни на секунду не усомнился в её правдоподобии, ибо считал, что фирма уже достигла немалых успехов, и ждал только случая, когда это заметят окружающие.

«Признали-таки, признали!» – можно было прочесть в его горящих глазах.

Тут бы им, и Завьялову в первую очередь, повиниться, сказать, что это не настоящая газета, а просто шутка, розыг-

рыш. Но наш директор внушал такой панический страх своим сотрудникам, и столько эмоций в этот момент читалось на его лице, что никто из присутствующих не осмелился даже рта раскрыть.

– Ты видел?! – ткнул в заметку пальцем директор, проходя мимо меня (у нас с ним были неплохие отношения), и я понял, что дело кончится скандалом.

Директор сел в своём кабинете и, аккуратно расправив на столе газету, взялся за телефон. Его многочисленные собеседники на линии, включая и деловых партнёров, бежали искать нужный номер «Коммерсанта», но ничего про сбоковскую компанию «Альтон» в нём не находили. Постепенно директор стал понимать, что здесь что-то не так. Он положил трубку и, пристально разглядывая сенсационную страницу, начал вспоминать ту минуту, когда впервые её увидел. Напрягаясь, он перебирал в уме всех, кто находился тогда рядом, и вдруг ясно, как при вспышке стробоскопа, увидел среди них кроткое, ангельски чистое лицо Игоря Завьялова. Вмиг директору стало душно.

– Завьялова ...ко мне! – прохрипел он секретарше.

И Завьялов утверждал потом, что ничего в жизни более не боится, ибо самое страшное, что может быть, он уже перенёс.

С того момента директор Завьялова невзлюбил и в результате уволил – как утверждает Игорь, не заплатив за три месяца работы.

Совсем недавно Завьялов оказался в центре новой исто-

рии, которую с удовольствием обсуждали все средства массовой информации. На одной из улиц возле жилого района он поместил рекламный щит со слоганом «Совершенство образа», или что-то в этом роде. Изображение представляло собой действительно близкую к совершенству фигуру обнажённой женщины, сидящей к зрителю спиной. Это изображение я видел. Женщина сидела в высшей степени прилично, скромно, и я бы даже сказал, целомудренно.

Но у ветеранов выбранного Завьяловым в качестве целевой аудитории района на этот счёт оказалось иное мнение. Ветераны оперативно устроили собрание, накатали жалобу и лично доставили её руководству городской администрации. В жалобе обращалось внимание на вопиющий пример разврата на улицах родного города, на страх за подрастающее поколение, который в связи с этим испытывают они, ветераны, и на необходимость срочно положить конец аморальным, антиобщественным и даже опасным действиям распоясавшихся богатеев. А на словах ветераны добавили, что им, заслуженным людям, просто оскорбительно видеть перед своим носом обнажённую задницу.

На мой взгляд, в этой фразе содержалось целых две ошибки. Первая – задница всё же находилась у них не перед носом, – давайте, товарищи, быть точными! – а над головой. И вторая – ветераны в порыве эмоций допустили смешение языковых стилей. Ибо если уж они употребили высокое слово «обнажённая», то должны были добавить к нему нечто

столь же пристойное и благородное, скажем, «натура», или «фигура». И выражение «обнажённая фигура» явилось бы весьма приятным слуху и правильным со стилистической точки зрения.

Ну, а если уж у них появилась «задница» (я имею здесь ввиду языковой аспект) (хотя, возможно, кто-то спросит, что за языковой аспект может быть у задницы? ан может, и не редко!) – так вот, если появилась «задница», то она должна присовокупить к себе (господи, что я говорю?) слово из того же стилистического ряда, например, «голая».

То есть, резюмируя: «обнажённая фигура» – стилистически правильная фраза; «голая задница» – тоже правильная фраза; а «обнажённая задница» – фраза неправильная.

Хотя, я думаю, на самом деле ветераны сказали даже не «задница», а, извините за выражение, «жопа». «Обнажённая жопа» это ещё смешнее. А применительно к слогану «Совершенство образа» и подавно.

Но руководство городской администрации не стало вникать в филологические тонкости речи ветеранов, а наложив на жалобу резолюцию «Разобраться!», спустило её в комитет архитектуры, недвусмысленно дав понять, что разбираться с проблемой должен тот, кто её создал, когда ещё на стадии согласования утвердил эскиз.

А надо сказать, что городской комитет архитектуры и без того уже несколько месяцев жил в постоянном страхе: против их начальника – да вы его знаете, главный архитектор,

тот, что требует все рекламные вывески красить под цвет фасадов! – возбудили уголовное дело по обвинению во взяточничестве. Негодяй. И они все в комитете архитектуры боялись, что заодно и их в чём-нибудь обвинят.

Стали они читать ветеранскую жалобу и увидели, что всё изложенное в ней разделяют: и про вопиющий пример разврата, и про необходимость срочно положить конец. И главное, они почувствовали, что и их охватил страх за подрастающее поколение, а заодно и за свою, в последние месяцы обнажённую... Они срочно позвонили Завьялову и компании (сиречь рекламной компании, с которой Завьялов работал) и горячо зашептали в трубку:

– Снимайте к едреней Фене своё «совершенство»!

А те в слёзы:

– За что, кормильцы?! Это же специальная банерная ткань, изготовление изображения сколько стоит!

И видимо, у рекламщиков кроме слёз нашлись ещё аргументы, потому что в комитете архитектуры, поколебавшись, сказали:

– Ладно, пусть дама висит, но надо с ней что-то делать, облагородить как-то. Знаете что? А приклейте вы ей трусы! А что? Хорошая идея! И ветераны сыты, и деньги целы.

Сказано – сделано. Рекламщики аккуратно вырезали из красной бумаги трусы и приклеили их даме на зад. Но приклеили, очевидно, некачественным клеем: трусы от погодной сырости с одной стороны отошли и стали развеиваться и

хлопать на ветру, шаловливо открывая части, которые им, напротив, следовало бы надёжно скрывать. И если раньше никто кроме ветеранов на эти части особого внимания не обращал, то теперь поневоле все проходящие и проезжающие мимо только туда и заглядывали.

Ветераны взвыли от такого поворота событий. С яростью покорителей Зимнего дворца они ринулись на администрацию, в результате чего Завьялов сотоварищи не только срочно приклеили трусы суперцементирующим влагоустойчивейшим ураганонепробиваемым клеем, но и перенесли «Полюбнонажённую в красном» подальше от жилых районов, к седьмому хлебозаводу, чтобы не покушаться более ни на чью нравственность и ни на чей непорочный нос.

Но не тут-то было! По последним имеющимся у меня сведениям ветераны теперь уже седьмого хлебозавода направили в городскую администрацию письмо, в котором указали на «неприлично открытую спину сидящей в картине женщины», на «большое количество молодёжи, работающей на предприятии, известном своими трудовыми традициями», и на «возмутительную близость картины к одному их памятников И. М. Сбокову, в честь которого назван наш славный город».

Думаю, эту картину ждёт печальная судьба многих непонятых современниками шедевров, и остаётся только надеяться, что современники всё же успели разглядеть не только интересные места на ней, но и завьяловский текст, призыва-

ющий делать ремонт «на пять».

Разумеется, пережитые потрясения не могли пройти для Игоря Завьялова бесследно. На днях Оля разговаривала с ним по телефону.

– Видела тебя, Игорь, по телевизору. Ведь ты поседел!

– Знаю, – вздохнул Завьялов, – особенно в подмышках.

Ремарка про И.М. Сбокова, «в честь которого назван наш славный город». Однажды воспитатели в садике спросили детей, кто из них знает стихотворение про Сбоков?

– Я знаю песню, – сказал Полина. – Можно?

– Конечно! – обрадовались воспитатели. – Песня это очень хорошо. Спой Полиночка. Дети, все слушаем Полину!

Огурчики, да помидорчики,

Сталин Сбокова убил в коридорчике, -

спела Полина.

Этой частушке её научила бабушка, Олина мама.

Про нас воспитатели поняли, что мы не такие уж безобидные люди, какими прикидываемся. А история с убийством Ильи Митрофановича Сбокова, действительно, история тёмная.

Глава 11

Разглядев заманчивый призыв «сделать ремонт на пять», я отправился за покупкой в магазин «Мир линолеума».

Вообще-то, я твёрдо намеревался делать новый пол из дерева, но Оля уговорила меня постелить линолеум, нарисовав в дополнение к нашему любимому аргументу о грядущем переезде поистине апокалипсическую картину полной смены полов в квартире, где нам предстояло в то же время жить. Я с детства обладал живым воображением, поэтому картину легко представил и с Олей согласился. Но только при одном условии: у нас должен быть хороший линолеум, дорогой! И отправился за покупкой в «Мир линолеума».

О, какое это сладостное чувство зайти в магазин, где ты будешь покупать прилично стоящую вещь, которую могут себе позволить немногие! С какой тонкой полуулыбкой ты шествуешь по залу и как небрежно подзываешь к себе продавца! Ты уже был здесь вчера инкогнито, с женой, и точно знаешь, что по-настоящему дорогого товара в магазине нет, а значит, можно не опасаться неожиданностей.

– Подберите, пожалуйста, что-нибудь достойное.

И очень хочется добавить: «Любезный».

– Цена?

– Значения не имеет.

Олина сестра Наташа со своим восьмилетним сыном Фё-

дором отдыхали в Венгрии. И как-то раз, гуляя в городском парке, услышали русскую речь – разговаривала дама с мальчиком, примерно ровесником Фёдора. Приятно встретить за границей соотечественников! Фёдор поздоровался, и хотя те не отреагировали, подошёл ближе. Подыскивая повод для знакомства, он зашёл с одного бока, потом с другого и наконец сказал:

– Пойдёмте на детскую площадку, в эти часы там можно играть бесплатно.

Дама посмотрела на него и гордо ответила:

– Для нас, мальчик, это значения не имеет!..

А в этом году произошло, в некотором смысле, обратное. У Фёдора в школе записывали на бесплатные обеды детей из малоимущих семей. Учительница прочитала список и громко спросила:

– Фёдор, а ты почему не записываешься? У вас ведь с мамой папы нет!

Дети вокруг замолчали.

– Спасибо, – сказал Фёдор, – мы хорошо обеспечены...

И вот я всем своим видом показываю продавцу, что мы хорошо обеспечены, и цена для нас значения не имеет. Продавец это сразу начинает уважать.

– Какой линолеум хотите: английский, бельгийский?

– Давайте посмотрим английский.

Хотя с Олей мы вчера уже выбрали бельгийский. На нём я в конце концов и останавливаюсь.

– Сами будете забирать?

В магазине есть доставка, но мне не хочется целый день сидеть дома, их караулить.

– Сам.

– Один?

К чему этот вопрос?

– Конечно, один.

К чему этот вопрос я понял, когда два дюжих продавца положили мне на плечо рулон толстого линолеума размером четыре метра на шесть. Гена! Я никогда ничего не носил тяжелее рулона толстого бельгийского линолеума размером четыре метра на шесть! И надеюсь, искренне надеюсь, Гена, ничего подобного носить больше не буду!

Я подумал, что уйду сейчас по колено в землю прямо сквозь их плиточный пол. Но плиточный пол выдержал, и я, расставив пошире ноги, тоже. Дальше надо было что-то делать. А что делать? Появившись здесь с тонкой полуулыбкой и небрежными манерами пресыщенного деньгами человека, я таким же образом должен был отсюда уйти. И продавцы с тревогой наблюдали, как легко и непринуждённо я пытаюсь вписаться в двери (и они, и я в тот момент поняли – легкомысленно узкие двери!) их магазина. Но всё обошлось.

Оказавшись на улице, я первым делом попытался достать из кармана мобильный телефон, чтобы вызвать с работы «Газель» с помощниками. Телефон после некоторых усилий извлечь удалось, но в нём – какими же словами я тогда его про-

клинал! – села батарея. Вернуться в магазин не представлялось возможным – я бы испортил о себе впечатление – и поэтому оставался только один путь – вперёд!

Мой бывший партнёр по бизнесу Рифат считал, что имидж для бизнесмена вещь очень важная. А главным в имидже ему представлялся номерной знак автомобиля. За это он готов был бороться. У него не было в ГАИ столь тесных контактов, чтобы получить по-настоящему престижный номер, такой как, скажем, «001», или «777», но чтобы хоть пара семёрок в номере присутствовала, он правдами и неправдами добивался.

Одна машина у него ездила под цифрами «077», другая «737», и все видели: вот едет мужик не то чтобы сильно «крутой», но всё ж-таки изрядно «подкрученный».

И вот Рифат машину сменил, а семёрок ему на неё не дали! – слишком много «подкрученных» развелось, все семёрки разобрали. Он обратился к своему гаишнику: выручай. «Извини, – сказал гаишник, – единственное, что могу сделать – дать три буквы «А»: «ААА». С такими номерами, между прочим, в советские времена только номенклатура ездила». И теперь Рифат при встрече со знакомыми указывает на свой номер и объясняет, что с буквами «ААА» в советские времена ездила только номенклатура, а теперь ещё и он.

Анекдот по поводу номеров. Останавливаются у светофора две дорогие машины. В одной с номером «А 001 АА» сидит чиновник. Он опускает стекло и спрашивает владельца

второй машины, с номером «О 001 00»:

– Что-то я вас не припомню. Вы чем занимаетесь?

– Да бабло срубая. Ну, в смысле, бизнесмен я.

– Хм. А меня вы знаете?

– Нет, но судя по твоей тачке ты, братан, тоже не хило устроился...

...И вот, опять же, весы жизни: раз у кого-то есть престижный номер, то у кого-то для равновесия на земле должен быть номер прямо противоположный. И я вспоминаю своего московского свояка Мишу, мужа второй Олиной сестры, Гали (первая сестра – это мама Фёдора).

Купил Миша машину и пошёл её регистрировать. Пришёл в ГАИ – что такое? – возле окошка регистрации, где обычно толпится народ, никого нет. Хотя народ присутствовал, и в немалом количестве, но кучковался почему-то в отдалении.

Оказалось, в окошке выдавали номера с причудливо сложившимся к тому моменту сочетанием «СРУ». И никто из присутствующих не захотел посредством любимого автомобиля заявлять о себе столь громогласно. Одни посчитали, что это слишком нескромно, другие – что чересчур жизнерадостно. А Миша к удовольствию окружающих махнул рукой и встал к окошку, рассудив, что есть, конечно, в таком номере некоторые минусы, но есть зато и очевидные плюсы: не надо, хотя бы, сейчас в очереди стоять. И ездил потом в своё удовольствие по Москве, вызывая уважение у вмиг побледневших по сравнению с ним «крутых» и «подкрученных». У

меня даже фотография этой машины сохранилась.

Но не все способны презирать условности, как мой свояк Миша. Однажды в магазине какая-то женщина спросила у моей жены:

– Вы не подскажете, где здесь находится бутик женской одежды «Koza дэрэза»? Я покупала там платье, но они, кажется куда-то переехали.

– «Koza дэрэза», «Koza дэрэза»... – стала вспоминать жена. И вдруг её осенило: – А, «Коза-дереза»! Да-да, у них вывеска «Koza dereza». Они прямо по коридору.

– «Коза-дереза»? – ошалело произнесла женщина.

Она-то думала, что одевается в бутике «Koza dereza», а оказалось, в какой-то козе, извините за выражение, дерезе.

Сухо поблагодарив, женщина пошла по коридору, но, не дойдя до «бутика», свернула и вышла на улицу. Думаю, и их платье она больше не надела. А зря: платья в «Козе-дерезе» продавались стильные.

Глава 12

Говоря об имидже, о престиже, нужно помнить, что престиж – это оружие. А любое оружие может не только сразить противника, но и ранить тебя самого.

Лет тринадцать-четырнадцать назад ехал я поездом с Урала, где получил от одной фирмы комиссионные за продажи. В этой фирме работал мой знакомый. Они никак не могли стянуть деньги с должника – сбоковской фабрики игрушек: фабрика вместо денег предлагала им свою продукцию. Тогда знакомый нашёл в Сбокове меня.

– Возьмись за продажу игрушек, – попросил он. – Комиссионные приличные, со сроками не торопим.

Ну, я и взялся. Закупил на фабрике образцы, большинство из которых составляли куклы, половину из них оставил дома Ксюше, а вторую половину засунул в огромную сумку и поехал по городам России – по универсам и магазинам игрушек – добывать за куклы живые деньги. Вначале я путался в своей не мальчуковой продукции, но вскоре выучил её и весьма бойко рассказывал товароведам о преимуществах Маши, Даши, Саши и Наташи.

Поскольку игрушки я перевозил без коробок, то, заботясь о внешнем виде товара, каждый раз в дороге проделывал следующее. Едва поезд отходил от станции – вынимал кукол из сумки, поправлял им трусики, платица, рассаживал в ряд и

начинал расчѐсывать. И один бог знает, что думали обо мне в это время другие пассажиры.

Наконец вся партия игрушек была продана. Получив полагающиеся комиссионные, я заехал на Урале к друзьям, раздарил их детям оставшиеся образцы, а одну куклу, Сашу, оставил себе, поскольку, как мне помнилось, моей дочери такой не досталось.

И вот, возвращаясь в Сбоков, купил я в Екатеринбурге с гонораров пачку сигарет «Мальборо» (да, Гена, я тогда ещё курил). Была для меня пачка сигарет «Мальборо» приобретением очень ценным и давно желанным, ибо в то время курить дорогие и редкие американские сигареты было столь же престижно, как сейчас, не знаю, иметь приличную машину. Я, конечно, таких сигарет позволить себе не мог, но тут с гонорара решил кутнуть и был этим очень доволен. И при каждом удобном случае как бы невзначай доставал узнаваемую пачку, в задумчивости крутил её в руках, а иногда даже и закуривал!

В купе поезда, которым я добирался, ехали со мной компанией трое парней, игравших весь вечер в карты. Разумеется, я не мог, да и не хотел сдерживать искушения и в какой-то подходящий момент извлѐк из кармана куртки «Аляски» пачку «Мальборо», неторопливо вытащил сигарету и, ещё медленней убрав пачку обратно, отправился курить в тамбур (да, Гена, тогда в поездах ещё разрешалось курить). На парней, почувствовал я спиной, мои манипуляции произве-

ли впечатление.

Но в общем, уже «набыло чапить», что в переводе с бродинского (сбоковского) языка означает «надо было пить чай» и укладываться спать. Спал я на верхней полке, крепко и безмятежно. А когда проснулся, обнаружил, что еду в купе один: парни, очевидно, сошли на какой-то станции.

Немного повалавшись и расчесав по привычке куклу Сашу, я спрыгнул на пол и принялся искать кроссовки. Что за дела, кроссовок не было. Я обследовал купе с одной стороны, потом с другой и вдруг понял, что место, где я повесил с вечера куртку «Аляску» тоже пусто!

«Ёлы-палы! – обожгла мне голову запоздалая догадка. – Да меня же обокрали! Попутчики! Увели новенькие кроссовки, которые я надел в поездку первый раз, и тёплую куртку, не такую новую, но ещё вполне приличную, а в ней – пачку сигарет «Мальборо»!» Медленно, очень медленно я приподнял свой матрас и с облегчением обнаружил под ним паспорт и полученный за продажу игрушек гонорар. Глянул на руку – часы тоже были на месте (а что, в армии мы так и не нашли того, кто умудрялся снимать со спящих товарищей наручные часы). Кукла Саша, как уже было сказано, также осталась при мне.

Я отправился к проводнице, которая вместе со мной поехала по поводу случившегося, но ничем не помогла, как позже и милиция (билеты тогда ещё продавали без паспортов). Выяснилось только, что ехать парни должны были ещё

сутки, до Петербурга – информация, поразившая меня едва ли не больше, чем сама кража. Это ж надо, не добравшись до пункта назначения, сойти ночью на незнакомой станции, позарившись на мои вещи, которые, очевидно, они приняли за очень дорогие. Или не столько на вещи, сколько на пачку «Мальборо»? Может быть, это тоже была их голубая мечта, мечта о другой, недостижимой жизни?

Кроме мечты-то, кстати, в пачке ничего не было, сигареты мне не слишком понравились. И это неудивительно: престижный товар совсем не обязательно должен нравиться. Ибо в переводе с французского и латыни слово «престиж» означает лишь «иллюзия, образ». А ещё – «надувательство» и «обман».

В холодный ноябрьский день я сошёл с поезда на станции Сбоков в рубашке, носках и с куклой Сашей за пазухой. Подобно свояку Мише я шёл походкой свободного от условностей человека и лишь иногда вздрагивал, проваливаясь в подёрнутые ледком лужи. В здании вокзала за мной тянулся шлейф изумлённых взглядов и мокрый след от носков, и мне подумалось, что, надо же, от обуви мокрого следа на полу не остаётся, а от носков – пожалуйста.

На привокзальной площади я взял такси. Разговорчивый водитель, увидев наряд не по сезону, завёл беседу о том, что многие люди сейчас занимаются закаливанием. Вот его сосед по даче... Тут водитель бросил случайный взгляд на мои ноги и замолчал. Я достал из-за пазухи куклу Сашу, пригла-

дил ей волосы, поправил платице и усадил на коленку. За всю дорогу водитель не сказал больше ни слова. Очевидно, он решил, что везёт сумасшедшего.

...Но вернёмся к ремонту в квартире. Значит, ехал я из магазина напольных покрытий, распугивая других участников дорожного движения, хоть и не имел в номерном знаке престижных цифр и букв. Зато из окна моего автомобиля грозно торчал рулон бельгийского линолеума, сделавшего в один миг дорогу уже на два метра. А это было страшнее любых номеров.

Когда же я втащил неподъёмный рулон в квартиру (я ещё поднял его в квартиру!), то понял, что как обычно явился не вовремя. Катя, красная, побежала в ванную, а Женя тут же начал отправлять меня опять в магазин, уверяя, что ему срочно понадобился алебастр.

Собрав оставшиеся силы, я заставил себя идти за алебастром. А когда вернулся, Женя, покуривая на площадке, сказал, что алебастр ему, в общем-то, уже не нужен, а нужна ему пустая кухня, чтобы приступить к шпаклёвке стен. Пришла с работы Оля, и мы, не ужиная, принялись рассовывать кухонную утварь по жилым комнатам.

Это я рассказываю к тому, что ни о каком отстранении от ремонта на всём его протяжении не может быть и речи.

Но даже при том обилии проблем, которыми он сопровождается, ремонт несёт в себе и нечто замечательное: ощущение новизны и праздника! Взввшись за руки, мы бродили

с Олей по меняющейся на глазах квартире и млели от восторга: как же это мило, как свежо, и как всё-таки здорово, что мы решили сделать это!

В общем, настроение, в котором мы пребывали, можно было назвать благодушным и в некоторой степени романтическим. И меня совсем не насторожило сообщение, что одну из наших торговых точек приехала проверять санэпидемстанция.

Глава 13

Меня не насторожило сообщение, что одну из наших точек приехала проверять санэпидемстанция – СЭС.

СЭС нас инспектирует периодически, а этот отдел в особенности: в нём, чтобы окупить аренду, мы кроме косметики продаём ещё бытовую химию. В самом факте продажи бытовой химии – порошков, или средств для мытья посуды – ничего преступного нет. Преступным является то, что наше помещение расположено через стену от продовольственного магазина, и стена эта не сплошная, не до потолка, как того требуют нормативы.

(Правильней сказать, требовали, так как сейчас бытовую химию разрешено продавать не то что через стену, а непосредственно в магазинах продуктов).

Арендодатель обещал сделать стену до потолка, когда мы договаривались об аренде, но не сделал. А мы уже вложились в оборудование, вывеску, рекламу. Прилично так вложились. Помню, пришёл я с претензией по данному поводу к арендодателю Коле.

– Понимаешь, – сказал Коля, – не разрешило мне управление архитектуры сплошную стену ставить.

– А нам как быть? Придёт СЭС, не к ночи помянута, про-

блем не оберёшься.

– Против СЭС, – поделился Коля, – есть отличный метод, только вам открою: не пускать.

– Это как?

– Закрыться, и вроде вас нет.

– Так ведь рабочее время.

– Повесьте объявление «Магазин по техническим причинам не работает», а когда уйдут, снимите.

– А если не уйдут?

– Тогда вы быстренько химию под прилавки спрячьте.

– Интересный метод, – оценил я.

Но другого всё равно не было, поэтому мы им и пользовались. Как только СЭС приходила в продовольственный магазин, оттуда на всех парусах к нам летели гонцы: «СЭС пришла, СЭС пришла!» Далее наши продавцы и охранники действовали по инструкции. Быстренько выгоняли покупателей, закрывали избушку на ключу, вешали на дверь вышеозначенное объявление и на всякий случай спешно снимали с прилавков порошки, рассовывая их по разным труднодоступным местам: на нижние полки, в накопительные ящики и так далее. Спустя несколько месяцев наши работники так поднаторели в действиях по команде «СЭС-тревога», что им впору было сдавать по этой дисциплине спортивный норматив.

Поэтому меня совсем не насторожило сообщение, что нашу точку приехала проверить санэпидемстанция.

– Действуйте как обычно, – отдал я приказ.

К моему удивлению через какое-то время работники позвонили вновь.

– СЭС не уходит, – зашептали они в трубку.

– Как это, не уходит? – удивился я. – Двери закрыли?

– Закрыли.

– Объявление повесили?

– Как обычно.

– И не уходят?

– Нет.

– Они что, читать не умеют? Сказано: магазин не работает.

– Не знаем. Только они стучат и требуют открыть им двери.

– Стучат?.. Непонятно. Ладно, замрите пока, вас там нет.

«Странно, – подумал я, – чего это они?»

Тут мне позвонили из продовольственного магазина:

– С вами хотят поговорить из СЭС.

– Эдуард Владимирович? – спросили с того конца провода.

– Он самый.

– Ваш магазин находится через стену?

– Совершенно справедливо.

– Мы бы хотели в него попасть.

– К сожалению, это невозможно. Магазин закрыт. Временно. У нас там... сломался шкаф. Да, сломался шкаф, и

мы магазин закрыли.

– Ничего, сломанный шкаф не помеха.

– Э-э-э... И ключа нет. Ключ у одного человека, а он сейчас в отъезде.

– Эдуард Владимирович. Откройте нам магазин. А то складывается впечатление, что вы там что-то скрываете.

– Мы?! Скрываем?! Да вы что! Нам нечего скрывать! Сейчас я поищу дубликат ключа, и если найду, привезу его лично.

– Вот и замечательно, – сказали они, – будем вас ждать. Лично.

«Странно», – подумал я опять.

И вместе с Олей мы поехали в магазин.

Дверь наша, как и положено, была заперта. На видном месте красовалась вывеска «Магазин по техническим причинам не работает». Я стал прохаживаться возле окон, подавая тайные знаки, чтобы те, кто находятся внутри магазина, поняли меня, а те, кто снаружи – нет. Те, кто внутри, поняли. Дверь скрипнула, и мы с Олей тихонько проскользнули внутрь.

В полумраке торгового зала – свет в целях конспирации был выключен – царила тревожная атмосфера подпольного кружка, на который делает облаву царская охранка. Работники наши ходили на цыпочках и разговаривали шёпотом.

– Недавно опять стучали, – сообщили они, – только-только ушли.

– Бытовую химию всю убрали?

– Н-н-не всю. Мы подумали, раз магазин закрыт...

– Да вы что?! – зашипел я. – Под монастырь нас хотите подвести? Быстро всё прячьте!

И работники кинулись прятать бытовую химию, а оголившиеся прилавки заполнять легальной продукцией.

– Там кто-то есть! – вдруг раздался мерзкий старушечий голос со стороны продовольственного магазина. – Слышите? Там кто-то ходит! И порошком стиральным пахнет! Понюхайте. Фу!

Ещё бы сказала: «Русским духом пахнет!»

– Да, кажется пахнет, – согласился с ней другой женский голос.

– Эй, кто там? Откройте! – вновь завякала старуха. – Кто там есть?

Хотелось подойти и сказать:

– Здесь никого нет!

Но мне было некогда, я вместе со всеми таскал бутылки средств для мытья посуды и коробки стирального порошка.

Наконец всё было попрятано. Мы последний раз окинули взглядом поредевшие прилавки и сообща покинули магазин, закрыв дверь на ключ. Продавцы и охранник отошли на не вызывающее подозрение расстояние, а мы с Олей отправились в продовольственный магазин, всем своим видом показывая, будто прибыли только что.

В кабинете заведующей нас ждала комиссия СЭС, состо-

ящая из двух человек: старшего врача – женщины в очках средних лет – и помощницы, чей облик трогательно соответствовал голосу, который мы уже имели удовольствие слышать. Это была этакая язва-старушенция, призванная, судя по всему, в ряды санэпидемнадзора ещё в начале двадцатого века, в гражданскую войну, для борьбы с холерой и тифом.

– Мы были только что у вашего магазина, – сказала старушенция, прищулив глазки, – и нам показалось, что за стеной кто-то есть.

– Кто же там может быть? – деланно удивился я. – Один ключ от магазина у командированного сотрудника, второй у меня.

– Пойдёмте посмотрим, что там, – поднялась с места старший врач.

Едва мы вошли в наш магазин, как старушенция с несвойственной её возрасту расторопностью нырнула под нижнюю полку стеллажей.

– Вот! – слышалось радостно оттуда, и через мгновение шустрая санпризывница объявилась на свет, победно держа в руке коробку стирального порошка. – Там ещё есть!

– М-м, – сокрушённо покачала головой женщина – старший врач, словно говоря: «Я так и знала», и начала что-то быстро записывать в принесённых с собою листах.

– Вот! – слышался довольный голос старушенции уже из-под другого стеллажа, и она извлекла оттуда две бутылки отбеливателя.

Женщина – старший врач подняла на неё глаза, кивнула и застрочила вновь.

– Вот! – старушенция вынырнула с чистящим средством.

– Вот! – в руках у неё оказался распылитель от вредных насекомых.

– На себя не направляйте, – посоветовал я.

Доказательства нашей преступной деятельности росли и росли, а вместе с ними ширились записи в документах у старшего врача.

– Ну, что ж, – сказала наконец она, – всё ясно. Распишитесь, пожалуйста, в акте.

И пока Оля расписывалась, я отгонял неуёмную старушенцию от ещё не раскрытых ею тайников.

– Скажите, – поинтересовались мы, когда все формальности были закончены, – с чего вдруг такая дотошность, какой звезде мы обязаны столь длительному общению с вами?

– Вот этой, – сказала женщина – старший врач, протягивая нам исписанный лист школьной тетради. – Был сигнал.

Мы с интересом углубились в чтение. Звездой оказалась пенсионерка – покупательница продовольственного магазина. В своём письме сия немолодая уже звезда сообщала, что всегда покупает продукты в одном и том же магазине, в котором в последнее время появились коммерсанты, от которых, в свою очередь, появился запах, который ей, покупательнице, не нравится. В заключение она просила соответствующие органы принять необходимые меры для защиты потре-

лей.

– И что, – спросили мы, – неужели после каждого изданного бдительным покупателем сигнала вы выезжаете со столь дотошной проверкой?

– Был ещё сигнал, – сказала старший врач и протянула нам второй исписанный лист бумаги, содержание которого, к нашему изумлению, было как две капли воды похоже на содержание первого.

– А также были звонки, – продолжала она. – Мы обязаны принять меры.

– Послушайте, – сказал я. – Формально они, конечно, правы: стена должна быть до самого потолка. И здесь мы не виноваты, нам обещали такую стену. Но ведь фактически, – я покосился на старушенцию, – фактически запаха-то в магазине нет! Мы проверяли. Отчего тогда сигналы?

– Не знаю, – пожала плечами женщина – старший врач.

– А оттого сигналы, – сказал я, – что до нас здесь косметикой и бытовой химией беззаботно торговал соседний магазин, которому мы, по всей видимости, существенно уменьшили выручку. Вы являетесь свидетелями и слепым орудием нечестной конкурентной борьбы! А вы хотите быть орудием нечестной конкурентной борьбы?!

– Не знаю, – пожала плечами женщина – старший врач. – Мы обязаны принять меры.

– Что это будут за меры?

– Мы вас вызовем, – сказала, удаляясь, она.

– Но меры будут серьёзные, не сомневайтесь – добавила с гордым видом старушенция, устремляясь за ней вдогонку.

И здесь мне, очевидно, придётся прерваться вновь, ибо теперь я чувствую, что дошёл как раз до половины оставшейся половины. Но прежде мне хотелось бы добавить пару слов.

Из вышесказанного может сложиться впечатление, что я предвзято отношусь к людям старшего поколения. Это не так. Потому что «старушенция», равно как и «старая (прошу прощения, немолодая) звезда» это не возраст, а характер. «Старушенция» из СЭС, например, на поверку может оказаться не такой уж старой (раз она работает, правда?) и призванной вовсе не в гражданскую войну, а всего лишь в советско-финскую. А за образом «старой звезды» вполне может скрываться, как мы видим, хитрый «молодой звездун». И поэтому с ними надо бороться! Всеми доступными средствами!

Тем более, что у кого-то подобное получается: на днях я ехал мимо седьмого хлебозавода и обнаружил на завьяловском рекламном щите ту же даму вновь сидящей посередине дороги в чём мать родила. Значит, правое дело живёт и побеждает! А может, это пытливая молодёжь седьмого хлебозавода, презрев предостережения старших товарищей, сумела отпарить суперстойкий морально-цементирующий клей по своей собственной инициативе? Мы в своё время и не такой клей отпаривали! Мда-а...

О чём бишь я? Да, о семье.

У нас всё нормально. Детки растут, только частенько между собой воют. Да Полина ленится выговаривать букву «р», хотя и умеет.

– Дула! – кричит она на Ксению.

– Полина! – кричим мы на Полину. – Надо говорить «ду-ра»!

Ксения читает по программе «Декамерон» Боккаччо. Мама заглядывает в книгу, просматривает иллюстрации, и ей становится дурно. А Ксении надо выучить две новеллы на пересказ.

Осень стоит чудесная! Но мы уже чувствуем приближение зимы, потому что торговый центр «Васильевский» прислал нам очередной новогодний счёт, сумма которого на 20% (!) больше, чем в прошлом году. И это по-человечески понятно: после ухода Евсея в администрацию пришли новые люди, разутые, раздетые. И если мы не будем им помогать, то кто поможет? У них ведь другого торгового центра нет.

А бывший администратор Евсей ходит по «Васильевскому» и зазывает народ в свою лавку неподалёку, где он открыл торговлю пирожками. Чудно складывается жизнь!

Но я опять уже готов пуститься в пространное повествование, а это возможно только в следующем письме. Всех благ вам и удачи!

Искренне ваш

Эдуард Сребницкий.

Глава 14

*Начинается новый день,
И машины туда-сюда...*

Когда я слышу эту песню Виктора Цоя, мне хочется слегка изменить в ней слова, ибо для нас новый день начинается несколько по-иному. Каждое утро, включив компьютер, я открываю бухгалтерскую программу, чтобы посмотреть последние проводки. И первое, что вижу на экране – это сообщение: «НОВЫЙ ОПЕРДЕНЬ».

Один мой восточный знакомый часто восклицал: «Клянус!» Так вот, я «клянус», что неподготовленный человек, увидев перед глазами подобное, как минимум вздрогнет. Да и как иначе? Ибо даже мы, зная, что «НОВЫЙ ОПЕРДЕНЬ», это просто «новый операционный день», до сих пор не можем привыкнуть и каждое утро, включив компьютер и взглядываясь в экран, испытываем тревогу за то, что предстоит нам сегодня.

Доброе утро, дорогие Григорьевы!

А я, просматривая, чем завершилось моё предыдущее письмо, обнаруживаю, что завершилось оно золотой осенью.

Да, пора была чудесная – золотая осень, бабье лето! Я вообще люблю осень, потому что в это время года я родился. А

бабье лето, кто ж его не любит? Жаль, что после осени прекрасной, золотой, настала осень ужасная и... Что-то не могу подобрать слова, противоположного по значению эпитету «золотой», или, как сказал бы филолог, не могу подобрать антонима.

Сын моего знакомого, Евгения Архипыча, проходил с классом тему «Антонимы». (Когда я учился, отец шутил: «Люди изучают, а ты проходишь»). И вот задала учительница классу домашнее задание по учебнику: найти антонимы к словам «добро», «зима», «чёрный» и... «фиолетовый».

С первыми тремя сын справился быстро: «добро» – «зло», «зима» – «лето», «чёрный» – «белый». А к четвёртому, «фиолетовый», думал-думал – не смог антонима подобрать. Пошёл к Архипычу. Тот думал-думал – не смог подобрать. Но сам заинтересовался. Позвонил родителям других учеников. Те к нему навстречу: та же проблема, давайте что-то решать! Устроили заочное родительское собрание. Кто-то предложил вариант «бесцветный», кто-то «не фиолетовый». Но большинство засомневалось.

– Ладно, – сказал наконец Архипыч, – русский язык только через день, а у меня есть знакомые журналисты (это он нас с Олей имел в виду), я у них завтра спрошу – успеем.

И на следующий день обратился к нам.

– Как? – переспросили мы. – «Фиолетовый»? Нет, Евгений Архипыч, у этого слова антонима.

– Как нет, если в учебнике просят подобрать?

– В учебнике, очевидно, хотят, чтобы дети проявили сообразительность. У слова «чёрный» антоним есть – «белый», а у слова «фиолетовый» нет. Вот и всё.

– Во-от, – протянул Архипыч.

Он когда чему-то не верит, тянет неопределённое: «Во-от».

– Ну, хорошо, Евгений Архипыч, не веришь нам, пожалуйста: «Словарь антонимов». Видишь, у слова «чёрный» антоним есть: «белый», а слова «фиолетовый» в словаре нет вообще.

– Во-от, – повторил Архипыч.

– В «Словаре антонимов» содержатся практически все антонимы русского языка. Словарь специально для того и создан. И раз нет в словаре, то такого антонима не существует. Пусть ваш сын так на уроке и скажет. И увидите, за такой ответ учитель его похвалит.

– Что ж, спасибо что помогли, – сказал Архипыч, стараясь не смотреть на нас, – так сыну и посоветую. Во-от.

На другой день был русский язык, а ещё через день Архипыч пришёл на работу, сияя, как именинник.

– Помните, я вас спрашивал про антоним к слову «фиолетовый»?

– Конечно.

– Так знаете, что это за слово?

– Ну?

– «Оранжевый»!

– Что?!

– Учительница на уроке сказала: «оранжевый»!

Он победно на меня посмотрел.

– А мы с родителями думаем, какое слово, что за слово?

(Мой одноклассник поступал в технический вуз. На экза-

мене по физике сзади сидел абитуриент, которому достался «Закон Бойля-Мариотта», и громко стenal:

– Какая Мариотта, что за Мариотта? Ну, блин, вопросы задают!).

– Евгений Архипыч...

– ...Какое слово, что за слово? А оно вон, значит: «оранжевый»!

– Евгений Архипыч, у слова «фиолетовый» нет антонима, неправильно учительница детям сказала.

– Во-от, а мы с родителями думаем, какое слово, что за слово?

Надо бы ту учительницу, применительно к упомянутой осени, попросить найти антоним к слову «золотая». Вдруг бы она что-то предложила и, возможно, более приличное, чем крутится у меня на языке. Ибо то, что началось вокруг нашего дома с первыми осенними дождями, приличными словами трудно описать...

Прошу прощения. Конечно, я помню, что не закончил рассказ о прошедшем лете. И к этому лету в будущих письмах ещё, безусловно, вернусь. Но сейчас хочется поделиться с вами свежими впечатлениями. И, разумеется, некоторыми

воспоминаниями (прошу меня извинить за эту преждевременно открывшуюся старческую слабость). Но посмотрим, как получится.

Так вот, что началось вокруг нашего дома с первыми осенними дождями! Они же отняли у меня мою осень! Не дожди, конечно. А те, которые рыли ямы, у самого, можно сказать, подъезда.

Рядом с нашим домом, у самого, можно сказать, подъезда прокладывают дорогу. Наверное, это неплохо. По дорогам ездят машины, на машинах ездят люди. Это неплохо. Пусть неплохо не для нас, жильцов дома, пусть для других людей. Пусть. Но зачем они её *ТАК* прокладывают?

У основания дороги стоит сбокoвский мэр Виноградов (не натурально, разумеется, стоит, а фигурально), который однажды пообещал проложить здесь дорогу. А что обещает, он делает – хорошая черта характера. И порывался мэр Виноградов проложить наш участок ещё два года назад. Но город задолжал страшно большую сумму энергетической компании, и та начала долги с города трясти. И так начала, что пришлось строительство отложить, а долги отдавать.

И не могу тут же не рассказать, как упомянутые долги, ну, может, некоторые из них, получились.

Мы с бывшим моим партнёром по бизнесу торговали тогда горюче-смазочными материалами, в том числе углём. И всё думали, как бы продать нам угля самым крупным потребителям в регионе: областному и городскому правительству?

Мы уж вокруг чиновников и так ходили, и эдак: возьмите у нас хоть пяток вагонов, хоть десяточек. И всеми местами подмигивали: мол, мы в долгу не останемся.

– Что вы, – вздыхали они, – у нас и денег нет, вон с энергетиками рассчитаться нечем.

– Что вы, – засмеялся один наш знакомый, близкий к этому делу. – Они же только в фирме «Север-Уголь» берут, у угольщика Парамонова. И знаете почём? Я бумаги видел.

И когда он нам рассказал, почём правительство берёт уголь у некоего «угольщика» Парамонова, достаточно молодого ещё человека, из открытых ртов у нас потекла слюна зависти.

– И если они по такой высокой цене покупают уголь (кстати, с чего покупают, если вокруг выгодных предложений полно?), – продолжал знакомый, – то им никаких денег ни на одних энергетиков не хватит.

Прошу учесть, сам я бумаги не видел и в случае чего скажу, что угольщика Парамонова оклеветали. Зато всё изложенное ниже – чистая правда, об этом даже газеты писали.

А газеты писали, что угольщик Парамонов практически единолично снабжал Сбокковскую область углём. Что означало одно: он был в администрации своим человеком и доверенным поставщиком. Руководители шахт республики Коми, где угольщик Парамонов уголь закупал, считали так же и поэтому безбоязненно отпускали земляку (угольщик Парамонов родом из тех же краёв) продукцию без предоплаты на

многие миллионы. Отпускали и отпускали, отпускали и отпускали. А потом однажды, сами смущаясь, – потревожили солидного человека – попросили:

– Нам бы немного денег. Мы, конечно, извиняемся, но шахтёры зарплату просят. Несознательные люди, не понимают важности налаженного с вами сотрудничества, но приходится с ними считаться.

– Мне бы самому немного денег, – развёл руками угольщик Парамонов, – так Сбоковская область не платит! (Как выяснилось позже, угольщик Парамонов говорил землякам неправду, брал грех на душу). Они не то что со мной – с энергетиками не рассчитываются. (А вот это было правдой чистой воды). Давайте так. Вы мне сейчас уголь, а я для ваших работников квартиры в Сбокове. Потом.

Подумали-подумали руководители шахт республики Коми и согласились. Каждый некоренной житель севера мечтает в будущем перебраться на юг, в данном случае в Сбоков, а тут уже и квартиры готовы.

Вообще-то, город Сбоков, где среднегодовая температура воздуха равняется всего трём градусам Цельсия, югом назвать сложно. Жителям нашим платят северные надбавки, а в их садах и огородах не так уж много чего растёт. В моём понимании юг – это солнце, тепло и щедрость природы: воткнёшь палку в землю, польёшь её разок-другой, и вот уж она, палка, и зацвела, вот и заколосилась. А у нас палки тычь-не тычь, поливай-не поливай – ни в какую, стер-

ви, колоситься не желают, разве только мхом порастут. Но и ото мха, если подумать, польза имеется, ибо по нему можно определить, с какой стороны от нас находятся те суровые регионы, для которых город Сбоков является югом.

А что касается условности понятий «север» и «юг», то по-настоящему я это понял, съездив однажды на Чукотку. Как-то раз мы полетели там на вертолёт в колхоз на берегу Северного Ледовитого океана, чтобы забрать мясо моржа, которое местные жители заготавливали несколько последних месяцев. Вышел я из вертолёта и в то же мгновение осознал всю глубину любви к своей малой родине, которую по недомыслию временно покинул. Точнее, не ко всей родине, а к её умеренному, и временами даже ласковому, климату.

За бортом творилось нечто невообразимое: мороз пятьдесят градусов и ветер! Любой другой на моём месте тут же заскочил бы в вертолёт обратно. Но не таков был я: всем известен мой неуступчивый сильный характер! Поэтому, сойдя на землю, я лишь стиснул покрепче зубы и, бросив вызов стихии, остался стоять на смертоносном безжалостном ветру, наблюдая за местными колхозниками, которые в этих далёких краях являются одновременно чукчами.

Местные чукчи-колхозники, люди тёмные, не знали, что для борьбы со стихией нужен неуступчивый сильный характер. Они, как я понял, вообще не знали, что вокруг бушует стихия и с ней необходимо бороться. Как самые обычные колхозники они грузили вилами подтухшее мясо на наш

борт, и многие из них работали без головных уборов.

Я позавидовал стойкости местных жителей. К сожалению, моя голова, даже укутанная в пух и мех, не выдержала суровых испытаний: промёрзнув насквозь, она погибала. В затухающем сознании возникло видение, будто рядом в воде (а океан не застывает) плещутся какие-то птички, уточки, что ли. Я понял, что это конец.

– На птиц любуетесь? – неожиданно раздался за моей спиной голос.

Я обернулся. Сзади стояла распорядившаяся погрузкой колхозная председательша, энергичная русская женщина. Может, её слова мне тоже померещились?

– Вы про них? – указывая в сторону океана, с надеждой спросил (точнее, из-за сильного ветра, прокричал) я. – Вы их тоже видите?

– Конечно! – прокричала она. – Вон какие шустрые.

– Да-да, шустрые, – вырвался у меня вздох облегчения, сознание пока было в порядке. – А что они у вас тут делают?

– Они к нам с севера зимовать прилетают.

Я понял, что обрадовался преждевременно.

– Извините, не расслышал, откуда прилетают?

– С севера... Так, не стоим, загружаем новую партию!..

В общем, денег угольщик Парамонов землякам не дал, а пообещал рассчитаться квартирами. И руководители шахт продолжили отпускать ему уголь. Но наконец заволновались.

– Да отдам я, чего пристали, – начал раздражаться уголь-

щик Парамонов.

– Так отдайте.

– Отдам... наверное.

– Наверное? – побледнели руководители шахт и бросились за разъяснением в сбоковскую администрацию.

– Ах, вы ещё жаловаться, ябеды? – возмутился угольщик Парамонов. – Так вы с меня вообще ничего не получите.

– Как, не получите?!

– Так. Закрываю фирму. Нет больше такой, всё. Вы меня оскорбили.

– А квартиры?

– И квартиры не получите!

– Родной, – упали руководители шахт на колени. – У нас шахтёры голодовку объявили, требуют рассчитаться за работу.

– А я при чём? – отодвинул ногой руководителей шахт угольщик Парамонов. – Ваши шахтёры, вы и рассчитывайтесь.

А что же сбоковская администрация? А сбоковская администрация сказала:

– Мы за частные фирмы ответственности не несём. Как, говорите, фамилия? Ну, привозил тут какой-то Парамонов уголь, да мало ли их по России, парамоновых? Знать ничего не знаем и ведать тем более не ведаем.

Руководители шахт – в прокуратуру. И услышали в ответ:

– А как мы докажем, что он специально? А может, он не

специально. У вас спор, извините за выражение, хозяйствующих субъектов. Подавайте в арбитражный суд.

А арбитражный суд ну их укорять:

– Раз такой фирмы «Север-Уголь» больше нет, то подумайте сами, как можно взять деньги с того, чего нет? Зачем вы у нас время отнимаете? В следующий раз сначала думайте, а потом отнимайте.

Те проскрипели зубами что-то по поводу следующего раза и ушли несолоно хлебавши. И, на мой взгляд, правильно сделали, безопасней будет, потому как был тут один адвокат, собирався в интересах своего клиента отсудить часть собственности у угольщика Парамонова, так того адвоката возле дома ножичком и зарезали, прямо на глазах жены и малолетнего сынки.

Эти происшествия подробно освещала местная газета «Сбоковский обозреватель», редактора которой тоже однажды чуть не зарезали, да он, обливаясь кровью, сумел убежать.

А его сотрудницу, журналистку, женщину молодую, но не в меру активную, депутата городской Думы – всё чего-то добивалась, да обличала – однажды так в подъезде избили, что она тоже убежала, вернее, уползла, но ещё дальше, в Америку. Обиделась, понимаешь, на Родину. А на Родину обижаться нельзя, она нас вырастила, образование дала, в люди вывела. И если ты перед ней провинился – она укажет. Пусть

иногда сурово, но справедливо. А потом простит, ты повинись, и она простит. А теперь кто эта самая бывшая журналистка и депутат городской Думы в Америке? Теперь она там в Америке за бездомными кошками и собаками ухаживает. Ну так и поделом, им, бездомным, общая крыша.

А недавно приезжала из Америки другая бывшая сотрудница «Сбоковского обозревателя». У той-то всё хорошо, она по Интернету с американцем познакомилась, с таким же «ботаником» в очках, как сама, и замуж за него вышла. Но любовь у неё есть, а работы по специальности нет, поэтому собирается бывшая заместитель редактора тоже ухаживать за животными.

Помните, я рассказывал, как добровольцы в Америке зверей спасают, бегают за ними, руками-ногами рискуя? Так там, похоже, по большей части бывшие наши бегают и бывшими нашими членами рискуют. И если оно в том же ключе и дальше пойдёт, на всех бывших наших там скоро животных не хватит, и всяк выезжающий должен будет минимум двух паршивых собак с собой прихватить.

А мы, ничего, не обеднеем, мы этого добра ещё более заведём. Но лично от меня предложение: – и прошу учесть скромные усилия по наполнению государственного бюджета! – обкладывать вывозимых кошек и собак тройною пошлиной, чтоб покидающим Родину расставание мёдом не казалось, чтоб они своими кровными рассчитались за то, что нам стоило таких усилий вырастить.

Ещё про кошек и собак, раз заговорили. У нашего бухгалтера, Эллы, мама всех жалеет и по любому поводу расстраивается. Соседка про кого-то расскажет – мама пожалеет и расстроится. По телевизору новости плохие – мама опять до невозможности переживает. Приходит как-то Элла с работы, а мама ей говорит:

– Вот смотрю из окна на мусорные баки и не могу, расстраиваюсь.

– Мама, как можно, глядя на мусорные баки, расстраиваться?

– Конечно. Только мусор кто-нибудь выбросит – бессовестные бомжи тут же налетают и себе берут.

– И что?

– А вдруг потом придут собачки и кошечки, и им ничего не останется!..

Ещё про жалость Эллиной мамы.

У мамы долгое время был гражданский муж: двухметровый детина, который нигде не работал, жил на её деньги, и вообще, жил у них. Элле, которая была ещё школьницей, он очень не нравился.

– Выгони ты этого бездельника, – говорила она.

– Жалко его, – вздыхала мать.

Но время от времени он ей всё же так надоедал, что она его действительно выгоняла, причём буквально: просто выставляла за дверь. И каждый раз повторялось одно и то же. Предчувствуя грозу, мужик успевал спрятать в квартире

свой свитер, а если не успевал, то, выбежав на улицу, быстро снимал и забрасывал его в форточку, а потом кричал на всю улицу:

– Пустите меня! У вас мои вещи остались! Мне холодно!

Сердце матери сжималось от жалости, и она пускала его обратно.

Наконец Элла подросла, и так ей надоела эта бесконечная история, что она попросила двух своих друзей поговорить с мужиком. Те отвели его за угол и, перебарывая страх, – здоровый кабан, зашибёт! – сказали:

– Мужик, если ещё раз здесь появишься...

Мужик оглядел их и как... побежал. Больше его никто не видел. А у Эллы с матерью на память о нём остался свитер, который он перед этим, как выяснилось, успел спрятать в квартире.

Слышу, жена зовёт помочь на кухне, а я всё не иду. Слышу, уже ругается! Сейчас, сейчас! Только письмо закончу. (И свитер на всякий случай спрячу, раз такое дело).

Всё, пока, продолжу после.

Ваш

Э. Сребницкий.

Глава 15

Здравствуйтесь, дорогие Григорьевы!

Спешу сообщить, что история с кухней для меня закончилась благополучно, а посему хочу рассказать вам ещё немного про поездку на Чукотку, о которой вскользь упомянул в предыдущем письме. Ибо если тема нашего разговора малый бизнес, то самый малый из них должен был состояться именно в то путешествие.

Летел я на Чукотку, вообще-то, не за бизнесом, а совершенно по другим делам: готовить почву для автопробега между Россией и Америкой, который планировался компанией «Альтон», где я тогда работал. Планировался, планировался, да не выпланировался, то есть так и не был осуществлён. Но когда работа по подготовке автопробега только начиналась, мы вылетели на Чукотку вместе с моим непосредственным руководителем – начальником отдела.

За несколько месяцев до нашей поездки там уже побывал один из сотрудников компании. Он сообщил нам, что в настоящий момент на Чукотском полуострове ощущается острый дефицит алкогольной продукции. А потому местные готовы платить за неё неплохие деньги. Но продавать за деньги не имеет смысла: гораздо выгоднее обменять алкоголь у коренного населения на пушнину, а потом продать её на Большой земле с большой же выгодой. И если бы сам сотрудник

знал это заранее, то уже сменил бы свою отечественную машину на подержанную, но иномарку.

Разумеется, мы с начальником тут же захотели проверить озвученную операцию. В качестве алкогольного продукта был выбран дешёвый, но вполне качественный спирт «Роял» в литровых бутылках, производимый не то в Голландии, не то в Германии, который в описываемые мной времена буквально заполонил алкогольный рынок России. Хотя летели мы из Москвы, покупать спирт решено было в Сбокове, так как по имевшимся сведениям в Москве «Роял», или, как все его называли – «Рояль», стоил несколько дороже, а нам хотелось максимально уменьшить себестоимость продукции.

Начальник, как и положено начальнику, отдал мне распоряжение: затариться спиртом и везти его до места назначения. Мне не очень нравилось это распоряжение, так как бизнес предполагался совместный, а значит, и тяжести его осуществления неплохо было бы разделить на двоих. Но деваться было некуда, и я, съездив на оптовый рынок, купил четырнадцать литров «Рояля», по семь литров в каждую руку.

Деньгами на такси я не располагал, поэтому пришлось мне тащить купленный спирт до троллейбуса, оттуда в квартиру, оттуда на вокзал, оттуда в вагон, оттуда в метро и так далее. А четырнадцать литров жидкости в стеклянных бутылках это, скажу я вам, совсем не то же самое, что четырнадцать килограммов тяжести в руках: жидкость плещется,

бутылки стучат, просто так сумку не перехватишь и на землю не бросишь. Я пыхтел, я потел – но я терпел. Перед моим мысленным взором проплывали горы пушнины, дающие возможность вырваться из незавидного материального положения, в котором я тогда пребывал. Но намаялся я с «Роялем» предостаточно.

И можете представить моё состояние, когда в Москве обнаружилось, что этот самый «Рояль» стоит здесь не дороже, а дешевле, чем в Сбокове, и купить его можно на каждом углу, в том числе перед самым входом в экспресс, везущий пассажиров в аэропорт! Мой начальник, который и придумал купить спирт в Сбокове, только посмеялся этому обстоятельству. А мне было не до смеха. Но не выливать же было теперь сбоковский «Рояль» на землю и покупать московский. Я потащил сумки дальше.

В аэропорту возникла новая проблема: со спиртом нас отказались пустить в самолёт – провоз легковоспламеняющихся жидкостей был запрещён. И тут в дело вступил мой начальник, внося в осуществление бизнес-проекта свою руководящую лепту. У начальника оказалось с собой официальное письмо от руководителя Сбоковского авиаотряда к руководителю авиаотряда города Анадыря – столицы Чукотского автономного округа. В письме сбоковский руководитель просил своего далёкого коллегу оказать нам возможное содействие в подготовке автопробега, то есть в благородном деле установления дружественных связей между российским

и американским народами.

Это письмо мой начальник стал предъявлять работникам московского аэропорта, призывая их пропустить четырнадцать литров спирта в самолёт и тем самым тоже оказать содействие в благородном деле установления связей с американским народом. Разбирательство от рядовых сотрудников переключалось к руководящим, те почитали письмо, почесали затылки и, раз уж письмо было от коллег, скрепя душу, дали команду пустить не полагающийся к провозу груз на борт.

После решения этой проблемы уже не возникало вопросов, кому из нас, мне или начальнику, таскать на себе «Рояль», и, гремя бутылками, я потащил сумки в салон.

Декабрьский Анадырь встретил нас морозом в сорок пять градусов, который ощущался даже в тот короткий промежуток, пока мы шли от самолёта до аэровокзала. В зале ожидания нам предстояло провести пару часов, поскольку руководитель Анадырского авиаотряда, как выяснилось после звонка, вылетел по делам в район и в город ещё не вернулся.

Из-за смены часовых поясов мы с начальником пребывали в заторможенном состоянии – у нас дома была глубокая ночь – и всё же почувствовали, что проголодались.

В аэровокзале имелась столовая. Мы встали к линии раздачи и увидели, что по ней между баками с котлетами и вермишелью ползёт громадный таракан.

(Всё это было ещё до того, как назначенный на Чукотку

губернатором миллиардер Роман Абрамович преобразил облик Анадыря).

– Что будете кушать? – спросила меня раздатчица.

Я показал ей на таракана. Не говоря ни слова, она сбросила его на пол и снова вопросительно уставилась на меня. Пока я думал, заказывать обед или нет, на поднос выполз ещё один таракан и по-хозяйски стал обследовать лежащие на салфетках приборы.

– Здесь можно где-то ещё поесть? – спросил раздатчицу мой начальник, косясь на насекомое.

– В буфете... Что будете кушать? – обратилась она к следующему за нами человеку.

Я поднял со стульев гремящие стеклом сумки, и мы пошли искать буфет. Он оказался поблизости. Войдя внутрь, я осмотрел полки с товаром – и мне стало дурно. На полках буфета тут и там высились бутылки со спиртом «Рояль». Создавалось впечатление, что непосредственно под продукты буфет выделил лишь небольшую часть своих площадей, а основные из них отдал под торговлю спиртом. У меня ещё была надежда, что цена этого «Рояля» в несколько раз выше той, что я заплатил в Сбокове, откуда проделал путь в семь тысяч километров. Увы, если цена и была выше, то всего на несколько рублей, которые можно было смело отнести за счёт наценки буфета.

Аппетит у меня начисто пропал. Пока начальник обедал,

я сидел в зале ожидания, раздумывая о том, куда же теперь девать содержимое сумок, и главное – как же теперь вернуть потраченные деньги?

– Подарим спирт принимающей стороне, – сказал мой начальник, выходя из буфета и вытирая губы. – Нам предстоит встречаться с разными людьми, и каждому мы будем дарить по бутылке.

Кто будет таскать бутылки до разных людей, и как подарки смогут компенсировать материальный урон, начальник не уточнил.

Принимающая сторона вскоре появилась: за нами приехал руководитель Анадырского авиаотряда. Память не сохранила мне его имя, я помню только отчество – Саныч. Мы познакомились, Саныч отвёз нас в гостиницу и сказал, что в такое-то время заедет на за нами, чтобы отвезти к себе домой на маленький семейный ужин. Это было весьма любезно с его стороны.

В гостинице тоже ползали тараканы: видимо, нам предстояло к ним привыкать.

Я вспомнил, как однажды мы с моим товарищем Мишей ездили в командировку в Нижний Новгород. Гостиница была претенциозная, с недешёвыми номерами, на берегу Волги. Пока мы с Мишей заполняли анкеты, на ресепшн прибежали только что заселившиеся постояльцы и сказали, что в их номере люкс находится крыса!

– Ай! – взвизгнули работницы на ресепшене. – Живая?

– Нет, – взволнованно объяснили постояльцы, – дохлая.

– А мы перепугались, – успокоились работницы. – Так просто выбросите её.

Так что тараканы, это было ещё терпимо.

В назначенный час за нами заехал авиаруководитель Саныч. Он сказал, что на семейном ужине будет также его друг – командир чукотских военных лётчиков. Почему такое внимание было уделено нашим скромным персонам, выяснилось позже. Страна переживала не лучшие экономические времена, инфляция давно съела завидные северные заработки, их-за которых люди в своё время ехали на Чукотку, а потому многие задумывались об отъезде. Саныч и его военный друг Палыч тоже задумывались и активно налаживали связи с представителями коммерческих структур на Большой земле. Мы как раз были такими представителями, да ещё и с рекомендательным письмом от коллег-авиаторов.

Раз принимающих начальников было двое, то на семейный ужин я взял не одну, а две бутылки «Рояля». Надо ли говорить, что на накрытом столе уже высился литровый «Рояль», но делать нечего, я подарил хозяевам и Палычу ещё и свой.

Мы выпили, подружились, и местные авиационные начальники пообещали нам всяческое содействие не только в прокладывании маршрута будущего автопробега, но и в налаживании деловых контактов с чукотскими зверохозяйствами, производящими шкурки пушного зверя песца.

Про дефицит алкогольной продукции они сказали, что, да, была такая проблема некоторое время назад, но сейчас проблемы нет – в каждом киоске продаётся спирт «Рояль». Тем не менее они поблагодарили за подарок и сказали, что, вот, у нас в России так заведено, русский человек не любит идти в гости с пустыми руками. А если уж принимает далёких гостей – то подарки заготовит обязательно.

Тут же Саныч поведал историю, как некоторое время назад он обменялся дружественными визитами с руководителем гражданской авиации с Аляски. В прошлое уходила «холодная война» с её недоверием и враждебностью, и обе стороны, русские и американцы, хотели возвести между своими странами и континентами неформальные мосты.

Сначала по приглашению Саныча к нам прилетел американец, звали которого Фрэд. Наши постарались не ударить в грязь лицом. Профессиональный интерес Фрэда удовлетворять особо не стремились, ибо в Анадыре гражданская и военная инфраструктуры находятся бок о бок, а подпускать к военным объектам американца, хоть бы и дружественного, сочли излишним.

Поэтому коллеге Фрэду быстренько показали аэропорт и несколько гражданских самолётов, а всё остальное время посветили демонстрации русского гостеприимства: возили его на упряжках, парили в бане. А уж кормили! Сибирскими пельменями, дальневосточными крабами, солёными грибами, привезёнными из последнего отпуска. Жена Саныча то

стряпала пироги, то заводила блины, то создавала шедевры из парной оленины. Про красную икру и говорить не стоит: перед гостем ставили её в глубоких тарелках.

Саныч и Палыч были большими любителями пива. Они научили гостя пить пиво по-русски: с вяленой и копчёной рыбой. Раньше гость никогда не пил пиво больше двух бутылок, а тут перед ним выставили две трёхлитровые банки.

– О, это очень много! – пытался отнекиваться гость.

– У нас есть время, – успокаивали его Саныч с Палычем. – Надо пить, пока свежее.

– Но разве нельзя купить свежее потом?

– А это куда девать?

Не рассказывать же было гостю, что за свежим пивом для него пришлось сгонять в Магадан военный самолёт. Полторы тысячи километров туда, полторы тысячи обратно – расстояние, конечно, не слишком большое, но раз уж привезли, надо пить.

Уезжал гость домой пополневший, уставший, довольный. В самолёт за ним ввезли огромную телегу подарков.

– Большая тяжесть для самолёта, – показывая на подарки, смеялся гость.

– Ничего, довезёте, мы от чистого сердца.

– До свиданья! Спасибо! – по-русски кричал гость с трапа. – Com to visit! Com to Alaska!

– Приедем, если пригласите.

Спустя какое-то время последовало приглашение от аме-

риканцев, и вот уже Саныч отправился с ответным визитом в Анкоридж к другу Фрэду.

Друг Фрэд встретил Саныча с широкой американской улыбкой, поселил у себя в доме, но сразу извинился, что слишком занят на работе. Впрочем, среди недели Фрэд обещал прийти пораньше, чтобы показать русскому другу город. Также предусматривалась часовая экскурсия по лётному хозяйству. Всё остальное время Саныч в доме у Фрэда изнывал от безделья, питаясь заказанной для него пиццей.

Но вот наконец у Фрэда наступил выходной. Было объявлено, что этот день они отметят грандиозной вечеринкой с пивом – так, как это любят делать в России. Все расходы на принимающей стороне, гостю надлежит только отдыхать! Фрэд с Санычем сели в машину и поехали за пивом в магазин.

В магазине продавалось несколько сортов пива. Изучив ценники, Фрэд сказал, что, по его мнению, пиво здесь дороговато, и есть смысл поискать дешевле. Они приехали в другой магазин. Цена там Фрэду тоже не понравилась. Они поехали в третий, потом в четвёртый. В пятом магазине цена Фрэда более-менее устроила. Себе Фрэд взял только одну баночку, а Санычу шесть. Также, зная вкусы русского гостя, была куплена рыба. Ну, и пицца.

Дома у Фрэда они выпили пива, вспомнили Россию, посмотрели телевизор и поели пиццу. На том грандиозная вечеринка завершилась. А через несколько дней Саныч отпра-

вился домой. Перед отъездом хозяева вручили ему сувенир с надписью «Аляска» и шарфик для жены. И Саныч, краснея, вспомнил, что захватил с собой в Америку под предполагаемые подарки две безразмерных сумки.

Так закончился этот визит, давший впоследствии повод Санычу и его друзьям рассуждать о различиях двух народов. Мы поговорили за столом о том, что они там работают не так, как мы, едят и пьют не так, как мы, а главное – тратятся не так, как мы. Моё мнение заключалось в том, что всё зависит не от народа, а от конкретного человека, и я, например, знаю американцев, мало того что не жадных, а напротив – гостеприимных и щедрых людей.

– Но вот то, то касается подарков заграничным друзьям, – согласился я, – то тут мы, да, впереди планеты всей. И мне хочется рассказать вам одну историю, в которую, хоть она произошла со мной, сам я до конца так и не верю.

Глава 16

Вообще-то, Саныч был прав: черта одаривать иностранцев в крови у нашего народа. Я вспоминаю, как однажды был участником международного «Каравана культуры». Основу «Каравана» составляли западные европейцы и граждане США, и ехали мы поездом из Москвы в Улан-Батор (Монголия) с остановками в крупных российских городах.

Собственно русских участников в «Караване» было немного, и каждый из нас считал свои долгом подарить что-нибудь иностранным гостям, или угостить их в ресторане. Иностранные гости принимали подарки и угощения, но практически никогда не отвечали взаимностью. Мы сочли их людьми прижимистыми. (Кстати, исключение из общей массы составляли как раз американцы – по крайней мере, одна семейная пара, с которой, будучи включённым в одну группу, я провёл немало времени. Те, даже если открывали колу, или чипсы, первым делом предлагали их мне. А может, я производил впечатление хронически недоедающего человека).

Так вот, я думаю, что дело не в прижимистости западных друзей, и вообще, не в них – дело в нас. Ибо в общении с иностранцами мы считаем себя не отдельно Петей, Машей, Димой – мы считаем себя Россией, как ни высокопарно это звучит. Подсознательно мы воспринимаем себя даже не отдель-

ным народом, а отдельной цивилизацией и не можем позволить, чтобы о нас кто-то думал плохо. А нашим западным друзьям всё равно, что о них думают. Они тоже воспринимают себя отдельной цивилизацией, но такой... что чуточку выше, чем все остальные.

Поэтому в «Караване культуры» мы делали подарки как бы от всей страны, а они принимали их как должное. Я жил с ними бок о бок целый месяц: в одном купе, в одной квартире, в одном доме – с немцами, голландцами, американцами, французами – и только укреплялся в своих умозаключениях. Конечно, любое обобщение не истинно, то есть нельзя всех грести под одну гребёнку, как говорил курьер Лёша Воронин, когда в Москве остановился посмотреть на шумную акцию протеста и получил от омоновца палкой между лопаток. Но в целом, мне кажется, подобные выводы справедливы.

В России мои западные друзья из «Каравана культуры» считали достойным посмотреть только две вещи: Красную площадь и великую русскую реку Волгу. Красную площадь в Москве они уже видели, оставалась Волга, через которую, вообще-то, маршрут «Каравана» не пролегал. Мне же хотелось показать им первозданную красоту и необъятные просторы своей страны, которые меня самого несказанно восхищали.

– Вот это да! – восклицал я, глядя в окно, когда мы проезжали Обь. – Ну, где ещё увидишь такое?

– Что это, Волга? – быстро приподнимали они головы с

полок (со мной в купе ехали немец, голландец и американец).

– Нет, это сибирская река Обь!

– А-а, – укладывались они обратно.

– Смотрите! – раскидывал я руки над неторопливо и грозно шевелящимся Енисеем. – Какая ширь, какая мощь!

– Волга? – подбегали они и отходили ещё до того, как я окончательно произносил неизвестное им название.

– А это... – начал я перед Ангарой и понял, что окончание фразы может быть только одним: – ...Это великая русская река Волга!

– О, – оживились они, щёлкая фотоаппаратами и обмениваясь впечатлениями.

После чего к окну больше не подходили: всё, что стоило здесь видеть, они уже видели.

Но, повторяюсь, не стоит всех грести под одну гребёнку. Приехав в Монголию, я оказался в другой группе – с француженкой и парой пожилых американцев. Особенно мне понравились американцы. (Я уже говорил про них? И про чипсы с колой говорил? Ну, что ж, про хороших людей можно сказать и дважды). Эти трое проявляли гораздо больший интерес к окружающему, хотя у американцев он был, скорее, профессиональным: они снимали фильм про Россию и Монголию, рассчитывая продать его потом какой-нибудь телекомпаниями.

В Монголии участники «Каравана культуры» селились в

семьях. Нам четверым повезло: мы попали в семью бывшего министра монгольского правительства. Жилищные условия, которые он нам предоставил – свою четырёхкомнатную квартиру и дачу – были весьма приличными, ибо, например, некоторые другие участники «Каравана» оказались лишены даже нормального водоснабжения.

Министерская квартира нашего хозяина напоминала квартиру обычного советского инженера, разве что имела больше комнат, да бархатные обои на стенах. А дача была куда как скромнее средних российских дач, представляя из себя маленький домик с клочком не засаженной земли. Тем не менее эта дача выделялась среди совсем уж крохотных вагончиков соседей, как и подобает выделяться загородной недвижимостью бывшего члена правительства.

Хозяин наш учился в Москве, его дочь жила в Москве, и жену, грузинку, он в своё время привёз из Москвы. Поэтому их гостеприимство были сродни российскому, к тому же помноженное на гостеприимство грузинское.

Конечно, мне запомнились мероприятия, проводимые властями для всех участников «Каравана культуры»: и посещение буддистских монастырей, и монгольские танцы в государственном театре оперы и балета, и скачки лихих наездников в степи, и показательные стрельбы монгольских лучников в национальных костюмах (зрелище, пробудившее генетический страх у русской делегации), и дегустация местного кумыса, и обед из конины, запечённой по рецепту ко-

чевников.

Но думая о Монголии, я вспоминаю и дружеские вечера у наших хозяев, когда мы всей интернациональной командой допоздна сживали за рюмочкой монгольской водки.

И ещё в одном постарался услужить хозяин своим гостям. Другие участники «Каравана» передвигались по Улан-Батору пешком. Мы же ездили на автомобиле! У нашего хозяина не было своей машины, не полагалась ему уже и машина служебная. Более того, он находился в оппозиции и даже в конфликте с действующим правительством. Но, задействовав старые связи, всё же сумел договориться насчёт чёрной «Волги» и водителя, который возил нас на дачу и обратно.

Лишь советский человек может понять, чем была «Волга» ГАЗ-24 чёрного цвета в Советском Союзе. Была она машиной номенклатурной и полагалась только руководящим работникам высокого ранга.

Подобная система существовала и в Монголии. Поэтому, когда наш хозяин объявил, что на дачу мы поедем не абы как, а на чёрной «Волге», его просто распирало от гордости!

Я оценил значимость этого события. Но американцам и француженке причина торжественной интонации хозяина оказалась непонятна. Пришлось ему, подбирая английские слова, объяснять им, что он договорился насчёт лимузина, который будет их возить. Слово «лимузин» западные гости понимали и, выражая благодарность, энергично закивали головами.

Собрав вещи для поездки на дачу, мы вышли из дома. Через несколько минут к подъезду подкатила чёрная «Волга». Это была машина не новая, даже с небольшим повреждением на крыле, но всё ещё сохранявшая приличный вид. Ни американцы, ни француженка на подъехавшую машину не отреагировали. И лишь когда хозяин распахнул заднюю дверцу, приглашая пассажиров в салон, поняли, что это и есть анонсированный лимузин.

Хохот их был искренним и продолжительным. Они поднимали вверх большой палец и похлопывали ладонью то кузов «Волги», то хозяина по плечу. Они решили, что хозяин продемонстрировал отличное чувство юмора, так здорово разыграв их и назвав лимузином раздобытую где-то колымагу. Они потом так и называли её со смехом «The Black Limousine», а нашего хозяина считали самым остроумным парнем в Монголии.

Ни я, ни хозяин не стали их разубеждать. Он только неловко засуетился и извиняющимся шёпотом стал что-то быстро говорить оскорблённому до глубины души водителю.

Глава 17

Но вернёмся к Чукотке. За столом у руководителя Анадырского авиаотряда я рассказал не эту, а другую историю. Я напомнил своим товарищам, что в Советском Союзе живых иностранцев видели в основном в столицах, а во многих других регионах, особенно в таких закрытых, как мой город, понятие «иностранец» было примерно того же порядка что «инопланетянин».

Я вспоминаю, как после пятого класса мы с учительницей приехали на экскурсию в Москву, где в районе Красной площади столкнулись с вышедшей из-за угла группой иностранных туристов. И мой друг Серёга Крылов налетел на огромного чернокожего парня. Остолбнев, Серёга глядел на неведомое ему создание. А когда оно засмеялось и похлопало Серёгу по щеке – так перепугался, что от страха начал икать.

А мы с Олей и маленькой Ксюшей однажды обедали в Москве в столовой на Мосфильмовской улице. Недалеко располагалось студенческое общежитие, и в столовой было несколько чернокожих студентов. Ксюша разглядывала их с крайним интересом. А потом спросила:

– Мама, куда это негры пошли?

– Не знаю, – пожалала плечами Оля, – может быть, покурить.

– Мама, – с укором посмотрела на неё Ксюша. – Негры... не курят!

Ровно так же она могла сказать, что не курят, например, киты.

Так я про Советский Союз и историю, в которую сам до конца не верю. Редкой возможностью пообщаться с настоящими иностранцами для нас, советских детей, была переписка с ровесниками из стран социалистического содружества. Адреса ровесников (из Польши, Венгрии, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Болгарии) частично попадали к нам из публикаций в пионерских журналах, а частично – неизвестно откуда, передаваясь друг другу по дружбе, или обмениваясь на почтовые марки, открытки, значки.

В своё время я вёл переписку сразу с пятью мальчиками из европейских соцстран. Обычно такие контакты заканчивались быстро: думаю, потому, что, учитывая масштабы нашей страны, каждому европейскому мальчику и девочке приходилось отвечать на несколько сотен писем от мальчиков и девочек из Советского Союза. Но иногда подобные переписки превращались в дружбу и продолжались по несколько месяцев и даже лет.

Кульминацией же международных контактов становился обмен не письмами, а почтовыми посылками. То и дело среди нас появлялись счастливицы, которые приносили в школу, или выносили во двор полученные из другого мира богатства: неземной красоты тетради в ярких обложках, неземных ароматов ластики и даже – предел мечтаний советского

школьника – настоящие жевательные резинки – разумеется, неземных вкусовых ощущений.

У меня тоже намечался заграничный друг, отношения с которым всё уверенней двигались в сторону обмена посылками. Это был мальчик по имени Ян Новак из чешского города Брно. Я боялся спугнуть удачу и не торопил события. А то некоторые мои ровесники, получив заветный адрес, тут же пытались взять быка за рога. Сразу писали: «Здравствуй, далёкий друг! Я твой советский друг. Давай будем с тобой дружить. Присылай мне жувачку».

Нет, я так неумно не поступал. Мы уже обменялись с Яном Новаком парой писем, и не в одном из них я не просил его выслать мне жвачку. А просто в тексте (и не в первом абзаце!) как бы между делом рассказывал, что некоторым моим знакомым заграничные друзья присылают жевательную резинку. И раз Ян переписки не прерывал и возражений не высказывал, я понимал, что наша международная дружба движется в нужном направлении.

Но вот настал момент действовать более решительно! В очередном письме я прямо предложил Яну обменяться посылками. И он согласился! Не веря своему счастью, я рассказал об этом родителям. Те переполошились: шуточное ли дело – отправить посылку иностранцу! Ведь нужно не просто заполнить коробку. Главное – чем её заполнить. На кону честь страны!

Работа закипела. Родители выделили на международное

мероприятие сумму, и на семейных советах мы горячо обсуждали, как именно её потратить. В специально выделенном ящике письменного стола начало скапливаться содержимое будущего почтового отправления.

Там появилась одна, а потом ещё одна дорогая авторучка, блокноты в кожаных переплётках, солидный брелок, новенький кляссер с марками, масштабная модель самолёта для склеивания, складная лупа, а также много чего ещё по мелочам. А ещё конфеты московской фабрики «Красный Октябрь», несколько плиток шоколада и орех кешью в шоколаде, упакованный в голубую треугольную коробку с символической надписью «Дружба».

Конфеты и орехи в магазине просто так не продавались, поэтому для их покупки пришлось задействовать некоторые связи в торговле. А чтобы орех в коробке не громыхал (это при пересылке запрещалось), его пришлось переложить календариками с переливающимися картинками.

Чем более наполнялся в столе ящик, тем менее мне хотелось расставаться с его содержимым. Если бы на меня самого свалилось такое богатство, я мог бы считать себя счастливейшим человеком в мире. Я начинал завидовать своему другу из Чехословакии. И только сознание того, как же будет счастлив он, когда откроет нашу посылку, примиряло меня с грядущей неизбежностью.

И я перечислил ещё не все вложения посылки. Ибо главной её ценностью стали не блокноты и шоколадки, а новень-

кие румынские кроссовки «Tomis», которые мама принесла с работы.

Моя мама работала бухгалтером на базе Обувьторга. В условиях дефицита и унылого однообразия продукции советских магазинов должность её являлась весьма завидной, ибо мама имела возможность покупать на базе хорошую обувь. И по этой причине знакомства с ней искали все, с кем она хоть как-то контактировала в жизни, в том числе искали знакомства некоторые мои учителя.

Мама страдала от нескончаемых просьб. Она пыталась объяснить, что не имеет прямого выхода на товар и каждый раз вынуждена обращаться к товароведам. Что руководство очень пристально смотрит за тем, чтобы сотрудники не выходили за рамки отведённого им лимита покупок. Но люди, которым мама отказывала, не хотели ей верить и обижались на неё, что, например, в случае с учителями тут же отражалось на моей успеваемости. Я удивлялся, с чего это вдруг по предмету, который я знаю весьма неплохо, учитель начинает мне ставить тройки? А родители не удивлялись и не ругали меня, и мама продолжала строго следовать своему правилу: никогда не покупать ничего расположения.

Так вот, Ян Новак удостоился того, что мама принесла ему в подарок новенькие румынские кроссовки.

В общем, мы собрали большую посылку, вложили фотографию нашей семьи, отнесли коробку на почту и отправили в Чехословакию. Об этом радостном событии я сообщил

Яну в письме, где, отбросив ложную скромность, уже открыто написал, чтобы он, когда станет собирать посылку для меня, не забыл положить туда жевательную резинку.

Ответный подарок из Чехословакии пришлось ждать около двух месяцев. Ещё на почте в моей душе зародилась тревога: полученная коробка была не в пример меньше той, которую отослали мы. Но настоящее разочарование ждало меня дома, когда я коробку вскрыл.

В той вскрытой посылке обнаружилось несколько бледных ученических тетрадей на дешёвой бумаге, несколько простых карандашей, ноты какой-то пьесы, открытка города Брно и две коробочки сладостей: печенье и конфеты-драже в сахарной глазури. Не было ни жевательной резинки, ни фотографии моего друга по переписке.

Я очень расстроился. Не то чтобы я прямо так уж хотел разных заграничных штучек, или жить не мог без жевательной резинки (в конце концов, я мог её купить и покупал, если было нужно, у спекулянтов), но слишком уж разительным выглядел контраст между тем событием, которым явились для моей семьи сбор и отправка подарков в неведомую за границу, и тем, что пришло оттуда. Разочарование – это разбившееся очарование. Как будто у меня ожидался праздник, а его отменили без объяснения причин. Как будто я протянул кому-то руку, а получил лишь сухой кивок вежливости в ответ.

Печенье оказалось невкусным, с чем согласились все, кто

его пробовал. Конфеты же ввиду их небольшого количества достались мне, но и тех я съел лишь несколько штук, ибо в день получения посылки меня свалила сильнейшая болезнь.

До сих пор помню, как я болел. Несколько дней держалась температура под сорок, тело моё терзали то жар, то холод, а душу и голову – череда кошмаров. И меня рвало, очень сильно рвало. По глупости, как только стало чуть лучше, я снова съел пару глазированных драже. Меня вывернуло опять, и вновь поднялась температура: видимо, организм не мог принимать сладкую пищу, да и болезнь не прошла, а лишь немного отступила.

После выздоровления мне был неприятен не только вкус, но даже вид заграничных конфет. И всё же спустя время я предпринял ещё одну попытку распробовать заморские сладости: «sukroví», как значилось на коробочке. Я положил конфетку в рот, но как только почувствовал вкус глазури, тут же ощутил и подступающую к горлу тошноту. Нет, похоже, болезнь и чешские конфеты навсегда слились у меня в одно неприятное ощущение.

Тем не менее я написал Яну Новаку письмо, где поблагодарил за подарки и сказал, что они мне очень понравились. Этого требовали правила вежливости. Удивительно, но на моё письмо чешский друг не ответил. Я написал ещё раз, потом, выждав время, ещё. И тут получил все свои три конверта обратно с чешскими штемпелями, текст которых был тут же от руки выведен по-русски: «Указанного адреса в г. Брно

не существует».

Я решил, что неправильно написал латинские буквы или перепутал цифры. После сверки оказалось, что буквы и цифры в порядке, и именно через указанный адрес мы вели с Яном Новаком переписку.

Так та история и осталась для меня загадкой. Тетради со временем я исписал, конфеты выбросил, открытка с видом города Брно где-то затерялась.

Позже одной из моих любимых книг стала книга чешского писателя Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Благодаря этой книге я заочно полюбил Чехию, мой слух ласкало название Чешские Будейовицы, а воображение – сцены посиделок в кабачке за кружкой Великопоповицкого пива.

Слушал я рассказы Олиного дедушки, закончившего войну в Чехословакии, за освобождение которой погибли сто сорок тысяч советских солдат, из которых одиннадцать тысяч в дни, когда война по сути уже кончилась. Захотелось мне посетить столицу Чехии Прагу – один из красивейших городов Европы, но до сих пор как-то не сложилось.

Узнал я и про трагические страницы во взаимоотношениях между нашими странами – о вводе войск в Чехословакию в 1968 году, в города Прагу и Брно. И увидев название Брно, я тотчас вспомнил своего друга по переписке из этого города: Яна Новака, мальчика с самыми неприметными именем и фамилией, каких в Чехии тысячи, если не десятки тысяч –

равносильно русскому Ваня Иванов. Или Новиков, если уж по фамилии. Вспомнил про посылку, конфеты, неожиданную болезнь. Вспомнил про несуществующий адрес моего друга. Подсчитал, что наш обмен посылками состоялся всего лет через шесть или семь после чешских событий. И в голове вдруг сложилась картина, которая привела меня, как бы это сказать... в замешательство. Да что там – в оторопь! Я долго не мог принять вывод, который напрашивался из сопоставления имевшихся фактов, но не мог и найти им другого объяснения.

– Так ты думаешь, – удивлённо спросил меня руководитель Анадырского авиаотряда Саныч, – что тебя... хотели отравить?!

Я пожал плечами.

– Так ведь ребёнок же.

– Не то чтобы лично меня. Но раз уж подвернулся.

– Ну, а что, – поразмыслив, сказал начальник военных лётчиков Палыч. – Во время чешских событий у кого-то кто-то погиб, и они решили мстить. Может, работали на почте, или имели таких знакомых.

– Дела, – покачал Саныч головой.

– Мне самому в это до сих пор не верится, – признался я. – Но тогда что это: простое совпадение? А почему адрес оказался несуществующим? Может быть, вы сможете объяснить данное обстоятельство?

Ни Саныч, ни Палыч объяснить данного обстоятельства

НЕ СМОГЛИ.

Глава 18

Как я уже сказал, на Чукотке перед нами с начальником стояло три основных задачи: проложить пути будущего автопробега, наладить связи с местными зверохозяйствами и пристроить спирт «Рояль». Чтобы было понятно про автопробег, я поясню, что транспортные средства в автопробеге планировались новаторские – с использованием воздушной подушки, а иначе по тамошним землям, разумеется, не пройти.

Для решения упомянутых задач Саньч выделил нам вертолёт МИ-8. На том же МИ-8, как это принято на Чукотке, где в зимнюю непогоду вертолёт может прилететь в населённый пункт один раз в два-три месяца, мы одновременно перевозили то запчасти для вездехода, то почту, а то и подтухшую моржати́ну.

Моржати́на – это мясо моржа, которое живущие у моря чукчи заготавливают для нужд песцовых зверохозяйств. Добытое мясо складывается не в электрических холодильниках, а в природных – то есть в вечной мерзлоте. Но летом мерзлота слегка подтаивает, и лежащее в ней мясо немного портится.

Для кого-то подпорченное мясо – спросите кулинаров – является деликатесом. Благосклонно в моржати́не «с душком» относятся и местные песцы, и местные жители. И я не

скажу, что это плохо. Просто нужна привычка, может быть, в несколько поколений. Но неподготовленному человеку вынести даже запах этого деликатеса довольно трудно, а вообще-то, невозможно: мы, например, под хохот пилотов вынуждены были убежать из салона в кабину, и долго ещё потом я не мог избавиться от стойкого аромата, пропитавшего, казалось, всю одежду.

Экипаж нашего МИ-8 состоял из трёх человек, самым интересным из которых был, конечно же, второй пилот Виктор Малкин – он представился Витя, так мы и общались. Лет тридцати пяти, большегубый, кудрявый, он любил поболтать, пошутить и производил впечатление балагура и одновременно застенчивого человека – коктейль трудносочетаемых элементов. Причиной такого впечатления являлась Витина улыбка, которая казалась даже робкой. И тем занимательней оказался контраст с характером этого человека, который кто-то посчитает строптивым.

Виктор Малкин был пилотом-асом. В качестве командира экипажа принимал участие в самых трудных лётных операциях, недостатка в которых в Заполярье не наблюдается. Но однажды во время приезда какого-то крупного начальника с Большой земли повздорил с ним: при выполнении лётного задания начальник отдал распоряжение, а Витя сделал по-другому, начальник распоряжение повторил – а Витя проигнорировал. Тогда крупный начальник решил учинить наглецу разнос, за что Витя прилюдно обругал обидчика матом,

да не в двух словах, а целую тирадой.

Разразился скандал. Вначале крупный начальник хотел услатить наглеца в самую дальнюю точку страны. Но оказалось, что дальше Чукотки отсылать, вроде, и некуда. Тогда он решил вообще уволить Витю с работы, пообещав, что по профессии тот больше не устроится. И только благодаря многочисленным прошениям коллег остался Витя в отряде, хотя и был переведён из командиров экипажа на более низкую должность.

С тех пор Виктор Малкин числился в штате Анадырьского авиаотряда вторым пилотом. Именно числился. То есть он ходил на вылеты, садился в кресло второго пилота, но к ручкам управления не прикасался: во время полётов листал журналы, или болтал на разные темы. Другие члены экипажа – командир и бортмеханик – только посмеивались: Виктора в отряде уважали и считали, что пострадал он зазря. По той же причине и непосредственное руководство смотрело на так называемую работу Малкина сквозь пальцы.

Но все знали, что есть две ситуации, в которых Виктор тут же окажет помощь командиру. Первая – если возникнет опасность для людей и машины. А вторая – если пилоты увидят мамонта.

Непосвящённому человеку это может показаться удивительным, но мамонты в жизни обитателей Чукотки столь же естественны как, например, домашние кошки. Не то чтобы мамонты там гуляли, как кошки (они вместе не гуляют

уже как минимум десять тысяч лет), но обнаружить мамонта вмёрзшим в вечную мерзлоту ситуация на Чукотских просторах вполне прозаическая. И при хорошей погоде легче всего обнаружить его можно с воздуха.

Сами по себе мамонты не слишком востребованы у местного населения: шерсть на шкурах сыплется, точно их погрызла ископаемая моль, а мамонятина – мясо сухое и невкусное. Но вот бивни. В качестве сырья для резьбы по кости бивни этого вымершего животного ценятся как на легальном, так и на чёрном рынке, и купить их охотников предостаточно. Проблема в том, что из легкодоступных мест всех мамонтов давно уже выкорчевали, а в труднодоступные места добраться, как вы понимаете, трудно. Если только у тебя нет вертолётa. У наших героев вертолёт был.

А теперь представьте ситуацию, описанную мне в мельчайших деталях всеми членами экипажа. Зоркий глаз пострадавшего, но непокорённого пилота Малкина замечает точащий из мерзлоты отличный бивень мамонта. И торчит бивень не посреди широкого чукотского поля, а на дне глубокого чукотского ущелья (на полуострове есть горы до полутора и даже до тысяча восьмисот метров). Проведя короткое совещание, экипаж решает принять дерзкий вызов природы. Сделав круг, вертолёт возвращается. Далее за дело берётся многоопытный пилот Малкин.

Машина зависает над ущельем, и из её чрева появляется трос с петлёй. Ми-8 начинает медленный спуск. Задача пи-

лота опустить вертолёт как можно ниже, чтобы бортмеханик смог набросить петлю на основание бивня и затянуть её. Далее посредством машины пилот, словно стоматолог, должен будет вырвать бивень у покоящегося в вечной анестезии монтажа.

Во время рассказа я сразу подумал, что зацепить петлёю бивень задача не из лёгких. Сам я никогда не пробовал, но видел, как один массовик-затейник, или, по-современному, аниматор, устраивал в санатории конкурс: привязывал соревнующимся верёвку так, что она свисала у них с попы между ног. И соревнующиеся, приседая, должны были попасть концом верёвки в бутылочное горлышко. Народ просто падал от хохота – очень это было уморительно. Соревнующиеся принимали самые нелепые, а подчас неприличные позы, а попасть верёвкой в бутылочное горлышко не могли.

Перед экипажем вертолёта в описываемый мне момент стоит в чём-то схожая задача. Машина крутится так и эдак, но расстояние до цели является большим и подцепить заветный бивень длинным качающимся тросом не удаётся.

И тогда пилот принимает решение опуститься в ущелье глубже. Это серьёзный риск, и не только риск задеть лопастями горы. Опасность состоит в том, что в каменном стакане машине может не хватить воздуха для полёта – тяги, необходимой для поддержания на весу столь тяжёлой техники. Но пилот надеется, что хватит. Как выясняется, зря надеется. Вертолёт опускается. И в какую-то минуту всем ста-

новится ясно, что тяги не хватает.

Машина перестаёт слушаться пилота. Машина начинает падать.

– Падаем, – шепчет бортмеханик. – Падаем! – кричит он уже во весь голос.

– Накидывай петлю! – кричит Малкин, дёргая ручки управления.

Бортмеханик тычет петлёй в бивень, не попадает, тычет снова, наконец охватывает бело-жёлтую кость и рывком тянет трос на себя. Машину трясёт, как в припадке. Пилот пытается выровнять её, но машина продолжает крениться и падать. Крениться и падать. Падать.

И когда уже кажется, что всё кончено, Малкин у самой земли ловит нисходящий поток. Вертолёт вздрагивает и выравнивается. Но пока он просто завис в неопределённости, качаясь между далёким небом и близкими зубами гор. Хватит ли у него ресурсов, чтобы выкорчевать бивень и подняться, или, напротив, привязанный стальным тросом к земле не сможет теперь вырваться из западни?

Малкин сливается с машиной, ловит её малейшее движение. Кажется, что человек и вертолёт становятся единым целым. Теперь пилоту никто не должен мешать. Двое других членов экипажа не шевелятся и, вроде бы, даже не дышат.

Когда вертолёт со стонами и подёргиваниями, как курок-крад после драки, выбирается из ущелья и попадает на свободный простор, все трое членов экипажа ещё долго молчат.

А о качающемся под брюхом машины бивне вспоминают уже перед самой посадкой.

Но вот экипаж вылетает в новый рейс, и Витя Малкин, отложив в сторону журнал, оглядывает пустынные просторы с высоты птичьего полёта: вдруг удастся заметить ещё не найденный бивень древнего животного? Двое Витиных друзей не против задержаться. И деньги для всех троих в данном случае не главное. Главное – подтвердить своё мастерство. Попробуйте-ка попасть свисающей с попы верёвкой в бутылочное горлышко!

Мы летим с Витей Малкиным и его друзьями в один из чукотских колхозов – зверохозяйство, где разводят песцов. Здесь нам предстоит выгрузить моржатины и провести переговоры по возможной оптовой закупке песцовых шкур. Не в силах перенести запаха, мы с моим начальником втиснулись в кабину пилотов. В салоне я оставил лишь сумку со спиртом, которую таскаю везде за собой, как Иванушка-дурачок дверь.

– Ты спирт чукчам местным предложи, – говорит мне бортмеханик. – Обменяй на что-нибудь.

– На песцовые шкуры? – с надеждой говорю я.

– Можно на шкуры. А можно на хрен моржовый.

– На что?! – кошусь я на бортмеханика. – В каком, то есть, смысле?

– В прямом. У моржа половой орган это кость.

– Да? Не знал. Очень интересно. Но мне-то она зачем?

– На ней, на кости, резчики вырезают разные узоры, или сюжеты чукотского эпоса.

– Возьмёшь с резьбой, – вступает в разговор командир экипажа, – продашь в Москве как изделие народного промысла. Без резьбы – как сырьё для резчиков.

– Наподобие бивня мамонта, – поддерживает коллег Витя Малкин, – правда, бивни намного ценнее.

– Бивни ценнее, – соглашаются коллеги.

– Но при отсутствии бивней и хрен сойдёт.

– Куда деваться, – соглашаются коллеги, – сойдёт и хрен.

Так я узнал про изделие местного народного промысла. Позже, заинтересовавшись вопросом, я увидел, что в Анадырских магазинах это изделие представлено в широком ассортименте. Продавалось оно даже в буфете Анадырского аэропорта, располагаясь между бутылками со спиртом «Рояль», что было весьма символично. А также, подтверждая слова чукотских пилотов, имелось и в сувенирных лавках Москвы.

Описание этого экзотического сувенира встретилось мне также в книге «Пожилые записки» известного матерщинника и автора знаменитых стихов-гариков Игоря Губермана. Готовясь к эмиграции из Советского Союза и раздумывая над тем, что можно будет вывезти с собой за границу, а что будет сочтено предметом искусства и подпадёт под запрет, Игорь задумчиво крутил в руках отполированный моржовый

хрен.

– Как ты думаешь? – спросил Губерман жену. – Мне его разрешат вывезти?

– Да ты хоть свой вывези, – сказала жена.

Ещё позже я побывал на концерте Игоря Губермана. Мой товарищ Миша купил нам с Олей билеты в подарок, купил, естественно, и себе, и мы втроём пошли на концерт. Со сцены звучало много стихов и историй с нецензурными словами, и в целом, шутки являлись удачными и не вызывали внутреннего сопротивления, хотя иногда оказывались чуть-чуть за гранью приемлемого. Но, наверное, того требовала форма общения с аудиторией – концерт, и нужно было зрителя во что бы то ни стало рассмешить.

Вообще, в искусстве – в литературе, в театре, в эстрадном и изобразительном творчестве – (да и в обычном общении) к использованию шуток «про это», или шуток с нецензурной лексикой нужно подходить осторожно, поскольку грань между смехом и пошлостью очень тонка.

Парфюмеры знают, что самые хорошие духи получают-ся на стыке ароматов и неприятных запахов: слегка не дотянул до этой границы – и в сотворённых тобой духах не будет изысканности, а значит их пользователь не раскроет для окружающих всей сложности своей натуры; увлётся и добавил лишнего дурного запаха – и вот уже натура пользователя стала окружающим предельно ясна.

Так же обстоит дело и с юмором. Немного шутку не до-

крутил – над нею не смеются: вроде бы, всё правильно, а не смешно. Всего чуть-чуть переступил дозволенное – над шуткой ржут, но она дурно пахнет, пахнет пошлостью.

Режиссёр челябинского театра «Манекен» Александр Мордасов говорил мне:

– Рассмешить публику в зале очень просто: надо выйти на сцену и снять штаны – и три четверти зрителей засмеются. Но я работаю для четвёртой четверти.

Создатели современного российского стендап-мейнстрима (вот же натаскали мы выражений в русский язык), заполонившего основные развлекательные каналы, с гордостью заявляют:

– Наша заслуга состоит в том, что мы сняли табу!

Они не понимают, что наличие табу и делает человека человеком. А отсутствие табу делает человека скотом. Но тут уж надо выбирать: либо табу – либо в табун.

Этот мой пафос не относится, конечно, к Игорю Губерману – талантливому, умному, ироничному автору: просто, раз уж заговорили.

Кстати, на концерте Губерман просил передавать ему из зала стихи на тему текущего выступления, если кто захочет таковые написать. Я написал, но почему-то не передал. Передаю сейчас.

На концерте Губермана

Мне неловко стало прямо:

Матерится, хоть убей.

Стыдно! А ещё еврей.

...Но возвращаемся к повествованию о моей поездке на Чукотку. И хорошо, что в этой книге мне нет необходимости ничего выдумывать, в том числе и шутки – а нужно просто рассказывать о происходившем.

– Где ж я найду того, кому спирт предложить? – спрашиваю я пилотов.

– Они тебя сами найдут – отвечают те.

– А вы-то, небось, тоже меняете? – хитро улыбаюсь я.

– Мы не меняем. Кодекс чести. Нельзя чукчам спирт, будут пить не останавливаясь.

– Подождите, – перестаю я улыбаться. – У меня тоже... кодекс чести. Нет так нет, сам спирт выпью. Я хоть могу остановиться. Правда, не всегда.

– Не переживай, – успокаивают меня пилоты. – Следующий рейс здесь будет ой как нескоро. Да и наверняка без гостей. Ну, выпьют раз ребята в кругу семьи. Это не повредит.

Мы приземляемся на заснеженную вертолётную площадку. Вдали видны постройки населённого пункта и зверофермы. На площадке уже собрались люди.

Возле вертолёта нас встречает председатель колхоза. Мой начальник даёт мне указание вступить в натуральный обмен с местным населением, а сам на машине председателя удаляется в правление колхоза вести переговоры по бизнесу.

С ними уезжает и командир экипажа, ему нужно оформить накладные. Я стою и наблюдаю, как чукотские колхозники быстро разгружают моржатины, а затем увозят её в сторону зверофермы.

Наконец двое местных жителей приближаются ко мне. Один с узкими глазами, черноволосый и скуластый. Другой скуластый, черноволосый и с узкими глазами. Отличаются жители друг от друга только ростом: один повыше, другой пониже. Наверное, для них мы с моим начальником тоже на одно лицо и отличаемся только толщиной: один потолще – другой потоньше. Тот, что потолще, убыл с начальством.

– Водка есть? – спрашивает меня житель, который повыше.

– Спирт, – говорю я.

– Хорошо, хорошо, – оживляется он.

И который пониже, тоже оживляется.

– Менять, давай менять, – говорит, который повыше. – Денег нет.

– Денег не надо, меняться давай, – соглашаюсь я. – Шкуры есть? Песец?

– Есть, песец есть, – расплывается в улыбке, который повыше.

– Вези.

Он вскакивает в снегоход «Буран» и, оставляя после себя белую пыль, мчит в сторону посёлка. Ко мне приближается тот, который пониже.

- Денег нет, песок нет, – говорит он мне. – Давай менять.
– Давай. Только на что менять, если у тебя ничего нет?
– Хуй есть, – говорит он мне.

Как хорошо, что лётчики меня подготовили. Но на всякий случай я уточняю:

– Моржовый?

– Моржа, моржа, – кивает, который пониже. – Хороший хуй, большой, красивый.

– Ну... вези, что ли, раз нет ничего другого.

Который пониже вскакивает на лыжи и без палок мчится в сторону посёлка. А я остаюсь ждать.

– Дела пошли? – спрашивают меня Малкин и бортмеханик.

– Вроде бы, – говорю я, пытаюсь скрыть, насколько доволен происходящим.

Всё же не зря я покупал и тащил этот долбаный спирт. Хоть заработаю немного.

На улице мороз, поэтому, чтобы не замёрзнуть, я бегаю вокруг вертолёта. В салон меня калачом не заманишь: запах от моржатины будет держаться там несколько дней. Единственное, для чего я заскакиваю в вертолёт, это чтобы вытащить на снег сумку с булькающей жидкостью.

Теперь меня беспокоит вопрос, сколько же можно взять песцовых шкур за литр спирта? Раньше, во времена освоения Севера, всё было проще: ставили на снег ружьё прикладом вниз, стволом вверх, и на всю высоту до кончика ствола

местные жители насыпали пушнину – мягкую рухлядь, как тогда говорили. Но у меня нет ружья, у меня спирт «Рояль». Сколько полагается за него песцов? Пять, десять? А может, двадцать? Этого я не знаю. Пилоты тоже пожимают плечами, говорят: «Как сторгуешься». Что ж, будем торговаться.

И вот вдалеке появляется столб снежной пыли от «Бурана». Мотосани лихо подъезжают к вертолёту, и из них выпрыгивает уже знакомый мне местный житель. В руках он держит матерчатую сумку.

Я, расстегнув сумку свою, извлекаю на свет литровую бутылку спирта «Рояль». Местный житель достаёт шкуру песца. Торг начинается. Я оглядываю предлагаемый товар и не понимаю: передо мной шкура не песца, а какого-то хомяка – да хомяки и то пушистее бывают.

– Что это? – спрашиваю я продавца.

– Песец, – говорит он.

– Какой же это песец?

– Хороший песец.

Продавец встряхивает шкуру и подносит ко мне поближе, показывая товар лицом. Но от приближения мех лучше не становится.

– Я что, по-твоему, песцов не видел?

– Хороший песец, – упрямо повторяет продавец.

К нам подходят пилоты.

– Он тебе дикого песца принёс, тундрового, – говорит бортмеханик. – На охоте, наверно, поймал, капкан ставил.

– На охота ходил, – подтверждает чукотский продавец. – Сам ходил.

– Зачем мне дикого, – говорю я, – ты мне разводимого давай, со зверофермы: пушистого, большого.

– С ферма нельзя, – говорит продавец. – Там колхозный.

– Ну и что, что колхозный.

– Нельзя.

– Во всей стране можно, а у вас нельзя.

– С ферма нельзя, – повторяет тот.

Я в растерянности. Но, может, это одна такая шкурка невзрачная, может, другие лучше?

– А другие покажи, – прошу я.

Чукотский продавец, не понимая, смотрит на меня.

– Другие шкурки, в сумке, – показываю я.

– В сумка нет, – для подтверждения он трясёт пустой сумкой. – Вот песец.

Так это ещё и единственный?!

– И ты за этого суслика хочешь литр спирта? – в возмущении я оглядываюсь на пилотов.

Те разводят руками.

– Можно половина бутылка, – сразу соглашается продавец.

– Половина? Как ты себе это представляешь?

Он тут же достаёт из-за пазухи фляжку.

– Можно не половина, можно меньше, – беспокойно говорит он. – Хороший песец.

«Вот так бизнес. Вот так поправил материальное положение», – с горечью думаю я.

Пока я размышляю, что же делать, от посёлка снова слышится шум двигателя, и к нам подлетает председательский «УАЗик». Из него выскакивают мой начальник и командир экипажа вертолёта.

– В машину! – машет нам командир. – Быстро улетаем.

– Как улетаем, почему? – недоумеваю я.

– Срочную сводку передали, – на ходу говорит командир. – Буран идёт. Минут через пятнадцать здесь будет. Не улетим – на месяц, а может, и на два в этом посёлке останемся. Давай быстрее в машину.

Пилоты уже занимают места в кабине и включают двигатели. Возле нас с чукотским продавцом стоит лишь мой начальник, пытаюсь понять, о чём разговор? Продавец переводит тревожный взгляд с вертолёта на меня.

– Хороший песец, – говорит он. – Сам ходил.

– Мужики, в машину! – кричат нам из кабины.

– Держи, – протягиваю я продавцу литровую бутылку.

Он суетливо принимает спирт, но не знает, нужно ли отливать? Я поднимаю с земли булькающую сумку и иду к вертолёту. Мой начальник, забрав у чукотского продавца песцовую шкуру, направляется следом.

Мы поднимаемся на борт.

– Секунду! – кричу я пилотам и спрыгиваю обратно.

Подбежав к продавцу, я сую ему ещё одну бутылку «Роя-

ля»:

– Передай этому, который с хуем.

Лопасты вертолётa разгоняют вокруг себя облака снега. Мы взлетаем и сверху видим, как к вертолётной площадке на всех парах несётся второй колхозник. В руке он держит хрен – мой хрен, большой и красивый, как и обещал.

Вот так мы с начальником остались без моржового хрена. Вернее, с хреном моржовым. Что можно сказать и обо все чукотской экспедиции. Оптового бизнеса на мехах не получилось – слишком дорого было везти их к нам. Автопробег не состоялся – техника оказалась слаба для подобных переходов. Песцовую шкуру мой начальник обещал продать и деньги поделить. Продал или нет, я не знаю. Но денег не поделил.

Глава 19

Здравствуйте, дорогие Григорьевы!

От истории про Чукотку я опять переношусь в город Сбоков.

...Однажды, когда у нас гостила Олина сестра Галя, они пошли погулять с маленькой, едва только начавшей говорить Ксюшей. Дело было зимой, и сёстры решили покатать Ксюшу на санках с горки. Одна встала вверху, другая внизу, и та, что вверху, толкнула санки вниз. Санки разогнались, подлетели на бугорке и, потеряв равновесие, упали на землю, перевернувшись несколько раз вместе с Ксюшей. Сёстры в ужасе кинулись к ребёнку.

– Ксюша, Ксюша! – начали они тормозить её. – Как ты? Не ушиблась?

Ксюша открыла глаза и, осмотрев маму с тётей, произнесла:

– Апат.

Ей понравилось и хотелось опять.

Так что от истории про Чукотку я «апат» переношусь в город Сбоков, к рассказу об угольщике Парамонове.

Заработав в трудах праведных первоначальный капитал, решил угольщик Парамонов стать фабрикантом-капиталистом и приобрёл по случаю предприятие: «Завод химических продуктов», именуемый в просторечье Химпрод.

К этому заводу мы, наш район, имеем самое прямое отношение: он находится в пределах нашей, не то чтобы досягаемости, а... донюхняемости, что ли. Короче, он находится недалеко от нас и время от времени пахнет, неприятно пахнет. Я бы даже сказал – воняет! Чего-то они там на заводе периодически в «атмосфэру» выбрасывают. Причём запах такой, что люди непривычные начинают смущённо осматривать свои подошвы. (По этому попеременному задиранию ног и испуганному выражению лица мы всегда видим чужака в нашем районе).

Я помню, народ в своё время возмущался, письма разные писал, утверждая, что после каждого такого выброса чувствует себя плохо. Но я бы этого утверждать не стал, насчёт плохо, то есть. Скорее, наоборот. У меня под окнами находится школа, наша районная общеобразовательная школа, в которую ходит большинство местных детей. Так эту школу уже неоднократно по разным российским телеканалам показывали: в ней учится какое-то невероятное количество близнецов! Учителя, не зная как их отличить, просто сходят с ума!

Я заходил недавно по делам к директору школы, мы с ним знакомы ещё со времён МЖК, и он мне показывал фотографии своих близнецов, которыми очень гордится и лично представляет на всех уровнях и телеканалах. Я рассматривал фотографии и понимал учителей: голова у меня шла кругом. Особенно от снимков, где близнецы шутки ради выстраива-

лись перед зеркалом.

«Но всё же, – сквозь пелену головокружения думал я, – если решить проблему с учителями – отправлять их каждый год в нервные санатории, например, – то что же в обилии близнецов плохого? Напротив, женщинам дважды рожать не надо, мужчинам путаться в датах рождения детей, а про самих близнецов и говорить нечего: при правильном подходе взаимная схожесть даст им в жизни немалые преимущества».

Со мной в армии служили близнецы, Аслан и Хасан. Хасан был «на гражданке» фельдшером, и потому ефрейтор-санинструктор взял его к себе в медпункт помощником. Санинструктору было хорошо – помощник выполнял за него всю черновую работу: резал гнойные раны, бр-р, обрабатывал их, бинтовал... Хасану тоже было хорошо: он жил и питался отдельно, на построения и в наряды не ходил, а зачастую не ездил и на объекты. Так что должность получалась бластная.

И близнецы, как это у них водится, имея одну бластную должность на двоих, тут же начали использовать её во благо обоих. Время от времени Хасан вместо брата поднимался в роту, а Аслан надевал белый халат и отправлялся в медпункт. Аслан понятия не имел о вскрытии гнойных ран, более того, как все нормальные люди этого боялся. Но, как известно, резать не шить. Нам Аслан признавался, что, приступая к операции, закрывал глаза, вонзал куда-то перед собой

скальпель и полосовал там направо и налево. Затем обильно поливал всё из приготовленного братом пузырька, снимал со стены орущего благим матом пациента и, сунув ему в карман побольше бинта на самостоятельную перевязку, отправлял с Богом, точнее, с Аллахом, до дому, в казарму.

Эти операции были единственным, что мешало отдыху Аслана. Всё остальное время он наслаждался. А когда возвращался в роту даже приносил нам иногда – мы с ним были хорошими товарищами – немного спирта.

Вот и получается, что иметь близнецов для всех благо.

Но раз насчёт Химпрода народ жалобы писал, власти должны были отреагировать: они создали под своим руководством комиссию, и та вынесла вердикт: «Вреда нет. Завод не пахнет».

У Зощенко есть рассказ, артист Филиппенко читает, как у одного мужика печь чадила, и он пригласил по этому поводу комиссию из домоуправления. Стоят члены комиссии, из-за чада еле на ногах держатся, к форточке припали и от мужика отбрыкиваются: «Не пахнет, н-не пахнет!»

А у нас пахнет! Хоть и с благоприятным, как мы видели, результатом, но пахнет! Правда, врать не будем, в последние годы не так часто. Ибо завод делят, из рук в руки перетаскивают. И я вам скажу, там есть что делить. Одно производство этилового спирта чего стоит! И когда завод делят, он не работает, а значит, и не воняет. А как завонял, мы знаем – новый собственник на предприятии утвердился, надо нос

зажимать. Поэтому когда угольщик Парамонов на завод сел, мы почувствовали это первыми.

И знаете, у кого Парамонов Химпрод-то отнял? Ой, что вы со мной делаете?! Не собирался рассказывать. Но как его обойти, мецената Зубина? Никак невозможно обойти. Слушайте про мецената.

Меценат Зубин стал широко известен в городе в те первогреховные времена, которые принято называть перестроечными. Тогда, в эпоху повального ещё дефицита, но уже некоторых рыночных отношений, несколько предприятий области решили создать совместную фирму и продавать через неё свою дефицитную продукцию. (Напомните мне, чтобы я рассказал потом про дефицит). Это была прекрасная идея, своевременная и чертовски выгодная. А руководить фирмой они поставили некого Зубина, ставшего вскоре широко известным в городе человеком.

Известен же он стал, как вы поняли, в качестве мецената. Его так и называли: «Известный меценат Зубин». Короче, Зубин был не жмот и, бывало, давал деньги на разные культурные мероприятия. Правда, злопыхатели говорили, чего, мол, ему жмотиться, если деньги-то не его, а предприятий? Но факт остаётся фактом: пусть даже не свои, а давал. А раз давал, значит, было из чего. И поэтому все удивились, когда выяснилось, что денег у фирмы мецената Зубина нет, куда-то они испарились, а остались у фирмы исключительно долги.

– Как же так? – спрашивали друг друга предприя-

тия-учредители. – Мы продукцию отгружали? Отгружали. Продукция продавалась? Продавалась. Значит, должны быть деньги.

Начинают искать – денег нет.

А между тем оказалось, что фирма мецената Зубина осталась должна и весьма серьёзным людям, которые и не таких Зубиных за разные места брали. Меценату дали это понять. Меценат понял, и нетронутые пока места его зачесались.

И тут очень кстати вновь оживилась тема Кудыково. У деревни Кудыково Сбоковской области расположен крупнейший склад химического оружия. Лежит это оружие в Кудыково долгие годы, разрушается, людей и природу травит. А что делать? Технологий стоящих нет, денег на утилизацию нет. Местные жители с детьми сопливыми плачут, экологи шумят, общественность нервничает: возможна экологическая катастрофа. И ситуация тупиковая.

– Определение данной ситуации в качестве тупиковой представляется нам не совсем корректной, – раздался откуда-то голос.

– Что такое, что за писк? Откуда он, в упор не видим.

– Это он от нас.

– От кого, от нас?

– От учёных.

– От учёных? А-а, теперь видим. Ишь, какие маленькие.

Чего надо-то?

– Мы с коллегами в рамках обсуждаемой проблемы хо-

тели бы представить некоторые проекты, разработанные нашими научными коллективами.

– Проекты? Коллективами? Ну, давай, представляй, только быстро.

– Суть проведённых нами исследований сводится к тому, что двухстадийная технология уничтожения химических отходов, которая в настоящее время с точки зрения теории считается приоритетной и планируется ко внедрению на Кудыковском хранилище, на наш взгляд, напротив, весьма несовершенна и рискованна. Гораздо более перспективной и безопасной видится разработанная группой наших учёных технология по управляемой деструкции токсичных жидкостей, которая заключается...

– Стоп, стоп, дальше не надо. Вы то же самое сможете повторить ещё раз?

– В каком смысле?

– Ну, про конструкции.

– Про деструкцию?

– Вот именно.

– Безусловно. Видите ли в чём дело, данная технология...

– Не надо! Сможете и хорошо. На днях премьер-министр приезжает, вы ему то же самое скажете. Только смотрите, не переусердствуйте, он человек впечатлительный. А сразу за этим можно что-нибудь на баяне, ему нравится. Вы на баяне-то играете? Нет? Ну ничего не умеют! Ладно, баян мы берём на себя. Деньги выпрашивать – это вам не про конструк-

ции рассуждать!

– Финансовое обеспечение проекта представляется нам чрезвычайно важным, – заволновались учёные, услышав про деньги. – Имея в своём распоряжении необходимые средства, мы сможем провести подготовку к реализации проекта в кратчайшие сроки.

– Ладно, ладно, расшумелись. Ступайте. Понадобитесь – позовём.

И действительно, премьер-министр в Сбоков приезжал. А потом вызвал к себе в Москву руководителя научного проекта, а также губернатора Сбоковской области.

– Убедили, – сказал им премьер-министр в окружении московских светил, – дадим вам денег. Академики считают, что это интересно. Только вы с началом работ не тяните, опасно: говорят, и вправду, возможна экологическая катастрофа.

И подписал распоряжение.

Говорят, узнав о том, что финансирование проекта открыто, учёные впали в эйфорию, несколько даже неподобающую их серьёзному статусу. Они обнимали друг друга, хихикали и выкидывали коленца прямо посреди научных лабораторий.

И пришли в Сбоковскую область первые деньги из Москвы, двести тысяч долларов на покупку импортного оборудования. И пришли они на валютный счёт департамента по внешнеэкономическим связям областной администрации. А

возглавляет этот департамент кто? А возглавляет этот департамент жена нашего мецената Зубина.

А теперь рассудите, должна жена помогать своему мужу или не должна? Нет, подождите, не торопитесь. Ответьте, на чём должны строиться отношения в семье? А я вам скажу. На любви, или хотя бы приязни друг к другу – это раз. На взаимопонимании, а следовательно, терпении – это два. И на взаимной помощи – на взаимной помощи, господа! – это три. Вот я уверен: если бы у моей жены было двести тысяч долларов, она не раздумывая отдала бы их мне. То же самое сделала и жена мецената Зубина: взяла и отдала деньги вместо сопливых кудыковских детей зубинским кредиторам. Выполнила, можно сказать, супружеский долг.

А вы говорите, ушли времена декабристок, говорите, нет беззаветно преданных жён. Да вот они, жёны-то! И думаете, ей это легко далось? Нет, не легко. Она ведь представляла, какими словами ругаются сейчас учёные! Она, возможно, даже жалела их, малохольных, вынужденных по её вине сквернословить так, как они от себя не ожидали. И кроме того, она рисковала. На неё же недавно завели-таки уголовное дело: слишком уж вопиющим показался некоторым этот случай! Но завели, слава богу, аккуратно перед амнистией. Дело закрыли, а бывшую подследственную даже оставили на прежнем месте работы и в прежней должности. Нет, что ни говорите, красивая, романтическая история!

Вы, кстати, не видели тут по телевизору сюжет? Одна на-

ша девушка, библиотекарь из Ленинки, такая незаметная, «серая мышка», библиотекарьша, встретила в Москве иностранца, полюбила его и вышла замуж. Ну и, понятное дело, уехала. Он её тоже очень любил, но вынужден был много работать. А работа у него была хоть и интересная, но трудная: он грабил банки. И такой это был дерзкий талантливый грабитель, что за ним гонялась полиция разных стран и не могла поймать.

Но раз полицейским всё-таки повезло, в Австралии – его поймали. И посадили на достаточное количество лет. Влюблённым же этот срок показался невообразимо долгим, гораздо большим, чем они готовы были ждать. И тогда «серая мышка» наняла вертолёт, во время прогулки заключённых влетела на территорию тюрьмы и похитила своего возлюбленного на глазах у изумлённых охранников!

Каково?! Кто бы мог подумать, что такое бывает в жизни? Просто оживший вымысел, роман, боевик про супергероев! С единственным отличием от боевика: супергероев поймали. Российская съёмочная группа летала в Австралию, брала интервью у бывшей библиотекарьши, а ныне австралийской заключённой, и та сказала им, что ни о чём не жалеет, и если бы всё вернулось назад – поступила бы точно так же. Вот женщины в русских селеньях, сиречь библиотеках! И что из того, что ей не удалось вытащить своего мужа из тюрьмы?

Как, впрочем, не удалось этого сделать и жене мецената Зубина. Ему тоже пришлось, как сейчас принято говорить,

«присесть». Похоже, на всех серьёзных людей кудыковских долларов не хватило. А ведь его предупреждали!

Правда, освободился меценат Зубин очень быстро и тут же занялся новым бизнесом: открыл нефтебазу и заправки в хороших местах, и все удивлялись, откуда у него на это столько денег? А что до пожертвований, то, хотя Зубин в них более замечен не был, мы по привычке продолжим называть его меценатом.

Здесь, чтобы вы могли немного отдохнуть от меня и нашей весёлой компании, я прервусь, но, предупреждаю сразу, ненадолго.

Эдуард Сребницкий и Ко.

Глава 20

Здравствуйте, Гена и Таня!

Как и обещал, вернулся я довольно быстро. А раз вернулся, то позволю себе напомнить вам о том, что в те годы мы с партнёром тоже понемногу торговали топливом: углём, бензином и соляркой. И давно с интересом поглядывали на крупные фирмы, которые занимались продажей леса. Дело в том, что эти фирмы не только отправляли лес по России и за границу на десятки миллионов долларов (край-то у нас лесной!), но и на огромные суммы закупали топливо для леспромхозов. В одну из таких организаций устроился наш знакомый. Это была удача, ла-ла-ла, ла-ла-ла.

– Слушай, – подъехали мы к нему. – Давай делать бизнес. Ла-ла-ла. Надо чтоб твоя фирма брала у нас солярку. Оп-оп-оп. Ты узнай.

– Узнаю, – согласился знакомый.

Через несколько дней мы нашли его.

– Они берут солярку у Зубина.

– Оп-ла-ла, оп-ла-ла. Это у которого Зубина?

– У того самого, мецената.

– А ещё у кого?

– Больше ни у кого.

– Ни у кого? Странно. Ла-ла-оп, ла-ла-оп.

Мы поняли, что надо обходить мецената Зубина. И через

своего знакомого сделали этой фирме очень выгодное предложение, от которого, по нашему разумению, они не могли отказаться. Но они отказались. Тогда мы подумали-подумали и сделали сверхвыгодное предложение, от которого, не то что они – мы сами отказаться бы не смогли. А они смогли. Мы не отчаивались. Мы делали им предложения каждый месяц: один, другой, третий. Наш знакомый давно махнул на это рукой, и мы названивали сами.

Но сколько бы мы ни звонили, какие бы условия ни предлагали, какими бы ценами ни завлекали, никто у нас ничего не покупал. Незримо над этой конторой, а также над доброй частью бескрайнего сбоковского леса возвышалась, обхватив верхушки деревьев, исполинская фигура мецената Зубина. Между ногами Зубина сновали туда-сюда бензовозы и железнодорожные цистерны, доверху наполненные соляркой, из карманов его торчали и изредка падали на землю различного достоинства купюры, которые с благодарностью подхватывали копошащиеся внизу люди, а меценат Зубин смотрел на нас с партнёром, показывал пальцем и хохотал, хохотал раскатисто и страшно, и от этого смеха некуда было деться... А впрочем, может, мне это уже приснилось. Как-то всё не очень реально: исполинская фигура, падающие купюры...

Хотя... (Верка Сердючка в мюзикле «Вечера на хуторе» говорила: «Предупреждаю: руками нэчого нэ мацать»). И, поправляя грудь, добавляла: «Хотя...»). Выхожу я недавно из

здания и вижу идущего навстречу мужика, который ладонями сверху и снизу держит кучу, иначе не назову, тысячных купюр. Понял? И тут дунул ветер. Часть бумажек, фр-р-р, полетела: на тротуар, под стоящие вокруг машины. Мужик ничего сделать не может, руки-то заняты! Хорошо, что рядом учащиеся «бизнес-инкубатора» стояли, кинулись деньги собирать и мужику их обратно в кучу засовывать. Мужик: «Спасибо, спасибо», и в дверь. А учащиеся достают из карманов добытые тысячные и начинают радостно обсуждать, на что их потратят. Вот что значит «бизнес-школа»! Вот молодое бизнес-племя!

Я и сам как бизнесмен со стажем (А в чём суть бизнеса? Меньше затратить и больше получить, то есть в идеале – хапнуть на халяву) тут же под свою машину нырнул, думал, может, к колесу что прилипло? Не прилипло. Смотрю, и все окружающие под машинами лезят. Так что, случается, купюры летают. Это я как свидетель могу утверждать.

А вот чего я не могу утверждать, так это того, что у торговельной верности торговцев лесом к меценату Зубину (Пенелопа по сравнению с той верностью просто разгульная девица) есть корыстный интерес. Я в это не верю. Некоторые, конечно, тычут – да вот же он интерес: если торговцы не будут брать у мецената солярку, то не получают разрешения на вывоз леса за границу, поскольку на выдаче разрешений сидит она – любящая Зубина жена Зубина. Но я таким говорю: «Перестаньте! Ну, сидит она на разрешениях и сидит.

Неужели, если ваша жена на чём-то посидит, у вас все солярку кинутся покупать? Да если бы это было так, моя жена всю жизнь сидела бы не вставала, уж мы бы как-нибудь потерпели. Нет, – говорю я им, – здесь что-то другое, непонятное и красивое, как их красивая любовь!»

Но то что меценат Зубин сел на Химпродзавод – это да, с этим спорить не приходится: такой запах по округе пошёл, что мы подумали, всё, кто-то сел основательно. Ан нет, угольщик Парамонов завод-то у Зубина и отнял, даже запах, нам показалось, изменился: не то чтобы в лучшую сторону, а всё ж-таки несколько другой.

Меценат Зубин, конечно, вначале возражал против отъёма у него завода. И тогда к делу подключились милицейские следователи угольщика Парамонова (следователи в те времена входили в структуру Министерства внутренних дел). А почему «милицейские следователи угольщика Парамонова», потому что наш губернатор, теперь уже бывший, Силыч Мироненков, неоднократно обвинял Парамонова в преступных связях... с милицией. Утверждал, что угольщик вместе с начальником УВД Потаповым готовил на него, законного губернатора Силыча Мироненкова, покушение. Но это другая, не менее интересная история, как и всё, связанное с губернатором Силычем.

В общем, к делу подключились следователи угольщика Парамонова. А они, если надо, «любого за жопу возьмут». Это я процитировал, если позволите, следователя из на-

логовой полиции. Однажды налоговая полиция трясла предприятие, на которое мы поставляли сырьё, и в рамках этого дела меня вызвали в качестве свидетеля. Мой следователь был «хороший»: вежливый и спокойный. Записывал показания, благодарил за предоставленные накладные (как будто я мог их не предоставить). Но тут зашёл его коллега, сосед по кабинету, и с ходу грубо мне заявил:

– Ну что, написал чистосердечное признание?

Мне хотелось с достоинством спросить:

– На каком основании вы мне тыкаете?!

Но вместо этого я скромно сказал:

– А мне не в чем признаваться.

– Не говори так, – скривился коллега. – Всем есть в чём признаваться. Мы, если надо, любого за жопу возьмём.

Но, я думаю, он преувеличивал. Как-то раз мы давали показания ещё одному следователю, из районного центра. Они там у себя копали под местного воротилу, бывшего прапорщика.

– Всё, – сказал районный следователь, – теперь у меня на него столько материала, лет на десять посадить хватит. Теперь я его точно за жопу возьму. (Служебное выражение это у сыщиков, что ли? Может, они и в отчётах у себя пишут: «За истекший квартал взято за жопу столько-то человек»?)

Но оказалось впоследствии, что материала хватало, а возможностей – нет, оставили прапорщика в покое. Видимо, у него была такая..., что её обычными руками и не ухватишь.

У них, у прапорщиков, ого-го!

Короче, взять можно не любого, а лишь того, кого можно взять. Мецената Зубина, похоже, было можно. Следователи покопались и нашли против него всё, что им было нужно. Видя такое дело, меценат Зубин упорствовать не стал и, не тая более зла, передал бизнес угольщику Парамонову, обещая заглядывать на ставшее родным предприятие.

Газеты же высказали предположение, что за этой борьбой стояли не просто угольщик с меценатом, а скрытые от глаз большие люди. Может, оно и так, кто их разберёт? Меня по большому счёту это не очень-то заботит. Хотя, наверное, зря, потому что жизнь показывает: все они находятся в пределах нашей донюхняемости.

Эдуард Сребницкий.

Глава 21

Здравствуйте, дорогие Григорьевы!

Недавно мне прислали фотографии из архива выпускников нашего университета. На одной из них я иду в колонне демонстрантов в поддержку перестройки. Прямо надо мной транспарант «Энергию перестройки – делу социализма!» Как вы помните, нас тогда всем универом отправили на эту демонстрацию. Если бы фотографию можно было расширить, наверняка мы увидели бы и вас.

Но зато мы можем расширить границы наших воспоминаний, не так ли? Сильно расширять не будем, а ограничимся лишь темой дефицита, которую я обещал затронуть в одном из предыдущих писем.

Вообще, сколько я себя помню, столько же помню и дефицит, то есть «недостаток отдельных товаров и услуг, которые покупатели не могут приобрести, несмотря на наличие денег» – так толкует слово «дефицит» словарь. Дефицит был неотъемлемой частью советского образа жизни, но в перестройку недостаток отдельных товаров и услуг приобрёл такие масштабы, что уже непонятно было, чего же остался достаток?

Интересно, что спустя месяц после демонстрации в поддержку перестройки в Свердловске (нынешнем Екатеринбурге) состоялась ещё одна демонстрация, которая прошла

по тому же самому маршруту. Мы сидели на лекции, как вдруг услышали нарастающий с улицы гул. Все кинулись к окнам. По проспекту Ленина к Площади 1905 года двигалась многотысячная толпа разгневанных людей. Стояла зима, окна были закрыты, но до нас явственно доносились крики с требованием обеспечить население города продуктами питания.

К тому времени полуторамиллионный город испытывал острейшую нехватку продуктов. Люди простаивали в многочасовых очередях, чтобы купить хоть что-то из еды. Ситуацию усугублял приближающийся Новый год и отсутствие в магазинах алкоголя. Я, например, простоял шесть часов в винный магазин, ожидая обещанный завоз шампанского, но так и не смог ничего купить.

И вот терпение людей лопнуло. Разъярённая толпа двигалась к центральной площади Свердловска, вбирая в себя потоки со всех попутных улочек и улиц. Надо ли говорить, что и студенческий поток, оставив лекции на попечение преподавателей, тут же влился в общую массу.

Чем ближе к Площади 1905 года приближалась колонна, тем громче становились крики демонстрантов, тем слаженней звучали тут же рождаемые лозунги. Люди требовали уже не только продуктов, но и отставки областного партийного руководства во главе с первым секретарём Юрием Петровым и уж совсем радикальное – прекращения власти коммунистической партии!

Когда толпа достигла площади, демонстранты отняли у милиции грузовик с громкоговорителем, и митинг окончательно перерос в политический. Дополнительное возмущение людей вызвал тот факт, что прямо в те минуты, когда проходила акция, магазины начали наполняться продуктами. Значит, продукты всё-таки были?!

Ораторы у микрофона сменяли один другого, выражая возмущение и выдвигая требования. Неожиданно для себя и я оказался возле громкоговорителя и, получив микрофон, тоже возмутился и чего-то потребовал, а вокруг, насколько хватало глаз, стояли люди, слушали меня и сурово кивали в знак одобрения.

Едва я спустился с машины, как меня кто-то обнял за плечи. Это был секретарь студенческой партийной организации нашего факультета и одновременно мой товарищ Толик Феоктистов – тот, с которым мы ездили в «колхоз» и с которым вплоть до моей женитьбы жили в общежитии в одной комнате.

– А я тебя стою слушаю, – сказал Толик ласково. – Ты уже всё? Тогда пойдём отсюда.

Он повёл меня с площади.

– Зачем тебе это надо, Эдичек? – уговаривал меня, как больного, Толик. – Пусть они кричат, эти горлопаны. Ишь! – начал грозить он в сторону толпы. – Голос на партию подняли. Подождите, вы ещё все на Лубянке будете корчиться!

Мы двигались в сторону остановки общественного транспорта.

– В магазинах всего полно, – продолжал Толик. – Некогда митинговать, надо к Новому году закупаться.

– Не может быть, всего полно, – не поверил я.

– Да, Эдичек, да, – уверял Толик. – Зайди посмотри. Партия обо всех позаботилась.

Конечно, Толик дурачился. Но насчёт магазинов говорил абсолютную правду. Такого изобилия на свердловских прилавках я никогда раньше не видел! Как по мановению волшебной палочки на них появились продукты. Да не только простые, а и деликатесные! А уж алкоголя – разного, и кто сколько хочет. Я на всякий случай взял побольше, и деликатесов купил к праздничному столу, и разного другого про запас.

И оказалось, правильно сделал: с началом нового года продукты из широкой торговли вновь постепенно исчезли – заботы партии хватило ненадолго.

Была введена талонная система на мясо, масло, сахар. Но она не спасала. Например, мы с Олей, хоть и имели талоны – не могли отоварить их на протяжении нескольких месяцев!

Как мы решали проблему питания? Ну, во-первых, я ходил добытчиком в «Универсам №1», ставший позже универсамом «Мария» – там периодически выбрасывали что-нибудь в свободную продажу. Выбрасывали в прямом смысле: из-за перегородок работники универсама кидали в контейнеры колбасу, рыбу, сыр, а люди – такие же добытчики, как я – всё это хватали. Однажды от какой-то добытчицы я по-

лучил столь сильный удар локтем, что две недели с трудом дышал.

Во-вторых, овощи и хлеб всё же можно было купить, а значит, и питаться – спросите тех, кто соблюдает посты. Вы, кстати, Гена, соблюдаете? А, только первые и последние дни? Тоже неплохо.

А в-третьих, устроившись журналистом в газету «Право», я удостоился привилегии отовариваться в продуктовом распределителе УВД (Управления внутренних дел). Поспособствовал этому наш главный редактор, бывший милицейский полковник. Власть всегда подкармливает тех, на кого опирается. На меня она, конечно, опираться не могла, но по стечению обстоятельств и мне стали перепадать ежемесячные продуктовые пайки, положенные офицерам милиции.

Все вышеперечисленные источники давали нам с Олей возможность выжить в условиях тотального дефицита перестроечных времён. Но не все ведь были прикреплены к милицейскому распределителю, и не все ходили добытчиками в «Универсам №1». В столовой на Фрунзе я видел как-то ветерана с медалями, который упрашивал заведующую продать ему мяска к празднику. Заведующая отказывала, и ветеран, не зная как ей понравиться, предлагал за кусочек мяса сплясать и, действительно, начал притопывать и похлопывать себя по бокам. Я побыстрее вышел на улицу, а потому не знаю, чем кончилось дело.

Надо сказать, что подобная нехватка продуктов имела ме-

сто только в России, а в других республиках Советского Союза жить можно было вполне. Когда по заданию редакции я приехал в Нагорный Карабах, то больше всего меня удивило, что в условиях войны там свободно продавались и мясо, и сыр, и колбасы, и даже сгущённое молоко! И я всерьёз думал о том, как бы протащить барашка до Баку, а затем запихнуть его в самолёт до Свердловска? Не придумал. Пришлось ограничиться колбасой и фруктами.

Но не только колбаса, фрукты и повышенный гонорар за статью стали результатом моей командировки. Та поездка обогатила меня мыслью о миротворческой роли торговли! Ибо я убедился на собственном опыте, что торговля – это подчас единственное объединяющее начало для непримиримых противников.

Я находился в Нагорном Карабахе с подразделением внутренних войск из Свердловска. Мы стояли на границе враждующих сторон (армянской и азербайджанской) с задачей препятствовать их прямым столкновениям. Офицеры были опытные, прошедшие не одну горячую точку, мы вместе жили, общались, пили прекрасный карабахский коньяк и со многими подружились.

Их доверие ко мне дошло до такой степени, что однажды, когда все офицеры были на выполнении задач, меня попросили возглавить небольшую колонну, идущую в город Физули. Я не возражал, ибо в армии возглавлял подобные группы не единожды, а тут тем более в каждой машине ехал сержант.

Мне выдали экипировку – каску и бронежилет. Автомат не выдали, но показали, где можно в случае чего взять.

Задача была несложной: добраться до азербайджанского города Физули и передать бойцов находящемуся там капитану. Прибыли мы без происшествий.

– К машинам! – подал я команду.

И пока бойцы выгружались, подошёл и капитан. Дальнейшую заботу о колонне я передал ему. Тут же стояли и местные жители.

– Служба? – спросил меня один из них, заводя разговор.

Это был азербайджанец лет тридцати пяти с аккуратными усиками и широкий в талии, что в здешних краях является признаком солидности.

– Нет, я из газеты.

– Из газеты, – осклабился мой собеседник, демонстрируя, что оценил шутку. – Тут вчера тоже приезжали солдаты, дальше поехали. Вы тоже дальше?

– Не знаю, – чистосердечно признался я.

Собеседник закивал головой, показывая, что понимает – военная тайна.

– Жарко сегодня, – сказал он.

– Жарко, – кивнул я.

– В бронежилете и в каске совсем жарко.

Я вспомнил, что до сих пор нахожусь в каске и снял её.

– А что делать, – продолжал собеседник. – Армяне могут стрелять.

Я неопределённо пожал плечами.

– Сразу стреляют! – горячо сказал собеседник. – Даже не спрашивают. Они что тут с азербайджанцами делают!

И далее последовали рассказы о таких армянских злодеяниях, от которых у неопытного человека волосы встанут дыбом. Первое время, ещё не зная местных особенностей, подобные рассказы, звучащие то с одной, то с другой стороны, повергали меня в ужас, пока я не понял, что сгущать краски и щедро кидать их на рисуемую картину свойственно восточному темпераменту. Злодеяния, конечно, присутствуют, особенно во время межнациональных войн, но для объективной оценки ситуации степень жестокости лучше сразу уменьшить вполтину.

Между тем мой собеседник продолжал живописать ужасы, творимые армянскими извергами. Ему согласно кивали другие мужчины, уже собравшиеся вокруг нас.

– Вы знаете армян? – уже почти кричал мой собеседник. – Это не люди! Да? Вы знаете их?

– По Свердловску знаю, – осторожно произнёс я. – Строительные бригады, обувные мастерские. В торговле много армян.

И тут мой собеседник перестал поносить противника и гневно воззрился на меня.

– А, – сказал он. – Торговля, что плохого?

– Я не говорю, плохого, – удивился я. – Говорю: армяне много занимаются торговлей.

– Пусть занимаются! – рассерженно продолжал мой собеседник. – Торговля, что плохого?

– Да ничего плохого.

Но меня не слушали. Мой собеседник говорил что-то по-азербайджански другим мужчинам, и те возмущённо цокали языками и строго смотрели на меня.

Подошёл капитан.

– Что тут у вас?

– Торговля, что плохого? – начали высказывать ему.

– Какая торговля? – не понял он.

– Пусть торгуют, если хотят! Торговля, что плохого?

– Ехать пора, – сказал мне капитан.

И пока мы усаживались в машину, толпа продолжала возмущаться и цокать языками.

Возвращались мы поздно вечером. Недалеко от города Физули нашу колонну обстреляли. Машины, не останавливаясь, проскочили опасное место.

– Это в отместку, – сказал я капитану про обстрел. – Ты слышал, как в паузах кричали: «Торговля, что плохого?»

– Нет, – удивился он и когда понял, что я шучу, заржал вместе со мной.

Прошло несколько дней. Наша часть располагалась в здании школы большого армянского села. В целях жизнеобеспечения военные поддерживали контакты с местным населением, и к нам время от времени заходил один местный житель по имени Сурен. Сурен узнал, что я журналист, на-

ладил со мной контакты и рассказывал мне истории о страшных злодеяниях азербайджанской стороны.

Но вот Сурен попросил, чтобы я познакомил его с заместителем командира по политико-воспитательной работе майором Новиковым. С Сашей Новиковым мы делили одну комнату на двоих, были дружны, и Сурен, похоже, был о том осведомлён. Он, похоже, много был о чём осведомлён и навевался в расположение части не зря. О себе он говорил, что работает фотографом, но ни одного его снимка никто не видел. Я передал просьбу Сурена Новикову. На следующий день мы собрались втроём.

Там Сурен изложил ещё одну просьбу. Некий авторитетный человек хотел бы встретиться с командиром части для обсуждения важного вопроса. Встреча должна была состояться в горах, один на один, без сопровождения других военных. А вот журналиста, то есть меня, напротив, видеть бы хотели. Майор Новиков сказал, что передаст просьбу командиру, и мы разошлись.

Часом позже я был приглашён на оперативное заседание штаба. Не то чтобы командиры не могли шагу ступить без моих мудрых советов – просто в данном случае обсуждаемый вопрос касался меня самым непосредственным образом.

Сложность проблемы заключалась в том, что офицеры знали: во время вооружённого конфликта предложение, озвученное Суреном, ни с того ни с сего не делается, и если

оно прозвучало, лучше на него откликнуться. А с другой стороны, командиру воинской части ехать к кому-то там в горы – значит, подрывать свой авторитет. А кроме того, оставлять вверенное подразделение, да и... необоснованно рисковать своей жизнью. Какие будут мнения? Моим мнением поинтересовались тоже.

– Насколько... рисковать жизнью? – спросил я.

Тут все сообразили, что вторым участником делегации предстоит ехать мне, и засмеялись. Не засмеялся, я заметил, только майор Новиков. Ему в конце концов и предложили отправиться на встречу в качестве уполномоченного лица.

Мы с Новиковым снова отправились к Сурену и, источая на него, а ещё более друг на друга спокойствие и уверенность, озвучили решение командования. После однодневных консультаций Сурен сообщил, что наша замена принята.

В оговорённый день и час на краю села нас ожидала машина. Это был УАЗ-буханка, салон в котором не имел окон и был отделён от передних сидений листами фанеры, так что пассажиры в салоне не могли видеть дорогу. Кроме водителя на переднем месте располагался сопровождавший нас Сурен. Машина ехала более двух часов, и когда мы вышли, взору нашему открылись горы с несколькими примостившимися между ними домиками. От одного из домов на нас сурово взирали человек пятнадцать вооружённых мужчин.

Я почувствовал озноб: то ли от горного холода, то ли от неприветливого вида встречающих. Майор Новиков тоже

был напряжён.

– Надо сказать что-нибудь по-армянски, – зашептал я ему, косясь на людей. – Ты знаешь армянское приветствие?

Новиков отрицательно покачал головой.

– Как приеду, обязательно выучу, – пообещал он.

Но к нам обратились по-русски: поздоровались и провели в дом. Там навстречу нам поднялся мужчина с худощавым лицом, горбатым носом и цепким тяжёлым взглядом. На щеках и скулах его чернела щетина, одет он был в крупной вязки пуловер, камуфляжные брюки и высокие ботинки. Это и был, надо полагать, авторитетный человек. Представился он как Ваган. Мы представились также.

– Прошу, садитесь за стол, – показал Ваган на накрытый в комнате стол.

Мы сели.

– Давайте выпьем, – предложил Ваган, наливая себе и нам коньяка.

Мы выпили.

– Давайте покушаем.

Мы стали кушать.

Во время обеда Ваган стал говорить, что Арцах (так армяне называют Нагорный Карабах) это исконно армянская земля. Стал рассказывать, каким притеснениям подвергались здесь армяне во время правления азербайджанцев. Стал описывать ужасы, сотворённые азербайджанцами во время текущего конфликта.

– Мы не могли больше терпеть, – сказал Ваган, – и взялись за оружие. Пока мы ещё сдерживаемся, но скоро наши действия станут активнее. Я хотел поговорить с вашим командиром, чтобы предупредить, – Ваган поднял на Новикова пронизывающий тяжёлый взгляд: – не надо вам вмешиваться в наши дела. Мы сами между собой разберёмся. А иначе... погибнет много солдат. Вам это надо?

Повисла напряжённая тишина. Новиков отнял ото рта надкушенную лепёшку. От него ждали ответа.

– Конечно, нам не надо, чтобы кто-то погиб, – сказал Новиков. – Но мы люди военные и находимся здесь по приказу. – Он тоже сделался очень серьёзен. – Я передам ваши слова командиру, хотя знаю, что он ответит: перед нами стоит задача, которую мы будем выполнять.

Ваган продолжал смотреть на Новикова.

– Передайте всё-таки командиру, – наконец проговорил он. – А сейчас давайте ещё выпьем и покушаем.

Мы стали ещё пить и кушать. Стол обслуживали только мужчины, женщин в доме не было.

– Мне сказали, что вы журналист, – обратился Ваган ко мне. – В каком городе ваша газета?

– В Свердловске.

– Это большой город?

– Почти полтора миллиона жителей.

– О! – удивился Ваган. – Большой. А газета?

Я рассказал ему про газету и про тираж – не космический,

конечно, но и не малый. Ваган удовлетворённо кивнул.

– Мы используем все возможности, чтобы разьяснять нашу борьбу. Напишите в своей в газете...

И далее Ваган вновь стал говорить, что Арцах это исконно армянская земля, стал рассказывать, каким притеснениям подвергались армяне, и описывать ужасы, сотворённые азербайджанцами.

– Чем они занимаются, знаете?

– По-моему, в основном торговлей, – сказал я и осёкся.

Враз замолчав, Ваган поднял на меня холодный взгляд, которым смотрел недавно на Новикова.

– А что плохого в торговле? – произнёс он.

– Да ничего, – немного смешался я. – Просто, если судить по азербайджанцам, которые живут у нас, они в основном занимаются торговлей.

– А что в этом плохого?

– Ничего плохого.

– Тогда почему торговля, это плохо?

– Никто не говорит, что плохо.

– Я, например, тоже занимаюсь торговлей. Это, что, плохо?

– Нет, конечно, хорошо.

– А почему тогда торговля это плохо?

Мы ещё ели, пили, разговаривали, но Ваган так и не мог успокоиться. Периодически он устремлял на меня пронизывающий взгляд и требовал ответить, почему я считаю, что

торговля это плохо? Складывалось ощущение, что ответ на этот вопрос для него даже важнее, чем ответ, который он хотел услышать от Новикова.

Карабахский коньяк хороший коньяк, пить его было приятно. Поэтому, когда мы ехали в машине обратно, я уснул. Новиков бы тоже уснул, но не мог этого сделать из чувства долга: по прибытии ему нужно было отдать рапорт командиру.

– Ты слышал, когда мы ехали, выстрелы? – спросил меня Новиков на следующий день.

– Нет. Но я и не сомневался, что они будут.

В моём воображении рисовался Ваган, который стрелял нам вслед из пистолетов, требуя ответить: почему я считаю, что торговля это плохо?

И я подумал, вот ведь интересно: и Ваган, и азербайджанец из Физулей, понося другую сторону и отказывая ей в праве на совместное с собой проживание, одновременно защищали её право заниматься торговлей. И раз эта позиция единственное, что их объединяет, то, может быть, торговля и есть самая прочная основа для мирного существования народов?

Предлагаю в качестве всеобщей миротворческой идеи выдвинуть лозунг: «Торговля, что плохого?!» Предлагаю Организации Объединённых Наций в ближайшее время приступить к обсуждению данной инициативы. Только в рамках того же обсуждения нужно решить проблему, как сдерживать

Китай? Иначе у всех народов окажется одинаковый китайский товар и в торговле просто не будет смысла.

Летел я в Свердловск самолётом из Баку. По прилёту ко мне подошёл (я его не видел, а он меня приметил) тот самый азербайджанец из Физулей: оказалось, мы летели с ним одним рейсом, и оказалось, что большую часть времени он живёт сейчас в Свердловске.

– Всё, дома? – спросил он.

– Дома, – сказал я.

– А завтра на службу?

– На работу, в газету.

– В газету, – осклабился мой знакомец. – А я на телевидение!

Мы попрощались и разошлись: я поехал домой, а он по своим торговым делам. А может быть, на телевидение.

Глава 22

Но мы вспоминали про дефицит перестроечных времён. Так вот, чего только в перестройку не было – не было почти ничего.

К счастью, мы с Олей вскоре перебрались в город Сбоков, а в Сбокове, как говорят сами жители, даже в войну кое-какие продукты водились. После голодного Свердловска некоторое время мы с Олей тут блаженствовали и отсылали родителям на Урал посылки с колбасой и сыром. Но вскоре тяжёлые времена пришли и в Сбоков. Чтобы купить недавно родившейся у нас Ксюше молока, я вставал в пять утра и шёл занимать очередь в продуктовый магазин.

А потом с прилавков стали пропадать совсем уж неожиданные вещи: например, зубная паста, или мыло.

В Советском Союзе, конечно, тоже никогда нельзя было угадать, что же исчезнет завтра, но там хоть предлагалась более-менее приемлемая замена.

Например, одно время из продажи пропали сигареты и папиросы. Курящие люди взвыли: жить без табака они не могли. Так в качестве меры спасения на прилавках появились гаванские сигары. Это дружественная Куба в обмен на советские тракторы и автомобили поставила нам свою продукцию.

Мы не знали, что сигары – это короли табачных изделий, а гаванские сигары – короли среди сигар. Что продукция эта

в остальном мире стоит дорого, и курить её могут себе позволить лишь люди состоятельные. Мы кляли сигары последними словами, мы учились их распаковывать и срезать кончики, мы привыкали к их огромным размерам у себя во рту.

Западные миллионеры, окажись они в это время в Советском Союзе, позеленели бы от зависти, увидев, что гаванской сигарой у нас запросто дымят токари, обтачивающие детали на станке, что её в уголках рта жуют дворники, сметающие во дворах мусор, что её изящно держат девицы, распивающие в баре коктейли, что её прячут в ладонях старшеклассники, убежавшие на перемене покурить за угол.

Или потом пропала зубная паста. Ну, это вообще не проблема – пасту заменили в продаже зубным порошком, а в те две-три недели, пока порошок не появился, рот можно было просто полоскать водой.

Потом пропало... Да постоянно что-нибудь пропадало, и его чем-нибудь заменяли.

В перестройку совсем другое дело: там если возникал дефицит, то все знали – замены в скором времени не предвидится, и если уж пропало, то оно пропало. То есть, если исчезла та же зубная паста, то нужно готовиться полоскать рот ближайšie несколько месяцев, а может, и лет. Ну, или идти на «чёрный рынок».

Выход из ситуации перманентного дефицита был один: утвердить «чёрный рынок» в масштабах всей страны – открыть в России дорогу рыночным отношениям. Тогдашний

президент России Борис Ельцин, отправляя в прошлое и перестройку, и её идеолога Михаила Горбачёва, пообещал построить рыночную экономику в каких-нибудь полгода: с весны до осени 1992 года. Процесс этот растянулся на срок гораздо больший, но зато, действительно, позволил с помощью коммерсантов наполнить прилавки товарами.

Наполнение это выглядело так. В последних числах сентября 1993 года мы сидели на кухне вместе с Олей, моим студенческим товарищем Сашей Куравлёвым и его женой Ларисой, которые, приехав на жительство в Сбоков из города Челябинска, остановились пока у нас. По телевизору рассказывали об обострении противостояния между Борисом Ельциным и Верховным Советом во главе с Русланом Хасбулатовым и Александром Руцким. Страсти накалялись, обе стороны вывели на улицы своих сторонников.

Нам же было не до противостояния, мы думали о том, как заработать средства к существованию. Идею подсказала наша молодость.

– Не пора ли отдохнуть? – произнёс Куравлёв, посылая жене многозначительные взгляды. – Утро вечера мудренее.

Лариса сделала большие глаза и зашептала ему:

– Как?! У нас же ничего нет.

Куравлёв погрузился.

– Придумаем что-нибудь, – сказал он неуверенно.

Это «придумаем» повисло в воздухе и вдруг озарило наши лица. «Чего тут думать? Вот же она идея для заработка!»

В тот момент в аптеках Сбокова напроочь отсутствовали контрацептивы, противозачаточные средства – просто не было их, и всё. Ближайшее место, где их продавали, была Москва, но каждый раз ведь в Москву не набегаешься, особенно поздним вечером. И у нас возникла идея: закупить в московских аптеках контрацептивов и сдать их с «наваром» в аптеках сбоковских (тогда это было можно). Сказано – сделано. На следующий день, собрав все имеющиеся деньги, мы вчетвером уже ехали на поезде в Москву.

Предметом бизнеса, как сулящие наибольшую прибыль, были выбраны контрацептивы оральные, то есть противозачаточные таблетки. Методично район за районом мы объезжали столицу в поисках аптек, где эти таблетки продавались. В Москве таблеток тоже было не в изобилии, и если где-то продавали, то отпускали по три, максимум по пять упаковок в руки. И когда мы такую аптеку находили, то тут же вставляли к окошку в очередь друг за другом.

– Мне пять упаковок противозачаточных таблеток, – говорила аптекарше Лариса.

Аптекарша пробивала и выдавала.

– Мне противозачаточных таблеток пять упаковок, – говорила следом Оля.

– Мне бы пять упаковок противозачаточных таблеток, – говорил следом за ней Куравлёв.

– А мне лейкопластырь, – говорил я. – И... противозачаточных таблеток упаковок пять.

Аптекарьша слишком поздно понимала, что мы иногородние и приехали в Москву скупать их богатство, их противозачаточные средства. То, что этих средств нет в провинции, её не волновало, она думала о том, что из-за таких, как мы, продукции не хватит нормальным людям. Поэтому самого плохого к себе отношения достаивался я, стоящий в нашей очереди последним.

Бывали и такие аптекарши, которые отказывались продавать товар четвёртому, мотивируя тем, что максимальный объём продажи в одни руки – пять упаковок, а мы вместе, и значит, купили уже пятнадцать. Но тогда мы всем скопом начинали возмущаться и утверждать, что совсем мы не вместе и друг друга не знаем, а просто из справедливости, если уж положено продавать пять каждому, то вы каждому и продавайте.

Коммерческий маршрут завёл нас к Белому дому – тогдашнему Дому советов. Тут и там ходили группы возбуждённых людей, бушевал расцветенный красными флагами митинг, и казалось, малейшей искры будет достаточно, чтобы взорвать нагретый, распираемый паром котёл. А если для взрыва котла требуется искра, она непременно будет высечена, ведь для разогрева истопники уже истратили немало дров.

На наших глазах в огне политической непримиримости рождалась попытка нового государственного переворота. Если был бы хоть один шанс, я бы отдал митингующим весь

запас противозачаточных таблеток, добытых нами с таким трудом: пусть бы митингующие их выпили, и их попытка не родилась. Но, увы, препятствующие рождению средства следует применять заблаговременно.

Тем же вечером начались события, которые привели к многочисленным жертвам среди людей, события, названные впоследствии некоторыми политиками «Расстрелом Белого дома».

Признаюсь, меня трудно назвать участником активных политических акций. Таковые в моей биографии, конечно же, случались, но было их не слишком много. Тем не менее, как любой нормальный человек я имею свои убеждения.

И одно из них состоит в том, что ответственными за так называемый «расстрел Белого дома» являются те, кто осенью 1993 года пытался осуществить захват власти. Те, кто отказался идти на компромисс с противоположной стороной, и напротив, всячески обострял ситуацию; те, кто вооружал сторонников и инициировал провокации; те, кто послал людей на битвы с ОМОНОм и на штурм телецентра «Останкино».

Народ имеет право на активное противодействие узурпаторству – и это тоже моё убеждение. Но в событиях 1993 года не было противодействия народа узурпаторам – а было желание группы политиков захватить власть силовым путём.

Не надо говорить про «расстрел Белого дома». Если вы с ножом попытались ограбить мужика в подворотне, а в ответ

получили отпор, не надо кричать, что вам ни за что выбили зубы.

Впрочем, мнение моё вряд ли может считаться объективным, поскольку с одной из сторон, а именно с первым президентом России Борисом Ельциным, мы являемся давними знакомыми – ещё по моей прошлой, журналистской деятельности. И вспоминая наше знакомство, я могу с гордостью заявлять: «Я тот, кто не брал у Ельцина интервью!»

Вы скажете, что и вы похожи на своего отца, что вы тоже никогда не брали у Ельцина интервью, но тут всё дело в том, какой отец, и как именно вы не брали интервью у Бориса Ельцина.

В начале 1990 года, ещё не будучи президентом, а борясь за пост депутата РСФСР, Ельцин приехал в Свердловск. (РСФСР – это советское название Российской Федерации). Опального политика, бросившего вызов коммунистическому руководству Советского Союза, на родине встречали всемерной и, не побоюсь этого слова, всенародной поддержкой. Он стремительно перемещался от собрания к собранию, с митинга на митинг, а следом, в надежде взять у него интервью, перемещались мы – съёмочная группа студенческого телевидения.

Гоняясь за Ельциным, мы к концу дня едва волочили ноги, а он при этом выступал, отвечал на сотни вопросов и просто общался с разными людьми. Едва заканчивалось одно выступление, как Ельцина тут же увозили на другое, и мы

никак не могли к нему пробиться, чтобы перекинуться хотя бы парой слов.

Но однажды нам это удалось. Ельцин выступал перед студентами Уральского политехнического института. Встреча как всегда проходила восторженно и шумно, но всю её вторую половину я слушал оратора вполуха, продвигаясь ближе к трибуне, чтобы поймать момент, когда он с неё сойдёт. Охраны у Ельцина не было, зато были люди из предвыборного штаба, и вот их-то мне предстояло опередить, прежде чем они увезут своего подопечного на новый митинг.

Несколько раз могло показаться, что выступление закончено и пора делать решительный рывок, но я раньше занимался лёгкой атлетикой и знал, что фальстарт это преждевременный старт и кроме как к трате сил и даже к проигрышу ни к чему привести не может.

И вот стало ясно – пора! Люди из предвыборного штаба нервно смотрели на часы, делали Ельцину знаки, призывая заканчивать мероприятие, и он, вняв их мольбам, в последний раз поднял над головой сомкнутые ладони и под оглушительные аплодисменты и крики толпы сошёл с трибуны. В тот же миг, рванувшись сквозь его окружение, я оказался рядом.

– Здравствуй, Борис Николаевич! – закричал я громче аплодисментов.

Ельцин был возбуждён от только что закончившегося выступления, на лице его застыла улыбка.

– Здравствуйте! – крикнул он, протягивая мне руку.

Мы обменялись рукопожатиями.

Собственно, я мог уже уходить и рассказывать всем потом, что запросто здоровался с Ельциным. Но мне нужно было больше.

– Очень яркое, сильное выступление! – похвалил я Ельцина.

– Спасибо! – поблагодарил он.

Мы вновь пожали друг другу руки.

Люди из окружения смотрели с досадой, не понимая, откуда я такой взялся? У них срывался график выступлений. Но, не обращая ни на кого внимания, я продолжал орать:

– Не сомневайтесь, Борис Николаевич, Свердловск за вас!

И студенты за вас!

– Очень рад! Спасибо!

Очередное рукопожатие.

– Эдуард! – прокричал я, чтобы он меня запомнил и ни с кем потом не перепутал.

– Борис! – прокричал он, чтобы, наверное, и я не перепутал его потом ни с кем другим.

Тут без рукопожатия было совсем не обойтись.

– Очень приятно! – прокричал я.

Мы скрепили взаимную приязнь новым рукопожатием.

И кто знает, сколько бы эти рукопожатия продолжались, если бы к нам не протиснулась наконец режиссёр съёмочной группы и не затараторила:

– Борис Николаевич, мы представляем студенческое телевидение и хотели бы взять у вас интервью!

– Да, – вспомнил я, зачем здесь оказался, – хотели бы взять интервью.

– А что за вуз? – спросил Ельцин.

– Уральский государственный университет, – протараторила режиссёр.

– Имени Горького, – добавил я.

Ельцин задумался

– Честно говоря, очень напряжённый график, – задумчиво произнёс он.

– Не то слово! – заголосили люди из предвыборного штаба, барабанив пальцами по часам. – Опаздываем на Уралмаш!

Но сдаваться мы не собирались.

– Да это недолго, да мы быстро! – стала уговаривать режиссёр.

Ельцин колебался.

– Студенты за вас! – напомнил я.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Давайте завтра в семь утра в гостинице «Свердловск», мы там остановились. Встретимся в вестибюле. Вас устроит?

– Устроит! – закричали мы.

Я схватил ладонь Ельцина и затряс её, подтверждая нерушимый уговор:

– Значит, завтра в семь?

– Да, в семь.

– Тогда до завтра!

– До завтра.

Люди из предвыборного штаба, еле дождавшись окончания прощального рукопожатия, окружили Ельцина такой стеной, что сквозь неё не могла уже проскочить и мышь, и повели его к выходу.

– Студенты за вас! – кричал я им вслед, чем только заставил окружение двигаться ещё быстрее.

На следующий день в семь часов утра в вестибюль гостиницы «Свердловск» к нам никто не вышел. Прождав час, мы обратились к служащим гостиницы и узнали, что поздно вечером сюда прибыли представители Нижнетагильских предприятий и имели беседу с людьми из предвыборного штаба Ельцина. А сегодня в шесть тридцать вся группа во главе с кандидатом убыла в Нижний Тагил.

Не скрою, мне было досадно, что наша железная договорённость оказалась порушена. Но потом я подумал, что несостоявшаяся встреча может быть предметом не только разочарования, но и гордости! И решив так, стал считать себя отныне знакомым Бориса Ельцина и при возникновении споров вокруг его фигуры – становиться на его сторону. И когда меня спрашивают, чем мне Ельцин так приглянулся, и уж не связывает ли меня что-то с ним, я отвечаю: «Конечно, связывает! Ведь я тот, кто не брал у Ельцина интервью!»

А насчёт несостоявшейся встречи... Если бы он знал, что впоследствии университет, который мы представляем, пере-

именуют и назовут его, Бориса Ельцина, именем, то наверняка бы нас дождался. Я бы, по крайней мере, именно так и поступил: если бы знал... что впоследствии... наш университет... моим именем... Я ни на что не намекаю! К тому же, нельзя ведь так быстро переименовывать университет снова! Если только впоследствии.

Так о чём мы говорили? О перестройке! И не просто о перестройке, а о сопровождающем её дефиците. О том, как пропадало то то, то другое.

Да, пропадало то то, то другое. А потом пропало мыло. Пропало туалетное, пропало банное, пропало хозяйственное. О жидком мыле тогда ещё не слышали, но если бы оно существовало, то пропало бы и оно. А мыло такая вещь, что не является, конечно, жизненно необходимым продуктом, но иногда хочется побаловать себя свежим бельём, чистыми носками, да и вымыться, если под настроение. Но увы, такой роскоши мы оказались лишены.

Наиболее подкованные в химии граждане стали варить мыло в домашних условиях. Дельцы-производители тоже сориентировались, и на рынках появились земляного цвета куски, изготовленные в кустарных мыловарнях. Народ поговаривал, будто варят там мыло из кошек и собак, и, вроде бы, действительно, бродячих животных на улицах стало меньше, но тут уж надо было выбирать: либо щепетильность, либо чистое бельё. Спекулянты продавали и фабричное мыло,

но цена его была так велика, что волей-неволей приходилось делать выбор в пользу исчезнувших бродячих животных.

Памятное было время. И когда позже я сочинял цикл стихов «Новейшая история для детей», то не мог обойти его вниманием и, по привычке почёсываясь, написал стихотворение «Мама мыла раму».

Все поколения советских людей учились читать по одному букварю и фразе «МА-МА МЫ-ЛА РА-МУ». Стоит также пояснить, что «пионерский салют» это не праздничный фейерверк, а торжественное поднятие руки наподобие отдания воинской чести. Ну, и напомнить, что компания «Проктер анд Гэмбел» («Procter and Gamble») явилась одним из первых мировых гигантов, начавших продавать в России свою продукцию с помощью массивированной телевизионной рекламы.

*Мама мыла раму, мама раму мыла,
Долго оттирала, тщательно скоблила:
Захотела мама, чтобы чисто стало.
Подошла тут дочка, посмотрев, сказала:*

*«Долго же ты, мама, эту раму мыла.
Вроде, оттирала, вроде бы, скоблила.
Но как пионерка я молчать не буду:
У тебя подтёки грязные повсюду.
Видимо, халатно отнеслась ты к делу.*

За такую маму стыдно пионеру!»

Горько мама плачет, причитает мама:

«Я ль не оттирала, не скоблила раму?

Я ли не хотела, чтобы чисто было?

Но подтёки эти так и не отмыла!

Я не виновата, дорогая дочка,

Просто дома мыла нету ни кусочка,

В магазине, дочка, тоже нету мыла,

Я без мыла, дочка, эту раму мыла».

Стало дочке жалко плачущую маму.

«Не печалься, мама, – дочка ей сказала. –

В «Пионерской правде» как-то раз прочла я:

Переходит к рынку вся страна большая!

Обещал народу Ельцин дядя Боря,

Что проблемы наши мы поборем вскоре.

К осени, сказал он, мы построим рынок.

То-то будет масла, то-то будет мыла!

Да чего там мыла! Импортным шампунем

К осени, сказал он, окна мыть мы будем.

Стоя под салютом, обещаю мне мама:

Только строим рынок – сразу моешь раму!»

*Стоя под салютом мама обещала...
Проктера Россия с Гэмбелом встречала.*

Глава 23

Здравствуйте, Гена и Таня!

Из перестроечных, уже почти эпических времён перенесёмся наконец в действительность.

Я уже говорил о том, что меня не очень заботит, как делят между собой заводы злодеи города Сбокова. Но вот что меня заботит по-настоящему – это строящаяся у моего подъезда дорога.

В нынешнем году мэр Виноградов предположил, что энергетики требовать с города деньги не будут и дал команду строительству начать. Мне почему-то это видится так: мэр взмахивает флажком и кричит: «Пошли!» И они пошли.

По весне на строительство пришли четверо солдат и приехал капитан в УАЗике. Капитан начертил им прутиком что-то на земле и убыл. Один солдат, очевидно, «дед», тут же лёг отдыхать в тенёк, а оставшиеся трое принялись копать траншею. Поверх военной формы на них были надеты спецовки с надписью «ДорСтрой». Никогда раньше я про такие войска не слышал. Зато слышал, что решено было все строительные части, не относящиеся непосредственно к военным, ликвидировать.

Не-ет, друзья, строительные части так просто не ликвидируешь. Куда ж мы без них? Куда ж наша экономика без дешёвой, а я бы сказал – бесплатной рабочей силы? А я знаю

что говорю, два года в стройбате отслужил. Два года Родине отдал! Где тельняшка – я её рвану!

Тельняшка, между прочим, применительно к стройбату не просто образное выражение. От нас недалеко, тоже в Подмосковье, стояла часть – морской стройбат! Они носили бескозырки, тельняшки, а на погонах буквы «ВМФ» – военно-морской флот (до сих пор стыжусь, не знаю, какое море под Москвой). И когда маршировали, пели:

*По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там...*

Хотя «там» никогда не были, а всё время были «здесь», все три года, как и положено на флоте. То есть на год больше, чем мы, сухопутные крысы. Так что возьму-ка я порванную тельняшку, заштопаю, как умею, да с соболезованием верну её тем, кому она принадлежит по праву. Ибо сказано Ивану-царевичу: «Не тобою тельняшка надевалась, не тебе её на груди рвать».

Мы же в армии пели:

*Военные строители –
Ребята работающие!
Военные строители –
Солдаты настоящие!*

Издали в песне слышны были только окончания, которые обычно с особым усердием выкрикивают те, кто не умеет петь. Поэтому во время строевой подготовки по округе неслось: «...тели ...щее! ...тели ...щее!» – песня про какое-то «телище». Да и все другие слова нам очень не нравились: словно бы в пионерском лагере – вот какие солдаты, прямо настоящие! Конечно, настоящие, а какие ещё?! Два года службы по полной программе: с караулами, нарядами, стрельбами и строевой! И всё нам хотелось узнать, кто же такое написал? И однажды на празднике в клубе части мы увидели, кто. Это была женщина! Она стучала по клавишам рояля и, повернувшись в сторону зала, звонко распевала:

*Военные строители –
Солдаты настоящие!*

У водителя в нашей фирме, который в армии также служил водителем, ротная строевая песня была на автомобильную тему – «Такси» Игоря Николаева. Слова там такие:

*Я сегодня немного пьян,
И не сяду уже за руль,
Закрывается ресторан,
Обнимает ночной шоль...*

А в соседней с ними роте, не автомобильной, строим пели

детскую песню:

*На медведя я, друзья,
На медведя я, друзья,
Выйду без испуга,
Если с другом буду я,
Если с другом буду я,
А медведь без друга...*

Что абсолютно справедливо: медведю против нас без друга – даже нечего дёргаться!

Но я про строящуюся дорогу. Короче, «ДорСтрой»-солдаты, руководствуясь принципом «Чем больше сегодня сделаешь, тем больше завтра придётся переделывать», никуда не спешили: за всю весну и лето они вырыли три небольшие траншеи – по одной траншее на каждого «молодого», и решив, что этого и так с избытком, вообще работать перестали. «Дедушка», по всей видимости, не возражал.

Но с первыми осенними дождями, когда забурлила и потекла по тротуарам липкая глиняная грязь, ситуация изменилась. Может, у города появились деньги, может, мэр Виногорадов вспомнил, что он обещал построить участок уже в нынешнем году, но я так и вижу, как он вторично взмахивает флажком и кричит: «Пошли!»

И они пошли. Экскаваторы и грейдеры, грузовики и бульдозеры. Они копали и гребли, выгружали и наваливали. В

одно мгновение густая непролазная грязь залила, затопила наш дом. Она была везде: на подходе, у крыльца, в подъезде, в квартирах. На улице она хлюпала и пузырилась; на лестницах, засыхая, лежала толстыми слоями, обламываясь по краям.

– Что это такое! – возмущались жильцы. – Почему нельзя было вести работы летом, а понадобилось вести их именно сейчас?

А один сосед – мы с ним здороваемся и иногда беседуем – философски изрёк:

– Это наша, бл..., загадочная душа.

Я тоже возмущался, я просто из себя выходил. Мне, например, было жалко нашу обувь. Обувь, к которой мы относимся с исключительным трепетом и любовью.

В Сбокове, скажу я вам, хорошую обувь купить почти невозможно: на неё нет спроса, а следовательно, и предложения. Не знаю, почему.

А впрочем, знаю. По той же причине, по которой в наших отделах покупают мало действительно интересной, эксклюзивной продукции – той, что к превеликому коммерческому сожалению и составляет нашу суть. В Сбокове, да простят меня сбоковские земляки, невысок уровень городской культуры. Хотя городу уже шесть с половиной веков, основное его население сформировалось всего двадцать пять-тридцать лет назад из перебравшихся в областной центр деревенских жителей.

Покупатели же нашей, с претензией, продукции – это в большинстве своём интеллигенция, которая в России, как известно, работает за идею, то есть бесплатно, ну, разве что иногда, ради приличия, чтобы только не обидеть государство, что-нибудь да возьмёт. А следовательно, не может рассматриваться в качестве серьёзной покупательской аудитории. А всей остальной аудитории наш эксклюзив, что называется, по барабану.

Как-то будучи на родине в Челябинске я разговорился с продавцом киоска, торгующего такой же продукцией, что и наша. Хороший продавец, как правило, любит общаться, любит о чём-нибудь рассказать. Довольно скоро мы общались с ней на манер закадычных друзей, и она мне рассказывала о своей фирме, о количестве и месторасположении отделов, о средней выручке, величине арендной платы и норме плана, то есть обо всем, что некоторые нудные владельцы предприятий склонны относить к области коммерческой тайны. В общем, могу с уверенностью сказать – хороший продавец.

Так оказалось, что доходы таких отделов в Челябинске превышают доходы нашей сбокковской фирмы в три, а то и в четыре раза! Узнав об этом, я ещё в дороге едва не заболел. А дома меня впору было привязывать к кровати: я бредил огромными выручками, рвался на родину и провожал туманным взглядом законных ворон, в которых мне чудились перелётные птицы, летящие на Урал. Потом горячка прошла, я понемногу успокоился, втянулся в будничные заботы, но

до сих пор в моём воображении существует прекрасный сказочный город Челябинск, где нет трудностей и печалей, и где живёт много-много щедрых покупателей.

А недавно вдобавок ко всем своим переживаниям я прочитал в газете «Сбоковский обозреватель» заметку про почётного гражданина города Ревеля шведского купца второй гильдии Карлсона, который в середине XIX века приехал в Сбоков делать бизнес, открыв, как сказано в заметке, «два магазина, ювелирный и парфюмерный, поставленных на европейский манер».

Так вот, Карлсон «пролетел». Местные жители отказывались покупать его мудрёный товар. Вследствие чего купец, сделавший состояние в родном Ревеле, в Сбокове разорился. Причём вчистую: в конфискованном за долги имуществе перечисляется даже нижнее бельё его жены. Приютила оставшихся без состояния и нижнего белья Карлсонов местная протестантская община, поселив их в чердачном помещении одного из домов. Так что родословная знаменитых впоследствии «Карлсонов на крыше», как мы теперь неоспоримо можем доказать, ведёт своё начало с мало кому известного в мире города Сбокова.

Заговорили о женском белье. На витрине ближайшего к нашему дому промтоварного магазина красуется надпись: «Женское бельё для дам!» Хорошо, что подсказали, а то бы мы подумали «женское бельё для мужчин». Впрочем, чего не бывает.

Тут же расположен и мебельный магазин. И на его большой световой вывеске «Мебель» недавно погасла буква «М». Пока-а её сделали.

А по поводу малоизвестного города Сбокова есть небольшая история. Один сбоковский молодой человек путешествовал «автостопом по европам». И вот в некоем европейском городе за какой-то незначительный проступок остановили его полицейские и поинтересовались, кто он и откуда. Тот ответил, что так, мол, и так, из России.

– Россия, – расплылся в улыбке один из полицейских, открывая его паспорт. – Я изучалъ Россия в школе. Я неплохо зналъ ваша страна, много разный город. Из какой вы город?

И переворачивая страницу:

– О, Сбоков!

Он сморщил лоб.

– Не могу знай... не могу вспоминай, где есть город Сбоков?

– Это между Сыктывкаром и Йошкар-Олой, – ответил великовозрастный сбоковский шутник. – Примерно представляете?

– Сык... тык... – попытался повторить посрамлённый полицейский.

И пока они с напарником, покраснев от напряжения, пробовали выговорить озвученные для них ориентиры, наш путешественник, осторожно забрав паспорт, смылся.

Я теперь на вопрос о местоположении Сбокова иногда от-

вечаю так же: между Сыктывкарком и Йошкар-Олой (что является сущей правдой).

– А, да-да, – с испуганным видом кивают любопытствующие, лихорадочно пытаюсь сообразить, в какой части света находится то, о чём они только что услышали.

...Так я, собственно, про обувь. У нас в Сбокове есть отдел европейской обуви «Саламандер». Открыли его челябинские предприниматели, владеющие сетью одноимённых магазинов в разных городах страны, а в Челябинске (ах, в Челябинске!) таких магазинов у них несколько. Вот и в Сбоков предприниматели пришли так, как привыкли: открыли два больших отдела и стали ждать выручек. Ждали-ждали, ждали-ждали, потом один отдел закрыли, потом ужались во втором, а сейчас торгуют наполовину обувью российской. И не перестают удивляться: здесь они продают товар дешевле, чем во всех других городах, а его не берут! Вот такой наш город Сбоков!

А зря не берут, скажу я вам. Хорошая обувь не только удобней, красивей, гигиеничней, солидней. Она гораздо практичней и выгодней для бюджета, чем обычная. Какой смысл покупать туфли на сезон, когда можно, пускай по цене чуть большей, купить те, что будут носиться много лет и потом ещё успеют вам надоесть. Вам надоедят – отдайте другим, честное слово!

Поэтому мы, зная о тщетности походов по сбоковским магазинам, чаще всего покупаем свою обувь во время поездок

в Москву. Мы выбираем, примериваем – кстати, подходящую обувь и там далеко не всегда можно найти – и, наконец, купив и вернувшись домой, стараемся подольше не заходить в отдел «Саламандер», потому что иногда его челябинские владельцы, словно пробудившись от тяжёлого долгого сна и вспомнив о своих первоначально светлых намерениях, присылают туда только что купленные нами модели по цене минимум на четверть дешевле. Год не присылали, полтора не присылали – а тут на тебе! Расстреливать надо таких предпринимателей! И единственное, что утешает в подобных случаях... Да ничего не утешает, переплатили за товар!

Но купить обувь – это ещё полдела. Важно, чтобы за нею был соответствующий уход. Её надо лелеять, за ней надо следить: чистить, пропитывать. Если обувь комбинированная – я себе такую не беру, а у Оли есть – обрабатывать отдельно. Нужны разные резиночки, щёточки, брусочки. В общем, как вы отнесётесь к обуви, так и она будет служить вам.

Я стараюсь за обувью следить, я за ней ухаживаю. Поэтому мы с радостью надеваем свои вычищенные, сверкающие, пропитанные специальным составом туфельки, выходим на улицу и... хр-рясь, проваливаемся по самую щиколотку в красно-глиняное булькающее месиво! Я не вру – натурально по щиколотку! А иногда и выше. В своих купленных за тридевять земель, вылизанных до блеска туфельках. Резиночки, щёточки, брусочки... Я краснею от негодования, как облепившая нашу обувь грязь, и посылаю проклятья в неко-

гда любимое осеннее небо, которое, в общем-то, здесь ни при чём. Зачем *они* отобрали у меня мою осень?

...Потом пришли холода, и грязь подстыла. Зато начались перебои с водой. На подъезде повесили объявление: «Воды не будет по причине ремонтных работ на *МАГИТСРАЛИ*». Да мы знаем: по этой причине у них сроду чего-нибудь нет.

Дома у нас без изменений. Только вот Оля захворала, стала последнее время жаловаться на печень. Говорила, что бабушку её перед смертью тоже печень беспокоила (бабушке было под девяносто). Оля плакала и жалела меня: как я буду без неё жить? Полные печали, собрались мы на УЗИ.

Доктор посмотрела на экран и вдруг как закричит медсестре:

– Скорее! Идите скорее сюда!

Сестра кинулась к экрану.

– Вы хотели посмотреть здоровую печень? Вот, пожалуйста, смотрите.

И пояснила почти бездыханной от пережитого Оле:

– А то к нам всё больные приходят, здоровую печень негде посмотреть.

Правильно говорят на Украине: «Жинка хворае, а чоловік помирае». Что в переводе на русский означает: «Жена болеет, а умирает-то муж». Тьфу-тьфу-тьфу.

...Ксения объявила, что их в школе приглашают на интересные экскурсии: до майских праздников – в Германии, по-

сле майских – в Англии. Я сказал, что наверняка есть интересные места и в Сбокове, просто надо поискать.

Полина с высоты семи лет жизни осмысливает окружающую действительность. Недавно задумчиво произнесла:

– Хорошо тем, у кого папа – певец Розенбаум.

– Почему певец Розенбаум это хорошо? – спросил я, уязвлённый. – Разве вам с Ксюшей плохо со мной?

– Ты никто, – сказала она.

– Я никто?!

– Никто, – кивнула Полина, глядя куда-то вдаль. – Ноль.

Ничтожество.

Вот так, растим их, растим.

... Поздравляю вас, дорогие Григорьевы, с прошедшим Новым годом! Надеюсь, встретили вы его хорошо. Не менее хорошо, чем наша кладовщик Вера.

– Я на праздники домой ездила, – рассказала нам Вера, – ой, мы так хорошо Новый год встретили! Так весело! Собрались только семьёй: папа с мамой, сестра с мужем и я. Выпили, не считая шампанского и пива, по полторы бутылки водки на каждого. А потом папа пошёл ракеты запускать.

Тут я испугался. Если любой другой папа идёт запускать ракеты, то ничего страшного нет. Но папа у Веры служит в ракетной части стратегического назначения! Я срочно включил новости. Про уничтожение Америки, слава богу, ничего слышно не было.

Хотя без пострадавших всё же не обошлось. Запуская ра-

кету, папа отдёрнул руку и саданул одной из дочерей – не Вере, а той, другой – в глаз.

– Ей на следующий день на новую работу выходить надо, – со смехом поведала Вера, – а у неё фингал под глазом! Так она вообще не пошла.

Надеюсь, на работу после праздников вы всё-таки вышли. И, надеюсь, без фингалов. Если так, это уже немало.

Будьте счастливы. Здоровья вам и удачи в новом году.

С тем остаюсь искренне ваш

Эдуард Сребницкий

P.S. А челябинские предприниматели магазин «Саламандер» в Сбокове закрыли.

Глава 24

Здравствуйте, дорогие Григорьевы!

Как вы знаете, скоро в стране состоятся выборы в местные и государственные органы власти.

Город Сбоков вопреки своему названию тоже не намерен оставаться в стороне от этого важного события, и уже сейчас наши жители определяются, за кого они будут голосовать. Давным-давно пора бы определиться и мне, но остановиться на какой-либо конкретной кандидатуре, или партии у меня не получается.

С одной стороны, я как честный человек должен голосовать за «партию власти» – «Родимую Россию», а с другой, уж слишком большая под её крылом собралась компания. Обязательства же мои перед «Родимой Россией», пусть не прямые, а косвенные, возникли за несколько месяцев до описываемых событий, а именно девятого мая минувшего года.

В этот день, День Победы, любимый и почитаемый в нашей семье праздник, мы как обычно отправились к Вечному огню.

«Вечный огонь» – это городской памятник в честь погибших воинов Великой Отечественной войны. Памятник был поставлен давно, потемнел и обветшал от времени, «вечный огонь» из-за плачевного состояния муниципальной казны время от времени в нём угасает, а кроме того, многие по-

лагают, что типовая скульптурная композиция памятника, повторяющая черты сотен других подобных произведений, требует замены.

Что касается меня, то мне скульптурная композиция не столь важна. Мне важно место, куда бы мы могли прийти с детьми и рассказать им об их воевавших прадедах, из которых не все вернулись домой.

Но некоторые горожане смотрят на проблему иначе. Они говорят о собственном лице областного центра, о том, что мемориал всё больше олицетворяет погибших не только в ту войну, но и в войнах последующих, о народных традициях поминовения и прочее. Ну и пусть говорят, если есть желание. Ветеранские организации, памятник которым отдан в вечное владение, на слух туговаты и вряд ли подобное услышат. В этих организациях почти не осталось солдат Великой Отечественной, но есть ещё ой как много бойцов идеологического фронта.

Как-то раз, помню, одни сомнительные личности, стыдливо прикрывшись вывеской «общественность», решили обсудить вопрос о возвращении городу исторического названия Бродинск. Мол, революционер Илья Митрофанович Сбоков фигура в высшей степени сомнительная, руки у него по локоть в крови, вот вам и документики в подтверждение, а потому не пристало древнему городу носить его имя. Так помню также, что ветераны пригрозили обогреть свои руки об эту общественность вслед за Ильёй Митрофанычем. И со-

мнительные личности стусевались. Может, именно они потом бормотали что-то насчёт изменения памятника погибшим воинам, но, конечно, сами в это не верили.

И вдруг в прошлом году как гром среди ясного неба: ветераны объявили конкурс на реконструкцию комплекса у Вечного огня! Общественность загудела:

– Как? Реконструкция? Как они решились? Вы точно знаете?

– Точно. И это ещё не всё! Говорят, городская администрация поддержала инициативу ветеранов и объявила о денежной премии для победителей конкурса.

– Да вы что?

– Вот говорят.

– И правильно! Давно пора.

Но больше всех новость о реконструкции взволновала сбоковских скульпторов. Я и не знал, что существуют такие. В силу своего невежества, разумеется, не знал. Я считал, что скульпторы – это люди, создающие памятники. А поскольку все основные сбоковские памятники наперечёт: Ильи Митрофановича Сбокова две штуки; террорист Удавин, один; на главной площади Ленин, один; памятник воинам Афганистана и Чечни (кстати говоря, редкий памятник, действительно способный взволновать), один; бюст Герцену на одноимённой улице у одноимённой же библиотеки, одна вторая (раз бюст); одна же вторая писателя Грина на набережной, едва не унесённая бомжами в лом цветных металлов;

художников братьев Васнецовых, пара, одна; памятник маршалу Коневу, перевезённый из города Кракова, где этот памятник был спасён от поляков, спасённых в войну маршалом Коневым, один; танк Т-34 на пьедестале (каждый уважающий себя город обязан иметь собственный Т-34 на пьедестале), один танк; ну, и мемориал «У Вечного огня» – и все эти памятники созданы достаточно давно, то и скульпторов в городе более не осталось.

Ан нет. Оказалось, что скульптура – это целый вид художественного творчества, и его служители ваяют не только многометровые статуи (из-за нетленного стихотворения про «статую в лучах заката» так и хочется всегда ставить ударение на предпоследний слог)...

Стоп, стоп, стоп. Я тут неожиданно выяснил, что молодые люди знать не знают знаменитого некогда четверостишья про «статую»! А ведь его ценность заключается не в том, что в прежние годы оно было известно каждому, а в том, что оно помогает нам зримо представить советскую эпоху, породившую однажды и навсегда художественный метод социалистического реализма.

В скульптурном творчестве этот метод воплотился в бесчисленных гипсовых фигурах: то пионера с барабаном, то физкультурницы с веслом, то колхозницы с серпом, то рабочего с лопатой. И в соответствии с принципом реализма сквозь одежду этих фигур подчас слишком явственно проступали элементы крепких трудовых тел. Стихотворение

звучит так:

*Стоит статуя
В лучах заката,
С таким вот х...ем!
В руках – лопата!*

Существовали, конечно, разные детские переделки типа «А вместо... лопата», но это просто от незнания сути.

Приверженцы социалистического строя скажут: «Да, с «таким вот»! Потому что раньше в стране у всего были грандиозные масштабы!» Но я бы не согласился с подобной оценкой. Размер «такого» говорит лишь о том, что «такой вот» при социализме вам и покажут, как свидетельствует другое народное стихотворение, сочинённое на тему главных советских символов – скрещённых серпа и молота:

*Это молот, это серп –
Это наш советский герб.
Хочешь жни, а хочешь куй,
Всё равно получишь х...*

А теперь, когда молодое поколение приобщилось в бесценному наследию былых времён, повествование можно продолжить.

Итак, выяснилось, что скульпторы в Сбокове ваяют не

только многометровые статуи, но и произведения поменьше. Хотя и надеются всё же увековечить себя в чём-нибудь по-настоящему монументальном. А тут фактически заново строящийся памятник, да ещё столь значимый, да ещё с премией! Было от чего взволноваться. Это ведь, можно сказать, путёвка в большую жизнь. Сначала «Вечный огонь», а там, глядишь, доверят слепить губернатора в полный рост.

А что? Губернатора Силыча уже увековечили – в бронзе (или в меди?). Он для главного храма города выделил деньги из областного бюджета на новый колокол. И на том колоколе теперь отлито имя губернатора Силыча на грядущие, страшно подумать, века. «Пройдут годы, Киса, а они пройдут!», всё нынешнее станет тлен и прах, и только будет висеть над городом, да позвякивать себе в удовольствие своей бронзовой (или медной?) болтушкой наш Силыч. И почему это я не распоряжаюсь бюджетными деньгами? Я тоже хочу остаться в веках. У меня тоже есть чем позвякивать.

В общем, сбоковские скульпторы, обмыв, как полагается, творческое волнение, кинулись воплощать свои дремавшие до сей поры замыслы в гипс и глину. Времени до представления проектов оставалось мало, каких-нибудь пара-тройка месяцев, и художники, не щадя себя, творили дни и ночи напролёт.

И вот великий день настал! Взяв подмышку чертежи и сдунув залётные пылинки с макетов, скульпторы отправились на конкурс.

В зале, где они собрались, стало очевидным, что скульпторов в городе Сбокове не так уж и мало. И наваяли они за прошедшие месяцы тоже в достаточном количестве. Один за другим выходили мастера объёма на сцену и, недобро косясь на коллег по цеху, рассказывали, почему их, и именно их произведение только и достойно быть сооружено в городе. О деньгах не говорили, но, представляя проекты, обращались преимущественно к представителю городской администрации, сидевшему в первом ряду.

Здесь же находились и ветераны. Они слушали скульпторов внимательно, но как-то недоумённо и даже испуганно и время от времени перешёптывались между собой. Наконец с места поднялся самый главный ветеран.

– Дорогие товарищи, – обратился он к окружающим. – Не могли бы вы объяснить нам, что здесь такое происходит?

– Как что? – ответили окружающие. – Заслушиваем проекты нового памятника.

– А с чего это вы решили, товарищи дорогие, что памятник будет новым?

После этих слов в зале можно было наблюдать интересную картину: у всех многочисленных участников конкурса одновременно начали отвисать челюсти. Так, с отвисшими челюстями, они и повернулись в сторону представителя городской администрации.

– Позвольте, – сказал представитель администрации главному ветерану. – Ведь вы же сами объявили конкурс на ре-

конструкцию памятника. Вот, у нас и бумага ваша имеется.

Главный ветеран прочитал бумагу.

– Николай Сидорыч, – обратился он к одному из ветеранов сопровождения, – вы бумагу писали?

– Так точно, – вскочил тщедушный, но бодренький Николай Сидорыч, – мы. Публично выразили, так сказать, желание ветеранских организаций сделать подарок родному городу, а именно: к празднику Великой Победы отремонтировать монумент «У Вечного огня». Подкрасить немного, подштукатурить где малость.

– Но вы же здесь пишете «реконструкция», – указал в тексте представитель городской администрации.

– А как по-научному это называется? – обернулся Николай Сидорыч к товарищам-ветеранам. – Разве не «реконструкция»?

– По-научному это называется «реставрация», – вздохнул представитель городской администрации.

– Ну, реставрация так реставрация, – согласился главный ветеран. – Мы в этих терминах не особо сильны. Но никаких изменений, а тем более новой постройки категорически не допустим. Штукатурить – пожалуйста.

– Штукатурить?! – донёсся из отпавших челюстей одновременный стон. – Подкрасить? Не может этого быть! Три месяца работы!

– Я требую один из проектов утвердить! – крикнул срывающимся голосом какой-то юный конкурсант.

– Повторяю, – сурово сказал главный ветеран, по всему видно, бывший военный, – никаких изменений в памятнике мы не допустим!

Ветераны поднялись с кресел и с сердитым видом покинули зал. За ними смущённо убыл представитель городской администрации.

А конкурсанты остались. Они дали волю переполнявшим их эмоциям, кому-то грозили и чего-то требовали, горячо хвалили проекты друг друга, а потом всей творческой шайкой убыли успокаивать волнение. Позже некоторые из них со страниц газет пытались взывать к чувствам земляков и чиновников. Забыв, что ещё недавно восхищались работами коллег, расхваливали теперь исключительно свои произведения. Но всё было тщетно. Старый памятник остался стоять. Немного подштукатуренным.

Вот к этому памятнику мы и направились Девятого Мая. Мы всегда ездим туда чуть позже, ближе к обеду. Потому что с утра и до полудня доступ к памятнику закрыт: к нему чинно шествуют организованные колонны предприятий, организаций и общественных объединений.

Меня это выводит из себя. Почему я не могу запросто подойти, постоять у огня и положить несколько цветков? Чем лучше меня завод резиново-бетонных изделий, или ячейка радикальных большевиков с портретами Сталина? Нравится им ходить группами – пускай ходят, но на общих осно-

ваниях: сначала мы с семьёй, потом они, потом ещё семья. Хорошо-хорошо, не надо кричать, можно наоборот: сначала они, потом мы, потом снова они. Предлагаю даже, чтобы не ссорится, пускать между нами вообще единоличных граждан – они тоже имеют право на существование, хотя, конечно, и велико искушение выпихнуть их в задние ряды: куда они единоличники вперёд наших коллективов прут? В общем, договориться можно.

Но договариваться с нами никто не желает. Памятник и вся дорога к нему оцеплены рядами милиции; коридор, по которому шествуют колонны, ограждён красной лентой; для тех, кто внутри, играет духовой оркестр; те, кто снаружи, с завистью смотрят на шествующих.

Потом проходит последняя колонна, милиция снимает ленты и отбегает в сторону, потому что получившие наконец свободу неорганизованные граждане одновременно кидаются к вожделенному памятнику, и должно пройти немало времени, прежде чем появится возможность подобраться туда более-менее близко.

Поэтому мы и стараемся приехать попозже. Но, увы, к этому времени нет уже ни оркестра, ни поблёскивающих медалями фронтовиков, ни бодро марширующих пионеров (или как они сейчас называются?), то есть отсутствует значительная и яркая часть праздника. Зато нет и коридора. К тому же мы успеваем посмотреть по телевизору парад на Красной площади.

В этот раз мы также посмотрели парад и отправились к Вечному огню, заехав по дороге за цветами. Ещё за квартал до памятника стало ясно, что мероприятие идёт не по графику: нашу машину остановили задолго до обычной парковки, и мы пошли далее пешком. Всюду стояла милиция, неслись звуки маршей. Похоже, организованный праздник, который к этому времени должен быть уже завершён, всё ещё продолжался. Так оно и оказалось: из-за утреннего дождя колонны выпустили с большим опозданием.

Мы приблизились к запретному коридору. Окончание неспешной процессии вдалеке, в общем-то, угадывалось. Но ждать пока она пройдёт, затем ждать, пока схлынет волна свободного доступа! Посовещавшись, мы отошли чуть подальше, где, по нашему мнению, бдительность милиции была не так высока, и, схватив детей в охапку, нырнули под красную ленту, пристроившись в задние ряды ближайшей колонны.

И всё-таки один милиционер нас заметил. Он резко повернулся и секунду-другую оценивал ситуацию, пытаясь понять, кто мы такие и почему здесь оказались. А мы, боковым зрением видя это, ещё ближе прижались к «своему» коллективу и даже заулыбались якобы каким-то своим знакомым. Милиционер успокоился и отвернулся. Но новый коллектив отнёсся к нам в высшей степени подозрительно. А «якобы знакомые» мало того что не ответили на улыбки, так ещё и прибавили шагу, желая увеличить пространство между на-

ми. Мы были не их, чем-то мы от них отличались, мы были чужие.

Тогда нам пришла в голову мысль пристроиться к колонне, шествующей сзади. Мы начали намеренно отставать от неприятливого хвоста, надеясь, что головная часть задних товарищей отнесётся к нам более благосклонно. Но странное дело, мы отставали и отставали, а расстояние между нами и идущими сзади ни на метр не сокращалось: медленнее шли мы и настолько же медленнее двигались они. В удивлении мы обернулись и напоролись на несколько десятков сердитых чёрных глаз, недовольных нашими хитроумными манёврами: сзади шла армянская диаспора. По всей видимости, они тоже не хотели брать нас к себе, чем-то мы и от них отличались, и, похоже, даже больше, чем от предыдущего коллектива.

Между тем звуки оркестра раздавались всё громче, всё более вокруг становилось милиционеров, и всё подозрительнее они смотрели на нас, идущих без флагов и транспарантов, этих явных признаков организованной группы. Букетики цветов в руках детей на явные признаки не тянули. «Воленс-неволенс» надо было прибавиться к одной из двух колонн. Шансы сойти за армян для нашей светловолосой семьи представлялись менее осуществимыми.

Интересно, но в идущей спереди колонне встретили нас теперь более приветливо: лица наши были им уже знакомы. И в конце концов, они ведь не знали наверняка, может, мы

тоже принадлежим к их организации? Кстати, не мешало бы выяснить, к какой точно организации мы теперь принадлежим. Ответ оказался лучшим из всего, что можно было предположить: мы шли в колонне «партии власти» – «Родимой России», и нас в этой колонне признали за своих!

Везёт же так в жизни! Вытянув шею, я посмотрел, кто идёт впереди – а это оказалось непросто, всё-таки наше представительство было самым многочисленным на празднике! – и обомлел: впереди шла вся элита Сбоковской области, политическая, чиновничья и деловая, все эти солидные дядьки и тётки, такие простые и демократичные сегодня. И мы, обычная сбоковская семья, находились среди них (ну, пусть хотя бы сзади них) и ощущали их плечо (нет, когда сзади, то, вроде, не плечо)... ощущали переполнявшую нас радость.

Да что говорить! Я видел по телевизору, как юные тридцатипятилетние активисты молодёжного крыла «Родимой России» собираются на свои слёты, как они, счастливые, обнявшись друг с другом, прыгают и смеются. Мне раньше их счастье казалось показным. А теперь я сам испытал нечто подобное. Вот, честное слово, так бы кого-нибудь схватил, обнял и запрыгал, смеясь. Какую-нибудь активистку из молодёжного крыла! Но и без прыжков было хорошо. Без сомнения, нам достался сегодня счастливый билет. И я подумал, что с этой партией, возможно, буду теперь навсегда.

Мы шли и смотрели по сторонам. По левую руку стоял и махал нам рукой мэр города Виноградов: высокий, креп-

кий (у него в кабинете стоит пара гирь), в длинном чёрном плаще, широкополой шляпе и сигаретой в зубах – ну, чисто шериф с Дикого Запада, такой импозантный у нас мэр. Мы помахали ему в ответ. По правую руку, отгороженный красной лентой, толпился и глазел на нас народ, ожидая своей нескорой очереди. Мы помахали и народу. А очередь наша неспешно и солидно приближалась. Вот уже показался памятник и почётный караул. Я посоветовал детям приготовить цветы.

И вдруг нас начали отеснять в сторону какие-то парни с повязками «Родимой России». В сторону от памятника! Я хотел сказать, что это недоразумение, что мы не народ, а идём в колонне партии власти, в нашей многочисленной сплочённой колонне. Но оказалось, всё правильно. Именно из-за этой многочисленности солидные дядьки и тётки решили, что возлагать цветы от нашего имени пойдут только они, а всем остальным дали указание памятник обогнуть и идти напрямиком к месту сбора.

Мы заметались. Нам нужно было дальше! Из-за чего мы тогда рисковали, пролезая в запретную зону под страшную красную лентой, из-за чего пошли на политическую сделку со своей, ранее девственно-чистой, совестью? Нам нужно было дальше!

Мы хотели было кинуться вновь к армянам, но за время, прошедшее с нашей последней встречи, они не стали к нам благосклоннее. Хотели сами двинуться вперёд, но парни в

повязках, перегородив дорогу, всё настойчивее теснили нас на тротуар.

И тогда мы толкнули своих детей и сказали: «Бегите!» Дети пригнулись, нырнули под руки парней, выскочили на открытое пространство и что есть сил побежали к памятнику воинам Великой Отечественной войны. Партийные вожди уже покинули место поминовения, армянская диаспора ещё к нему не приступила, и наши дети бежали одни по пустому открытому пространству, которое простреливалось десятками настороженных глаз, чтобы положить к серым гранитным плитам букетики весенних цветов. И они добежали, и они положили. Мы с Олей чуть не плакали, всё получилось.

– Сдаём Путина и транспаранты! – ходили между тем по нашим рядам парни и реквизировали всё, чем ещё пять минут назад весело махала колонна.

И к моему удивлению, забрали даже маленькие флажки, которые обычно оставляют у участников в качестве сувениров. У нас не было флажков, мы не несли Путина и потому быстро освободились и направились к близлежащему Александровскому парку. Я намеревался покормить там семью шашлыками и заодно разобраться в своих непростых теперь отношениях с «Родимой Россией».

Взяв шашлыки, мы устроились на скамеечке и, греясь в лучах весеннего солнца, наблюдали, как сидящий неподалёку женский коллектив, пройдя в одной из организованных колонн, поднимает к небу стаканчики и с чувством распева-

ет:

*Давай за них, давай за нас,
И за десант, и за спецназ...*

Последний раз я слышал нечто подобное в студенческом «колхозе», когда мы ехали в одном автобусе с первокурсницами-филологинями, и они по-бабьи душевно и немного грустно тянули дембельское:

*Буду пить и гулять,
Буду женщин ласкать,
Буду службу свою воспомина-ать...*

Сидя в Александровском парке, я всё никак не мог определиться с политическим выбором. Мы ели шашлыки, слушали песню про спецназ и не знали ещё, как и все сидящие вокруг, надевшие на выход свои лучшие костюмы, что скамейки наши были выкрашены только вчера, а может быть, даже сегодня утром.

Отодрав штаны, я увёл семью из парка. А заодно покинул «Родимую Россию». И дело даже не в том, что меня в её составе не пустили к памятнику погибшим воинам. Просто я справедливо рассудил, что эта партия и без моей скромной персоны наберёт столько голосов, сколько потребуется для победы. Так оно и вышло.

Глава 25

Здравствуйте, Гена и Таня!

Поговорил с тобой, Гена, по телефону и послушал, как тебя выгнали из газеты за статью про металлургический комбинат: раньше награды давали, а не то сказал – и будьте любезны. Это тебя редактор сдал, за себя перепугался и сдал.

Конечно, в Магнитогорске не может быть свободы слова, как не может там быть демократии вообще. Потому что в Магнитогорске есть пуп Магнитогорска, название которому – металлургический комбинат. Что ты, естественно, лучше меня знаешь.

Демократия это ведь не власть народа, а апелляция к народу, подобно тому, как скандалящая с пьяным мужем жена призывает в свидетели выскочивших на шум соседей:

– Вы посмотрите, что он вытворяет!

В более общем смысле демократия – это существование и борьба двух и более равных сил – а я бы сказал, денежных мешков – при отсутствии авторитарного центра (прошу прощения, мантию поправлю).

В демократическом обществе политики и пресса выступают с сенсационными разоблачениями, а полиция и суд стоят на страже закона только потому, что такая возможность обеспечена им данной борьбой. Каждая из сторон задушила бы на корню любую критику в свой адрес, да ещё вывесила

ла бы её, задушенную, на всеобщее обозрение, чтоб другим неповадно было. Но всячески поддерживает, а большей частью инициирует сама удары в сторону противника, пылая при этом демократическим гневом.

Конечно, эти силы не могут возникнуть на пустом месте (вы хоть с должным вниманием читаете, а то, может, я тут зря распинаясь?), они вырастают исключительно из буржуазной, а точнее, из мелкобуржуазной среды, питаются ею и зачастую потом в ней исчезают. Но это уже другой вопрос. Главное, что только в таких условиях может существовать максимально возможная, но уж, конечно, не полная свобода слова.

Полной свободы, по крайней мере, в этом мире, нет. Помнишь, учил нас на факультете (по Гегелю и Ленину, что ли?) декан Боб Лозовский: «Свобода – это осознанная необходимость». Правы были эти старики, Крупский и Лозовский: главное в свободе – понять её границы. Ты, кстати, что, забыл, как на факультете нашу газету прикрыли? Ладно хоть времена тогда изменились, а то бы и нас с тобой в универе вместе с газетой прикрыли.

В Магнитогорске, видимо, времена изменились не сильно. Поэтому я тебя призываю, Гена, быть благоразумным.

А твоим начальникам за свои поступки когда-нибудь придётся отвечать. Да, господа, придётся! Есть Высший суд! Который выше даже, чем руководство Магнитогорского металлургического комбината. Можете себе представить – выше!

И на том суде спросят: по какой причине вы уволили лучшего журналиста вашего издания Григорьева?

У нас в городе я уважаю газету «Сбоковский обозреватель», её главного редактора Зачинина. Я тебе, Гена, рассказывал: он философ, неформал и экстремал. То есть окончил философский факультет, кстати говоря, нашего, Уральского, университета; оказавшись по распределению в Сбокове, стал принимать активное участие в перестроечных («неформальных», как тогда называли) демократических объединениях, чем тут же привлёк к себе внимание КГБ; а сейчас занимается экстремальными видами спорта: в ледяной воде по часу плавает, по горам дистанции бегает – ну, ясно же, человек не в себе, все три признака на это указывают.

Я его впервые увидел по телевизору в дни путча 1991 года, в дни ГКЧП. И Зачинин, без сомнения, производил впечатление странного, но смелого человека. В то время как мы с трудовым коллективом уже вовсю обмывали кончину так недолго просуществовавшей перестройки (большинство склонялось к тому, что путчисты победят), он со товарищи – со демократические товарищи – вторгся в телеэфир и начал призывать людей выходить на улицы и оказывать сопротивление реакции. Я, поддавшись призыву, вскочил и хотел было идти оказывать сопротивление, но, как выяснилось, уже не совсем твёрдо стоял на ногах, и, к тому же, меня стали удерживать окружающие. «Может, оно и к лучшему, – рассудил я. – Уж если мне тяжело оказывать сопротивление кол-

легам, то реакция меня и подавно победит».

Справедливости ради надо сказать, что ни прогрессивных сил, ни реакции в те дни на улицах Сбокова не наблюдалось: все напряжённо ждали, чем закончится противостояние в Москве, и лишь самые отчаянные срывались с места и мчались в гущу событий, в столицу.

Потом, после победы над путчем, спустя какое-то время Зачинин начал издавать газету. Назвал он её «Сбоковский обозреватель», и появление этой газеты стало, пожалуй, одним из самых значимых событий в политической жизни Сбоковского края – тема, которая ещё ждёт своих исследователей на многочисленных факультетах журналистики города Сбокова.

Написал эти строки и за голову схватился. Раньше, Гена, насколько я помню, в России существовало три факультета журналистики: Московский, Ленинградский и наш, Уральский (ну, не считая Института международных отношений, МГИМО, вуза особенного). И на эти три факультета, Гена, стремились поступить одарённые молодые люди со всех концов нашей необъятной страны. Поступить же туда удавалось немногим – лишь лучшим из лучших, лишь самым одарённым (как ты считаешь?). А сейчас, Гена, только в городе Сбокове факультетов журналистики несколько.

Да что факультетов журналистики! Сколько в России университетов было? На пальцах одной, ну, полутора рук (толь-

ко руку отхватить вдоль, чтобы пальцы остались) пересчитать хватит. Все университеты являлись учебными отделениями серьёзных научных школ, и образование в них считалось не только престижным, но академическим (пусть не про меня конкретно речь). А сейчас в телефонном справочнике города Сбокова, Гена, есть отдельная глава «Академии. Университеты. Институты».

И всё бы ничего, но я сам слышал, как выпускники языкового факультета государственного университета говорят «положить» и «звонишь». Государственного университета! А что требовать с многочисленных частных вузов? Вот так наложут людям в университете знаниев, и идут они потом с наложенным по жизни. Может быть, поэтому одно из крупнейших рекламных агентств Сбокова, рассказывая о себе, на протяжении нескольких лет писало слово «агентство» без буквы «т».

Говорю я это не в укор учебным заведениям Сбокова, тем более, что ряд из них, особенно в системе среднего образования, высоко котируются в масштабах даже всей страны. И уж тем более не в укор учащимся: они получают то, что даёт им среда. Это я – в укор реформаторам от образования.

А ещё мне нравятся ПТУ – профессионально-технические училища, которые на Урале в просторечье именуются «шарагами». Теперь они по всей стране носят особое, трепетное для России имя – лицеи. Идут, бляха муха, лицеисты по улицам, сосут пиво из банок, с хрена на хрен всех посыла-

ют. Это ж надо такое придумать, про лицеи. Так свою культуру не уважать! Ещё раз: речь не об учащихя и не о выпускниках училищ – часто профессионалах, мастерах своего дела. Речь о вышеупомянутых господах.

Услышав недавно от жены «Go in попу», я ужасно оскорбился: ну, сказала бы просто «отстань», а то сразу посылает: «Гоу ин попу!» Но оказалось, что оскорбляться никакого повода нет, просто она читала мне объявления о приёме на учёбу в эти самые лицеи, профтехучилища, получившие в свете последних образовательных реформ ещё одно обозначение. Я заглянул в газету. Средние школы там именовались «МОУСОШ» (очевидно, под некой аббревиатурой), а училища, действительно, «ГОУНПОПУ» (непривычно, конечно, но что-то в этом есть). Средние Специальные Учебные Заведения назывались «ССУЗЫ», по аналогии с чем я предложил именовать остальные Средние Учебные Заведения – «СРУЗЫ», чтобы вместе они, «ссузы» и «срузы», могли составить полноценную пару.

И всё же вернёмся к «Сбоковскому обозревателю». Зная его редактора, можно предположить, чем очень скоро стала газета в городе Сбокове. В городе Сбокове газета очень скоро стала бельмом в глазу для властей и связанного с ними бизнеса. Она добывала факты, вскрывала нарушения, давала резкие оценки, боролась за справедливость. Лезла куда надо и куда не надо и, вроде как, ничего не боялась. Именно

благодаря этой газете мы многое узнавали о скрытой стороне сбоковской жизни, и именно её я чаще всего имею ввиду, говоря: «Газеты по такому-то поводу писали». Правильнее было бы сказать: «Обозреватель» по такому-то поводу писал.

Писал, кстати, не всегда по делу.

Мы с Рифатом, моим бывшим партнёром по бизнесу, снимали под офис комнату в небольшом особняке. А другие комнаты, как выяснилось, там снимали бандиты. Подобное соседство вызывало у нас психологический дискомфорт: с подозрением глядящая охрана, видеокамеры на каждом шагу (заходишь в туалет и гадаешь, смотрят на тебя или нет, но на всякий случай рукой помашешь), постоянные «стрелки» и «разборки».

Один раз на этаже взорвали что-то газовое, другой раз нас просто не пустили, посоветовав для нашей же безопасности немного погулять. А в третий раз кто-то попытался взорвать их «главного».

«Главный» в сопровождении охраны начал отъезжать от крыльца, как вдруг стены здания сотряс мощный взрыв. На работе у нас находился только Архипыч (помните про антонимы?). Он бросился к окну. Оказалось, «главному» повезло: его машина взяла с места слишком резко и успела проскочить мину за секунду до взрыва. А через секунду после взрыва умчалась вместе с автомобилем сопровождения.

Архипыч кинулся вниз, к своей припаркованной поблизости «Ниве». К его несчастью в кузове машины зияло

несколько пробоин. Тут из здания высыпали «братки», вскоре прибыли оперативники. А вслед за ними приехали и мы с Рифатом: что случилось? Весь в расстройстве Архипыч показал пострадавшую «Ниву». Посмотрели мы на пробоины и подумали, что точно такие же могли быть у нас в голове.

Поэтому через два дня сидели уже, от греха, в новом офисе и читали в «Сбоковском обозревателе» комментарий к случившемуся. «Обозреватель» начисто отметал версию о том, что взрыв был направлен против обитающих в здании людей, а связывал его с находящимся поблизости предприятием. «В данном же здании, – писал «Обозреватель», – располагаются только никому не известные, малозначительные фирмы».

Этого я «Сбоковскому обозревателю» никогда не прощу! Написал бы: «Там располагаются солидные фирмы (по крайней мере, одна из них), которые в силу своего статуса не могут иметь отношения к происшедшему». А то – «никому не известные, малозначительные», читать противно!

Но если простить газете эти редкие оплошности и попытаться оценить её деятельность в целом, то в целом – хорошо, что она в Сбокове есть. Несмотря на приходящую тут же на ум поговорку «Собака лает, караван идёт». И это вина не газеты, а времени: она обличает – они идут дальше... И всё-таки зачем «Обозреватель» написал, что наша фирма малозначительная?!

Впрочем, однажды Зачинин по-настоящему власти напу-

гал: он выдвинул свою кандидатуру на должность мэра и начал уверенно набирать очки. Мне-то кажется, ему выдвигаться не стоило: внешность у него не представительная, говорит так себе, не пламенно и не очень внятно. Но он выдвинулся и пошёл в гору.

И они забеспокоились. В газету одна за одной зачастили проверки: налоговая, пожарная, из департамента печати... Находили мелкие нарушения, но всё это было не то.

И тогда Зачинина решили объявить... наркоманом! Домой и на работу к нему нагрянули люди в масках, всё, как водится, перевернули и, естественно, «нашли» в кабинете пакетик с марихуаной. И тут же завели уголовное дело. Но что за уголовное дело без свидетелей? Хотя бы один, да нужен. И свидетель появился. Это был деклассированный элемент, бомж. Он припомнил, как стоял однажды на улице и увидел идущего мимо мужчину, в котором узнал главного редактора газеты «Сбоковский обозреватель» Зачинина, фотографию которого где-то однажды видел. Зачинин шёл и курил, и по запаху сигареты элемент безошибочно определил, что курит тот марихуану.

Всё-таки, я считаю, в юридических вузах надо больше внимания уделять сочинениям. А то, вроде бы, кажется, дисциплина не основная, пусть лучше право изучают. Да ведь жизнь показывает обратное: это право дисциплина не основная, оно, зачастую, вовсе не нужно, а сочинения как раз ежедневно востребованы. А то – что они там понаписали? Ка-

кой-то бомж чего-то там учуял. Да не смешите мои тапочки! И потом, почему они упустили из виду: Зачинин не курит! Он, как известно, спортсмен-экстремал.

Короче, народ ни сомнительным элементам, ни «ментам» не поверил. И популярность кандидата в мэры продолжила расти.

Поэтому за несколько дней до выборов провластные политтехнологи выкинули свой главный козырь. В одно утро на всех столбах и заборах города появились листовки: «Не пустим криминал во власть!» Под сим громким заголовком располагалась фотография Зачинина в обнимку с уголовными авторитетами, а лаконичный текст утверждал, что главный редактор «Сбоковского обозревателя» давно и прочно связан с местным криминалитетом, на деньги которого издаёт свою газету. И теперь на те же деньги всеми способами рвётся к власти.

Тёмные времена бандитского правления надвигались на Сбоков. Газеты запестрели подтверждающими листовку материалами; телевидение крутило фильмы, в которых пережались кадры бандитских разборок, мешков с деньгами и свирепой физиономии Зачинина; а губернатор Силыч Мироненков, указывая на новоявленного уголовника, просто-напросто просил-умолял избирателей остановить движение преступности во власть.

И люди дрогнули, засомневались. Слишком много раздалось обвинительных речей с самых разных сторон, с самых

разных высот. И если уж сам губернатор говорит...

Ошарашенный Зачинин пытался оправдаться, наиболее верные его сторонники призывали горожан не верить абсурдным обвинениям, но, как известно, чем грандиознее ложь, тем легче люди в неё верят. Признаюсь, и я не отдал бы в тот момент за Зачинина, не то что голову, пальца бы своего не отдал. В общем, Зачинин выборы проиграл.

И сразу же смолкли телевидение и газеты. А отряды уличных рабочих соскребли с заборов скандальные листки, которые, как выяснилось, вообще неизвестно кто изготовил. Уголовное дело по употреблению и хранению наркотиков было прекращено (тут за Зачинина впряглись столичные правозащитники, а с этой публикой воевать – себе дороже). И только губернатор Силыч долго ещё не мог успокоиться и время от времени в своих выступлениях пугал мирных сбоковских жителей страшной криминальной газетой.

Не смирившись с поражением, Зачинин подал в суд. Суд был. Он признал фотографии на листовках сфальсифицированными, обвинения не соответствующими действительности, но отказался признать их влияние на ход голосования и таким образом окончательно утвердил итоги выборов.

И несостоявшийся мэр занялся своим прежним делом: критикой в газете «Сбоковский обозреватель» недобросовестных чиновников и приближённых к ним бизнесменов. За что его однажды, как я уже как-то рассказывал, чуть не зарезали, да он убежал. А когда вылезся, занялся своим

прежним делом: критикой в газете «Сбоковский обозреватель» недобросовестных чиновников и приближённых к ним бизнесменов. Ну, явно человек не в себе.

Глава 26

Сам я, хоть и уважаю газету «Сбоковский обозреватель» и её главного редактора, к горячим сторонникам господина Зачинина всё же не отношусь, потому как имею для этого личные причины. Потому как дважды с ним общался.

Первый раз во время очередной своей рекламной кампании.

Вообще-то, мне нравится общаться со средствами массовой информации, если я предстаю перед ними в облике заказчика рекламы, то есть рекламодателя. Это чудесный облик! Чудесный в смысле не только прекрасный, но и творящий чудеса. Увидев меня в сём облике, сотрудники рекламных отделов мгновенно начинают источать в мою сторону непередаваемо нежные чувства. Моё мнение ценится, мои соображения вызывают восторг. Я выскажу пожелание, и оно обязательно будет учтено. Я сострою, и над моей шуткой будет неделю до слёз хохотать весь рекламный отдел.

Если бы я поймал золотую рыбку, то после нового корыта для жены и кроссовок для Ксении (её-то совсем малы стали) заказал бы рыбке быть мне всю жизнь рекламодателем в окружении рекламных агентов и провёл бы остаток дней своих без волнений и тревог в почтении и любви. И пусть рыбки до сих пор нет, всё же иногда доводится мне устраивать рекламные кампании, а значит, получать сверх обычно-

го порции положительных эмоций.

Набирая по телефону номер «Сбоковского обозревателя», я был почти уверен, что смогу договориться с ними по одному, как мне казалось, выгодному для обеих сторон проекту.

Как и ожидалось, на том конце провода звонку очень обрадовались. Они с готовностью выслушали меня, согласились, что проект действительно безумно интересен, и невероятно сокрушались по поводу того, что не могут дать ответ немедленно и сами, поскольку он находится в компетенции главного редактора.

«Что ж, главного редактора так главного редактора, – подумал я. – Надо же когда-нибудь познакомиться». И решил нанести в «Сбоковский обозреватель» деловой визит.

Собираясь к главному редактору газеты Зачинину, я оделся так, как одеваюсь обычно на официальные встречи: в деловой костюм, ибо считаю, что для контактов между людьми существуют определённые правила поведения и внешнего вида, соблюдение которых не только является признаком хорошего тона, но и помогает в достижении результата, а игнорирование – наоборот. Причём как в деловых отношениях, так и в личных.

Например, трудно добиться расположения будущих тестя и тещи, если во время первого визита в их дом вы окажетесь небриты, нетрезвы, закурите без разрешения в комнате и отшвырнёте ногой хозяйского кота. И напротив, можно и нуж-

но так выглядеть и вести себя во время последнего визита к родственникам теперь уже бывшей жены, с тем чтобы продемонстрировать им свою независимость, полное безразличие к случившемуся и заявить, что ни одной копейки сверх положенного они с вас не получат!

Соискателю не удастся устроиться на работу, если он придёт в кабинет к руководителю голым и, откинувшись на спинку стула, начнёт беседу на отвлечённые темы. Но в том же самом виде, в той же позе и с теми же беседами, оказавшись с тем же руководителем, благодаря хорошему знакомству, в бане, соискателю может достаться желанное место с большой долей вероятности. А соискательнице тем более.

Существует ритуал, церемония проведения различных мероприятий, и этих правил, пусть неписаных, желательно придерживаться. Не отправляйтесь на день рождения без подарка, или хотя бы без цветка – на день рождения нужно приходить с подарком. Не рассказывайте соседям по столу всю правду об имениннике – в этот день и в этом месте правду об имениннике говорить неприято. И хотя подобных тонкостей существует огромное количество, все их запоминать нет необходимости: тонкости нужно не столько знать, сколько чувствовать.

Очень хорошо это получалось у одной моей сокурсницы. Она любила яркую косметику и короткие юбки – она любила нравиться мужчинам. Но как-то раз ей пришлось сдавать предмет «Техника газеты» незабвенному преподавателю Чи-

чиланову, который, хоть и был тогда уже на пенсии, продолжал вести занятия. Я полагал все рассказы о нём сильно преувеличенными, пока сам однажды не увидел, как он надел студенту на голову газету (точнее, не на голову, а на шею, порвав газету через голову) за то, что тот перепутал бабашки – элементы типографского набора. А это его: «Пойду перекушу, – и после паузы, – кому-нибудь горло!» Неспроста по факультету ходила красивая легенда о том, как один курс выписал Чичиланову на дом журнал «Свиноводство», и Чича потом в течение года каждый месяц получал сто номеров этого увлекательного издания.

И вот моей однокурснице предстояло «Технику газеты» сдать. Обычно, если преподаватель был мужчина, она надевала на экзамен не короткие, а очень короткие юбки. Но в данном случае ситуация была иной. Когда мы увидели её перед кабинетом Чичиланова – то открыли рты.

Это не была наша однокурсница, к которой мы давно привыкли. У кабинета стояла передовая работница-многостаночница, пришедшая с завода на студенческую скамью овладеть знаниями: ни следа косметики, честный, открытый взгляд, собранные в пучок на затылке волосы, строгий костюм ниже колена и, что нас особенно впечатлило, комсомольский значок на груди. Именно на этой груди комсомольский значок смотрелся особенно трогательно.

Но она не обратила на наши смешки никакого внимания, лишь послала куда-то не совсем прилично. Она была в об-

разе, бледна и собрана. Она знала куда идёт, к какому преподавателю, и знала, как в данном случае себя вести. Она была адекватна ситуации. И поэтому предмет сдала, пусть и с четвёртого раза. Пусть и кричал Чичиланов после каждой попытки на весь факультет:

– Вы, матушка, дура-с!!!

Но все правила церемонии были соблюдены, обе стороны остались довольны, и потому результат оказался достигнут.

Мой предстоящий визит к Зачинину я тоже рассматривал в качестве церемонии: церемонии посещения руководителя одной организации руководителем организации другой.

Я пришёл в рекламный отдел.

– Здравствуйте, – заулыбались мне. – Пойдёмте, вас ждут.

Я был доволен. Именно так и должен был начинаться подобный визит. Мы зашли в комнату, заполненную сотрудниками, а затем свернули у шифоньера. Открывшийся взору закуток, очевидно, являлся кабинетом главного редактора крупнейшей в то время газеты Сбоковской области. Там помещался стол, за которым сидел сам редактор, и пара стульев. А впрочем, может, у Зачинина был где-то и другой кабинет.

– Это к вам, я говорила, – представили меня.

И оставили нас вдвоём. Я заметил, что главный редактор Зачинин не разделяет мои взгляды на ритуалы официальных встреч. Он не был одет в цивильный костюм, он был одет в старую футболку и вытертые джинсы.

«Неудивительно, – с улыбкой подумал я, – неформал-экстремал, так сказать, пусть, это даже оригинально».

Удивительно было другое. Я стоял, а неформал-экстремал не обращал на меня никакого внимания. Он работал на компьютере и грыз семечки, шелуху от которых складывал здесь же на столе.

– Здравствуйте, – громко поздоровался я.

Глянув на меня мельком, неформал ответил и продолжил свои занятия. Я был обескуражен: он даже не предложил сесть!

– Говорите, – сказал Зачинин, не отрываясь от занятий.

Делать нечего, я заговорил. Я стоял перед столом и рассказывал о своём предложении, доказывая привлекательность его для обеих наших сторон, а Зачинин грыз семечки и занимался своими делами. Такого оригинального ритуала я, какой-никакой бизнесмен, не встречал ни в одном чиновничьем кабинете.

– Нет, – сказал главный редактор Зачинин, когда я закончил, – это предложение нам не подходит. – И наконец посмотрел на меня. – Тактически, может, оно и выгодно. Но стратегия важнее тактики.

Я понял, что аудиенция завершена, и, попрощавшись, удалился. И в тот же день договорился по поводу своего предложения с двумя другими газетами.

А от встречи с главным редактором Зачининым у меня остались опыт новой церемонии и глубокомысленная фраза:

«Стратегия важнее тактики».

Немного о правилах хорошего тона. Один мой коллега, с которым мы обедали за соседними столиками в одни и те же часы, был человеком воспитанным и, приступая к трапезе, неизменно говорил окружающим:

– Приятного аппетита!

– Приятного аппетита! – отвечали ему в ответ.

Отобедав, он поднимался и желал нам:

– Приятного пищеварения!

Мы что-то мычали и старались после обеда одновременно не заходить с ним в туалет, ибо, скорее всего, он продолжал оставаться воспитанным человеком и там.

Глава 27

В другой раз я имел честь беседовать с главным редактором «Сбоковского обозревателя» Зачининым по телефону. Это было как-то в период Сезона похудения.

Каждый год, лишь только первые весенние лучи пригреют заждавшуюся тепла землю, лишь только – цвирк-цвирк – зашвистит в лесу первая коростель (честно говоря, затрудняюсь сказать, живёт ли в лесу коростель, свистит ли она «цвирк-цвирк», и вообще, умеет ли она свистеть), лишь только первый бродячий кот с интересом посмотрит на проходящую мимо домашнюю кошечку – каждый год с началом весны многих женщин начинает охватывать знакомое им чувство беспокойства.

Это чувство лишь отчасти связано с беспокойством весеннего томления, но больше имеет основой такое состояние души как самокритика. Женщина начинает укорять себя за зимнюю невоздержанность в еде, за употребление излишне калорийных напитков и за леность к исполнению физических упражнений, что тут же ею самую объясняется абсолютным отсутствием свободного времени.

Она пристально рассматривает собственное изображение в зеркале, примеряет прошлогодние платья, она по несколько раз в день взвешивается на весы. И в состоянии теперь уже не беспокойства, а почти паники, решает что-то предпринять,

причём немедленно.

Это раньше, когда женщине нужно было похудеть, она просто садилась на диету.

Ах, диета, то нельзя и это,

Ах, диета, ну просто мука это...

А сейчас... Каких только средств нет! И наружных и внутренних: мажься, глотай, жуй, массируй. А потом по другой системе: жуй, массируй, а уж затем мажься и глотай. Правда, всё это «несколько стоит». Ну да чего ни сделаешь ради... А кстати, ради чего? Ради чего, ради чего... Ради мужа! Конечно, ради мужа! Именно ради него она готова принять такие муки! Ради него, неблагодарного, который наверняка начнёт возражать и горячиться, когда узнает, в какую сумму для семейного бюджета обойдётся кратковременное уменьшение любимых форм. Но при чём здесь деньги? Он просто не способен понять женщину и оценить приносимые ею жертвы. Поэтому в такие дела его лучше вообще не посвящать.

И приняв сие мудрое решение, женщина отправляется в магазин. Дан старт новому Сезону похудения.

Вначале мы очень стеснялись продавать у себя товары для похудения. Мы думали: «А вдруг покупатель не похудеет, вдруг останется недоволен? Что он тогда скажет о нас? Как мы будем после этого жить?» Но раз я до сих пор вожу дро-

жащим пером по этой бумаге, пока жена моя работает в офисе, значит, мы ещё живы. Даже несмотря на то, что пышных покупателей за все годы нашей сомнительной деятельности – в городе Сбокове ничуть не убавилось.

Живы, ибо выяснилось, что если покупатель не худеет с какого-то купленного им средства, он тут же начинает требовать средство другое, наверняка лучшее, но доселе ещё не опробованное им. И остаётся очень недоволен, если вдруг такого средства в продаже нет.

Потому что, как уяснили мы со временем, в борьбе с лишним весом совсем не обязательно побеждать. Для человека гораздо важнее сказать себе: «Я честно бился и честно проиграл». И заесть поражение ароматной булочкой. А потом воскликнуть: «Но проиграл только сегодня! Дайте же мне, чёрт побери, ещё один (сто один) шанс!»

Потому что про наши средства нельзя сказать, будто они не помогают. Они помогают. Но только тем... («Но только тем, кто ни секунды не будет думать о белой обезьяне, – говорил Хаджа Насреддин. – Ах, вы уже подумали?» Нет, конечно же, у нас не так). Только тем, кто сможет в добавление к нашим средствам больше двигаться и меньше есть. Не ахти какое правило, и известно оно каждому худеющему. Ах, вы очень мало двигались? Ах, вы представили белую обезьяну? Тогда чего же вы хотите? Средство, которое само, без усилий сделает вас стройными? Но такого нет. Ах, вы требуете, вы настаиваете? Тогда вот, специально для вас. Производитель

утверждает, что это как раз то, что вам нужно, то есть то, что делает всё без вас, само.

И мы продаём ему его желанное «само».

Это «само» бывает разным. Однажды мы продавали его электрическое, некоего отечественного завода. Оно неплохо расходило, и мы возили и возили его, пока не выяснилось, что электрическое «само», вопреки утверждению производителя, имеет весьма невысокое качество. Оказалось, что оно частенько бьёт худеющих электрическим током, и оказалось, что худеющие уже выстроились в длинную очередь, горя желанием сдать нам наше чудо обратно.

Мы связались с поставщиком, который нехотя согласился, что такие случаи с их продукцией бывают (но чрезвычайно редко!). И они готовы принять у нас бракованный товар (но только действительно бракованный!), для чего нам необходимо на месте провести предварительную экспертизу.

Легко сказать «провести экспертизу»! А как? Разные сервисные центры от нашего «само» в ужасе открестились, а у нас в фирме штатной единицы эксперта по бракованным электроприборам для похудения не предусмотрено. Поэтому, как всегда бывает в подобных случаях, в роли эксперта пришлось выступить мне самому. Я не ходил с умным видом в белом халате, не измерял приборами напряжение в начале и в конце цепи и не высчитывал разность потенциалов. Дома я долго отмывал каждое «само» щёткой с мылом, обильно протирал для дезинфекции спиртом и, обливаясь слезами,

закреплял его ремнями на голом теле. На своём, замечу, голом теле. А потом, содрогаясь от предстоящего, поворачивал тумблер. И меня начинало бить током.

До сих пор, как только я вспоминаю те ужасные минуты, меня бросает в жар и в слёзы. Мне было больно, и я кричал. Из фильма «Семнадцать мгновений весны» мы знаем, что во время родов женщины кричат на родном языке. Могу свидетельствовать, что во время испытания бракованных электроприборов для похудения мужчины кричат на том же языке, хоть и не могу поручиться, что кричат то же самое. Мне было больно, я ругался на чём свет стоит, но не мог выключить прибор до тех пор, пока не были проведены испытания в различных режимах.

Это продолжалось не день и не два, это продолжалось месяцы (слишком хорошо электрическое «само» поначалу расходилось). Я таял на глазах, я стал нервный и замкнутый. Я боялся теперь не только нашего «само», но и обычных электроприборов, а также расчёсок, способных вызывать потрескивание в волосах. А безобидное, в общем-то, словосочетание «эбонитовая палочка» вызывало во мне необъяснимую ярость и бурный поток слов, в котором нечто похожее на «эбонитовая палочка» слышалось довольно часто.

И когда наконец большинство адских машинок было покупателями нам возвращено, пройдено сквозь меня и отправлено поставщику, долго не мог в это поверить и жил в напряжении ещё двенадцать месяцев, целый год – пока не за-

кончился указанный сумасшедшим производителем гарантийный срок на его страшное изделие.

Потом у нас появилось ещё одно «само» – в виде чая. Мы вначале не очень представляли, что это такое и думали: «Ну, чай он и есть чай. Только в некотором роде волшебный. пьёшь и худеешь». Но выяснилось, что волшебство чая было особого свойства – слабительного. Вернее так – кошмарно слабительного. И раньше всех об этом узнали наши продавцы, которые выпив с утра по чашечке, отправились на работу и едва не сорвали нам дневную выручку. А уже потом про это свойство стали узнавать другие люди, иногда для себя совершенно случайно.

К нашему знакомому, Лёне Арбузову, приехала в гости тёща. И, гуляя по городу, приобрела вышеозначенный волшебный напиток. Зашёл Лёня утром на кухню, видит – тёща чай не выпила, забыла, наверное. Допил за ней полстакана, а потом отправился по делам.

– Иду я по делам, – рассказывает Лёня, – и чувствую, что с дел пора возвращаться.

Развернулся и отправился домой.

– Только, – говорит, – чувствую, медленно я возвращаюсь, надо быстрее, причём гораздо быстрее!

И побежал.

– Бегу, а мысли об одном: как бы не опоздать!

Вбежал Лёня домой, пронёсся, сметая всё на своём пути, к туалету, толкнул заветную дверь – а она закрыта! Тёща

первые-то полстакана сама выпила и теперь сидит на унита-
зе худеет. Забарабанил Лёня в дверь, завыл нечеловеческим
голосом, перепугал тётцу до смерти. А как известно, испуг
не способствует быстрому освобождению туалета, а как раз
наоборот. И чем страшнее кричал Лёня, тем дольше не по-
лучалось у тётчи оставить заведение. Но, наконец, выскочила
она, как смогла, – и тот на её место. Насилу успел.

– Вышел, – рассказывает, – вытер слёзы с глаз, отдышался
немного и снова отправился по делам. Только, – говорит, –
чувствую, снова с дел возвращаться надо.

И опять помчался к дому.

Так он в тот день по одним делам ни разу не сходил, зато
по другим сходил многократно.

Интересно, что история эта вызывает у посвящённых
весьма живой отклик. Буквально на днях над ней от души
смеялся мой знакомый, Сергей (который с груздями). Ока-
зывается, они с сыном за неимением в доме другого чая, ре-
шили заварить чай мамин и потом весь день оба пытались
куда-то пойти, но, понятное дело, ходили только в одном на-
правлении. Хорошо хоть у них в квартире два... нет – три!
три туалета! Можно было ещё одного человека на чайную
церемонию пригласить. Длинная, надо сказать, получается
церемония, как и принято в Китае (чай-то китайский).

Но вернёмся к рассказу про главного редактора «Сбоков-
ского обозревателя» Зачинина. Продавали мы как-то один

препарат внутреннего употребления, популярность которого была очень высока. Ходили слухи, что кто-то похудел с него на пять килограммов, кто-то на восемь, а одна женщина утверждала, что у её соседки на работе сотрудница сбросила все семнадцать! Поскольку жулики, почувствовав конъюнктуру, мгновенно заполонили рынок подделками, мы вышли непосредственно на производителя и покупали препарат у него.

Вообще, подделка лекарств и биологически-активных добавок тема особая. Жулики штампуют их тоннами. Вид такой же, упаковка та же, только сырьё другое: не опасное (тут они не рискуют), а никакое, безвредное и, соответственно, бесполезное. Мы уж, вроде, точно знаем серьёзных поставщиков, берём у них давно, но иногда сами разводим руками.

Как-то покупали средство в упаковке по шестьдесят таблеток. А потом покупали его же в другом месте в упаковке по девяносто. И вот те, кто торговал «по девяносто», сказали, чтобы мы были осторожны: на рынке появилась подделка с отличительным признаком: в упаковке по шестьдесят штук.

– Нам, вообще-то, поставляют такое, – признались мы, – и, вроде бы, нормального качества.

– Что вы, – замахали они руками. – Недавно к нам приехал лично изобретатель этого средства и предупреждал о подделке «по шестьдесят».

Тогда мы попросили объяснений у тех, которые продавали «по шестьдесят». Те сказали, что про подделку знают, но

что фасуется она как раз в упаковку «по девяносто», а у них «по шестьдесят», и она-то и есть настоящая. А сам изобретатель продукцией не торгует, а торгует его дочь, и с ней они встречались на прошлой неделе.

– Ха-ха-ха, – сказали «по девяносто». – У изобретателя не дочь, а сын.

– Может, у него и есть сын, – сказали «по шестьдесят», – но торговыми делами он не занимается, а занимается дочь.

Ситуация требовала прояснения. Сертификаты с обеих сторон вызывали абсолютное доверие, так что можно было хоть сейчас глотать их вместо таблеток. Но люди, к сожалению, принимали внутрь не сертификаты, и отвечать за родственную неразбериху, пришлось бы, в случае чего, нам. И тогда мы обратились к московскому предпринимателю киевского происхождения по фамилии Хлопцов.

Хлопцов был не просто предпринимателем. Он был – свободным предпринимателем! Он был рождён вольным, как ветер, и мог бы, наверное, стать капитаном дальнего плавания, или бродячим артистом. Но стал предпринимателем. И особенности своей натуры реализовал в этой профессии.

Он терпеть не мог каких-либо рамок, докучливых указаний, или строгих требований. А потому не знал законов, не интересовался документацией и презирал налоги. Разговоры о перечислении денег через банк вызывали в нём уныние, словосочетание «счёт-фактура» испуг. Он отвергал излишества в бизнесе, и не только бумажные, но и техниче-

ские: очень долго у него не было даже компьютера, что нас несказанно удивляло.

Хлопцов понимал бизнес так: вот ты, а вот я, ты даёшь мне в руки деньги, я отдаю тебе товар. Это честно, это быстро и без лишних свидетелей. Возможно, кому-то такой способ ведения дел мог показаться примитивным, но зато вы всегда могли рассчитывать на то, что найдёте у него нужную продукцию и по очень привлекательной цене – только платите. Потому что Хлопцов знал всё и знал всех, знал места, где можно купить товар дешевле, и, что более важно, места, через которые дешёвый товар можно вынести. И хотя в последнее время по объективным причинам мы работали со Хлопцовым всё реже, за информацией по спорным таблеткам обратились именно к нему.

Хлопцов, как этого и следовало ожидать, преспокойно торговал и «по шестьдесят», и «по девяносто». Про борьбу между «родственниками» он слышал, но сказал, что пока неизвестно, кто из них победит, и тут же предложил нам оба типа расфасовки «дешевле, чем у остальных». Мы поблагодарили его, но сказали, что на всякий случай до выяснения ситуации прекратили продажу средства вообще. А через некоторое время Хлопцов позвонил и сообщил, что ««по шестьдесят» теперь считаются настоящими, потому что они победили окончательно».

И теперь, когда я смотрю на какие-либо таблетки, то невольно задаю себе вопрос: победили в данном случае или

нет они окончательно?

Так вот, торговали мы однажды весьма популярным препаратом. Как вдруг в одной из центральных газет появилась статья кандидата медицинских наук, который сообщал, что данный препарат чрезвычайно опасен для здоровья, продаётся без разрешения, а производителя по указанным телефонам обнаружить не удаётся. С прискорбием кандидат извещал также, что «по непроверенным данным на Алтае от этого средства один человек уже скончался».

И статью мгновенно, буквально в неделю, перепечатали многие региональные издания, в том числе и наш «Сбоковский обозреватель».

Ну, что с того, напечатали и напечатали, на то они и газеты, чтобы печатать. Если бы не одно «но». Нас вместе с нашими отделами чуть не разнесли покупатели. Они кричали, потрясали газетами и требовали вернуть деньги за употреблённый ими препарат. Пока за препарат. А потом, может быть, и за утраченное здоровье.

Мы в панике достали сертификаты и обнаружили, что на них имеются все необходимые согласования и разрешения. Позвонили производителю и в отличие от «кандидата в доктора» дозвонились с первого раза. Спросили, что за шумиха в газетах, и в ответ услышали со вздохом, что их предприятие, по всей видимости, решили «съесть». С этими данными можно было выходить к негодующей толпе.

– Господа покупатели, – обратились мы к её благоразу-

мию. – Наши представители только что разговаривали с производителем данного средства. Он заверяет, что вся продукция абсолютно качественная. А вот, пожалуйста, и бумаги. Вот же бумаги, господа! Имеются все разрешения. Господа покупатели! Господа покупатели!

Но господа выстраивались в очередь за деньгами, которые мы по угрозе вышестоящей инстанции – туда уже поступили жалобы – начали возвращать. И это для нас было опасно. Ведь если бы мы стали возвращать деньги за каждую проданную упаковку, то понесли бы катастрофические убытки. А за что? На каком основании? Поэтому я решил сделать упреждающий удар: написать свой «ответ Чемберлену» и опубликовать в том же «Сбоковском обозревателе».

О, как же хорош я был в этой статье! Как убедителен и авторитетен, как саркастичен, тонок и беспощаден. Я доказал нелепость обвинений, я показал фальсификацию фактов. Блеск стиля, мощь интеллекта, гейзер сатиры! Я просто сравнивал с землёй этого кандидата. Я выставил на всеобщее осмеяние его фразу «по непроверенным данным».

«Что ж, Алтай далеко, стерпит, – под предполагаемый хохот читателя острил я. – Но это пишет учёный, кандидат медицинских наук! Интересно, защитил бы он диссертацию, если бы на защите сказал: «Этот препарат плохой, потому что, по слухам, в Урюпинске, от него больным плохо. А этот хороший, так как, по непроверенной информации, в Васюках от него хорошо»?».

А в конце я наставлял оппонентов: «Бороться надо не с добросовестными предприятиями, а с дельцами, заполонившими страну поддельной продукцией. Защищаясь от подделок, производители вынуждены постоянно менять упаковку. И препарат, о котором мы сегодня ведём речь (и это нам по секрету сообщил представитель предприятия-изготовителя), скоро вместо синего пакетика будет фасоваться в фиолетовый. Так что будьте внимательны!»

Покупатель, без сомнения, должен был оценить статью и согласиться, что ею я нанёс сокрушительный удар клеветникам. А также вследствие этого отказаться от каких бы то ни было материальных претензий к нашей фирме. Оставалось только статью опубликовать.

Я позвонил главному редактору Зачинину и изложил суть дела: так и так, в связи с тем, что перепечатка в его газете статьи, тезисы которой не соответствуют действительности, наносит мне прямой урон, и финансовый, и имиджевый, не мог бы он в рамках освещения темы с различных точек зрения опубликовать и мой материал? Главный редактор Зачинин подумал и, не сказав ни да ни нет, предложил отправить ему материал по электронной почте. Что я и сделал, приложив нижайшую просьбу по возможности не очень тянуть с ответом.

Между тем покупатели продолжали нас осаждать, но я как воспитанный человек (если вы только что отобедали, то приятного вам пищеварения!) выдержал паузу и позвонил Зачи-

нину лишь через два дня. Оказалось, он статью ещё не читал и посоветовал мне позвонить к концу следующей недели.

Я едва дождался назначенного срока, но Зачинин и здесь ничего утешительного не сообщил: у него совсем не было времени на чтение. Мы договорились на следующий вторник. А в следующий вторник главный редактор Зачинин мне отказал. Он сказал, что статья большая, почти на полполосы, и в газете нет столько свободной площади. Аргумент, что моя статья ничуть не больше той, с которой она пытается спорить, его не убедил. На том мы и расстались.

С тех пор я стал относиться к главному редактору Зачинину с большим недоверием (продолжая, впрочем, выписывать газету «Сбоковский обозреватель»). И простил его лишь в начале нынешнего года, когда их редакция сделала в нашей фирме достаточно большую покупку, пусть и в обмен на рекламу. За такое я готов простить что угодно кому угодно. Расположение коммерсанта вообще очень просто завоевать. К тому же, как ни крути, другого издания, равного «Сбоковскому обозревателю», в области попросту нет.

А статью я опубликовал в другой газете. И на следующее утро у наших прилавков вновь появились покупатели. Вы думаете, это хорошо? Я думаю, это плохо. Потому что покупатели пришли не за покупками. Они опять пришли к нам за деньгами. Они утверждали теперь, что настоящий препарат продаётся только в фиолетовых пакетиках, предъявляя в доказательство мою вчерашнюю статью. Обвиняли нас в об-

мане и грозили обратиться куда следует, если мы тотчас не вернём им деньги.

Посоветовавшись, деньги мы вернули. К чему нам лишние жалобы?

В заключение немного о детях.

Ксения сдала экзамены, в том числе по спецпредметам, на одни пятёрки. Мы не были к этому готовы и несколько раз перепроверяли: может, в ведомостях что напутали? Нет, не напутали. С другой стороны, чему удивляться, когда есть в кого? Да и в течение года мы её воспитывали.

Как-то раз читаем нотации, а рядом играет Полина.

– Ты должна хорошо учиться, – наставляет мама Ксюшу. – У тебя есть для этого всё необходимое, а родители не преступники и не пьяницы.

– Кто вас знает, – бормочет Полина.

...Из почтового ящика недавно достал письмо «Тебе, незнакомка!» Отправлено из войсковой части. Адрес наш. Кому – непонятно: всё-таки три женщины в доме. С подозрением смотрел на жену. Письмо забрала Ксения.

Полина окончила первый класс. По математике считают трёхзначные числа, по русскому учат сложные правила. А в жизни она переходит от критического осмысления действительности к построению планов на будущее. Я её недавно за что-то отчитал. Она ушла к маме и сказала: «Когда папа станет старым, я его буду палкой по спине бить». Так что буду-

щее моё рисуется безрадостным.

Надеюсь, у вас больше оснований для оптимизма. Будьте здоровы, особенно берегите спину.

Э. Сребницкий.

Глава 28

Здравствуйтесь, дорогие Григорьевы! А мы опять в отпуске! Едем к морю в город Геленджик.

Среди сбоковских знакомых за нами с Олей прочно закрепились репутация любителей российских курортов, хотя изредка мы выбираемся и за границу. Но не стремление соответствовать репутации толкает нас летом на приключения, гарантированные отдыхом на родных просторах. Просто южное море оно и есть южное море, и если стоит задача сэкономить деньги для работы, но в то же время позагорать, покупаться и съездить на пару экскурсий, то мы выбираем его.

Тем более что это помогает раскрытию темы моих сочинений: «Правдивое описание жизни малого предпринимателя», ведь путешествия по России дают пытливному исследователю достаточно возможностей запечатлеть многострадальную, и чего греха таить, – многогрешную физиономию наших коллег по цеху малого бизнеса. Но вначале не про коллег. Вначале про дорогу.

Ехали мы поездом. Хоть и скорым, но грязненьким, как многие летние поезда, со щелями в окнах, отсутствием кондиционера и неработающим вагоном-рестораном. Но даже в такой поезд билеты удалось достать с трудом, а на мою десятилетнюю племянницу Галю, взять которую на море возможность представилось только перед самым отъездом, би-

лет, вообще, был куплен в один конец и то с переплатой.

Надо сказать, что от железной дороги за свою насыщенную поездками жизнь я натерпелся предостаточно. И тем ехиднее гримасы судьбы, что едва не каждый год я отмечаю День железнодорожника, поскольку у моей жены славная железнодорожная семья, а папа награждён знаком «Почётный железнодорожник».

Иногда после отпуска мы заезжаем к родителям в гости, а тут как раз и праздник подоспел. Под свежим впечатлением прошедшего путешествия мы осыпаем железную дорогу последними словами, запивая их здравицами в её же честь. А в футболе, между прочим, я болею за «Локомотив». Но всё это не мешает нам с железной дорогой, по крайней мере, с той её частью, которая занимается пассажирскими перевозками, горячо не любить друг друга. Правда, её нелюбовь я ощущаю постоянно, а она мою, подозреваю, игнорирует.

Но в путешествии поезд обладает неоспоримым преимуществом перед машиной: его не надо самому вести, ты лежишь, а он едет, а потому, отправляясь в отпуск, мы год от года выбираем преимущественно данный вид транспорта. Можно ещё, конечно, летать самолётом, но жена моя соглашается на столь отчаянный шаг лишь раз в несколько лет и то после долгих страданий – причём, не только с её, но и с моей стороны: ведь это я толкаю нашу несчастную семью на неминуемую гибель. Так что лучше уж путешествовать как привыкли.

И значит, ехали мы поездом, проезжая реки и озёра, деревни и города. И вот доехали до Пензы.

Пенза нам город не посторонний. Олин папа оттуда родом, из села Голицино. И Олин дедушка, помню, рассказывал, как в поместье приезжала княгиня, соответственно Голицина, и кидала собравшимся крестьянам конфеты. (В КВ-Не у пермской команды было: «Господа, пойдёмте кормить крестьян с руки!»).

Князя навевывались в поместье нечасто, ибо дорога, ведущая туда, была так плоха, что служила не столько средством связи между населёнными пунктами, сколько преградой между ними. В таком состоянии дорога просуществовала несколько столетий, до самого последнего времени, пока на голицинских жителей неожиданно-негаданно не свалилось счастье: управлять областью взошёл губернатор, оказавшийся родом из этих мест.

Нынешние управители не чета князьям: вмиг от областно-го центра до дома губернаторской мамы пролегла асфальтовая красавица-дорога. Мы не знаем как справиться с двумя извечными российскими бедами? Предлагаю, оставив невыполнимое, сосредоточиться на дорогах, для чего выдвигать кандидатуры региональных руководителей исключительно с мамой в дальнем районе.

В Голицино же теперь ездить стало одно удовольствие. И Олин папа отправился к родным очагам. Но оказалось, очага уже нет: на месте их дома чернела распаханная под посевы

земля.

– Слушай, Колька, – сказал папа своему двоюродному брату (в пензенской глубинке все друг друга до старости называют Колька, Петька, Ванька, Светка, и даже дедушка у них – дедушка Мишка). – Слушай, Колька. Пусть дома нет, но есть же земля! А говорят, если к родной земле телом прижаться, сил наберёшься. Давай полежим.

– Давай, – согласился Колька (Кольке было далеко за семьдесят).

Скинули они верхнюю одежду, улеглись в трусах на землю, принялись беседовать.

В это время мимо проходили люди. И проходя, стали косяться: лежат посереде поля в исподнем два мужика, вроде, не пьяные, и разговаривают. Не прошло и получаса, как со стороны, куда проходившие убыли, примчалась вся деревня: старые, малые – все, кто мог ходить.

– А, Колька, – узнали деревенские, – здорово!

– Здорово.

– Щаво это т вы тут делаете?

– Да вот брат Васька приехал, на родной земле решили полежать.

– А-а. А нам сказали, там два зращенца лежат.

– Кто лежат?

– Ну, эти... зращенцы. Мы уж обрадовались.

– А щаво обрадовались-то?

– Да как же? Интересно поглядеть.

...А мои бабушка с дедушкой жили в уральском городе Миассе, который когда-то по-настоящему стал расти вокруг медеплавильного завода купца Лугина (по другим сведениям Лугинина) и заселялся крестьянами, перевозимыми из центральных губерний – Тульской, Рязанской, Пензенской. И мои бабушка с дедушкой, как и их бабушка с дедушкой, всегда жили в окрестностях этого завода, в районе, неофициально именуемом «Пензия». Так что, возможно, и мои корни из Пензы.

Короче, проезжая через Пензу, мы не могли не выйти и не подышать живительным воздухом своей исторической родины. А заодно купить прессу, единственным образцом которой на перроне оказалась центральная газета «Комсомольская радость» с пензенским вкладышем.

Вы, конечно, знаете, что такое «Комсомольская радость». Это очень популярная, но не всегда приличная газета. Дома мы перестали её выписывать после того, как получили номер с аншлагом на всю первую полосу: «Отец отдал своему сыну половой орган!» Правда, последний год (компромиссы жизни) начали выписывать эту газету вновь: что делать, у неё большой тираж, и там рекламируют продукцию, представляющую для нас коммерческий интерес. «Ну, половой, ну, орган, ну, отдал, – рассудили мы. – Дело родственное. Может, у них в семье так заведено: от отца к сыну передаётся». И кроме того, пора бы уже признать, что многократно превосходящие силы органов давно одержали победу над обществен-

ной моралью.

И значит, купили мы в Пензе «Комсомольскую радость». Как только поезд тронулся, достали её и начали листать. Листаем: вот про политиков, вот сплетни про звёзд, вот «клубничка», и доходим наконец до пензенского вкладыша. А там на первой странице огромный заголовок: «Каждой свинье – нашу заботу!», или что-то в этом роде. И ниже: «Тематическая страница о заботах свиноводов».

Мы вначале не поняли, а потом от смеха чуть в рундук не залезли. Переворачиваем газету – нет, «Комсомольская радость» со всякими штучками-дрючками, девицами полуобнажёнными. Открываем вкладыш – про свиней. Видимо, местный редактор-коммунист заставил своих журналистов писать родные его сердцу материалы в стиле советского прошлого. Мне запомнилась центральная фотография тематической подборки, где какой-то мужик стоял в окружении многочисленных свиней и стихотворная подпись гласила: «Вот свинья даёт приплод, рад и счастлив свиновод!»

Я тебе, кстати, Гена, не рассказывал, как «Сбоковский обозреватель» про нашего губернатора Силыча Мироненкова анекдот опубликовал? Анекдот старый, его ещё, говорят, лет сто назад про одного американского губернатора газеты печатали. Но в Сбокове он получился весьма злободневным, потому что Силыч очень любил всевозможные собственные снимки «у сохи»: в поле, или на ферме. Анекдот такой. Решили как-то в газете поместить фотографию «Губернатор

на свиноферме». Но как подписать? «Артемий Силыч среди свиней?» Нехорошо. «Свиньи и Артемий Силыч?» Тоже плохо. Напечатали: «Артемий Силыч – третий слева».

Силыч, помню, тогда страшно рассердился и в отличие от американского губернатора подал на газету в суд. Благодаря чему история получила широкую огласку.

Но я отвлёкся. Я рассказывал, как мы ехали в поезде через Пензу. И должен сообщить, что в Пензе женщины на перроне продавали пассажирам проходящих поездов отменные обеды: курочек, котлетки, пирожки, картошечку. Очень вкусно!

А то на одной из станций выскочил я еды купить (вагон-ресторан, будь он неладен, всю дорогу обслуживал только экскурсионные группы) и увидел тётку с заветренной курицей.

– Что-то она у вас, подозрительная, – засомневался я. – Как бы нам в поезде не отравиться.

– Не знаю, – сказала тётка, – мне ещё никто из проезжавших курицу не возвращал.

Вот так с шутками-прибаутками доехали мы до Новороссийска.

Глава 29

В Новороссийске нас ждала машина хозяина гостиничных номеров (люкс-номеров, замечу я в скобках), снятых нами через Интернет в городе Геленджике.

Почему в Геленджике? Потому что прежде мы никогда там не бывали и решили освоить новое для себя курортное место. Главное, что нас беспокоило при выборе, это приличные условия проживания.

Надо сказать, что годы, проведённые в облике предпринимателя, выработали во мне наподобие собаки Павлова некоторые рефлексy. Одним из них является рефлекс на условия проживания на отдыхе. Я теперь реагирую исключительно на слово «люкс» (скажу по секрету – это касается только отдыха в России). Даже «полулюкс» не вызывает во мне сколь-нибудь заметной реакции, не говоря уже об «эконом-классе» – наборе звуков, которые мой мозг вообще отказывается воспринимать.

Я изнежился. Я хочу отдельную комнату для детей, горячую и холодную воду круглосуточно, телевизор, холодильник и кондиционер в номере, а также ежедневную уборку и периодическую смену постельного белья. Вы скажете: «Но это же элементарные условия трёхзвёздочной гостиницы!» И я соглашусь, с одной лишь поправкой, что на нашем юге всё это называется «люксом» и стоит соответственно.

Но мы пошли на расходы, мы хотим две недели в году хорошо отдохнуть. Вариант, присмотренный через Интернет, понравился нам более других. Отдельный двухэтажный дом, недалеко от моря и в то же время на тихой улице. И кроме того, при телефонном разговоре хозяин сказал, что мы можем столоваться прямо у них, жена готовит специально для постояльцев: разнообразно, вкусно и недорого. Всё-таки семейные гостиницы – это шаг на пути к цивилизованному отдыху!

Поэтому от Новороссийска мы ехали с хозяином (его звали Слава) в Геленджик хотя с некоторым ещё волнением (самых-то номеров пока не видели), но уже в предвкушении беззаботных дней. Слава рассказывал нам о местных пляжах, а также о том, что он дома ставит отличное вино, а жена готовит специально для постояльцев: разнообразно, вкусно и недорого. И если мы захотим, а мы, посетив пару местных кафе, конечно же, захотим, то можем столоваться прямо у них.

Номера, к нашей радости, оказались такими, как на фотографиях в Интернете. И главное, в отличие от сдаваемых комнат внизу, они находились на втором этаже дома.

Это преимущество номеров «люкс» располагаться наверху я стал ценить после рассказа Оли о её студенческой практике в Архангельске. Работая там в молодёжной газете, она отправилась по заданию редакции в один районный город. Поселили её, как и положено селить корреспондента област-

ного издания, в номере «люкс» местной гостиницы. В номере «люкс» не было абсолютно ни каких благ цивилизации, зато он находился на втором, верхнем этаже.

Какие это давало преференции, она поняла утром, когда отправилась искать туалет. Нашла она его здесь же в конце коридора. За дверью без крючка обнаружилась довольно просторная комната, на полу которой на одинаковом расстоянии друг от друга лежали три деревянных крышки. Подняв одну, она увидела под ней выпиленную в полу дырку и далеко внизу пол первого этажа с такою же дыркой, а ещё ниже – выгребную яму. И получалось, что жители обычных, нижних, «не люксовых» номеров, находясь в туалетной комнате и заслышав вдруг у себя над головой шум шагов, должны были вне зависимости от стадии процесса убежать как можно быстрее, дабы успеть освободить место прибывшим на место важным людям сверху.

И это правильно! И теперь я понимаю, что значит «люкс» по-настоящему. Ибо это получается такой «люкс», приятней которого вряд ли что-то сыщется на свете. Ибо по сравнению с таким «люксом» районной гостиницы меркнут роскошь и комфорт всех апартаментов и президент-отелей мира! Поэтому я всегда чувствую себя спокойней, когда моя комната располагается выше других имеющихся в здании номеров. Так, на всякий случай.

В домашней гостинице, куда нас только что привезли, и это условие было соблюдено, а потому мы, благо время уже

было ночное, легли спать практически счастливые.

Утром выяснилось, что ни на одной из наших кроватей нет полотенец. Это, конечно, было недоразумение – в подобных номерах на каждого человека принято выдавать три полотенца: банное, лицевое и ножное. Я попросил хозяйку недоразумение исправить, после чего мы с ней удивлённо друг на друга уставились: она, услышав мою просьбу, а я – тому что удивилась она.

– Ну, хорошо, – пожалала плечами хозяйка, – принесу.

И принесла каждому по дешёвому полотенчику, которое теперь должно было служить нам и банным, и лицевым, и ножным. Нам этого показалось мало, и мы отправились в магазин, где купили себе полотенца, мыло (которого тоже не оказалось), стаканчик под зубные щётки и прочие мелочи.

«Ничего! – успокоили мы себя. – У нас «люкс», но только без полотенец, мыла, стаканчика под зубные щётки и прочих мелочей».

Всё же остальное, как я сказал, нас вполне устраивало, и мы заплатили Славе за проживание, а также за трансфер из Новороссийска в Геленджик.

– Желая хорошего отдыха! – радушно пожелал Слава. – Кстати, жена готовит специально для постояльцев: разнообразно, вкусно и недорого. Если захотите, она будет готовить и для вас.

– С удовольствием! – согласились мы и, заказав обед, бодро зашагали к морю, дорога к которому показалось нам

длинноватой, что объяснялось, по-видимому, желанием поскорей окунуться в воду и предаться неге под лучами южного солнца, о-о-о!

Обед у хозяйки, действительно, был сытным и вкусным.

– Что ж, вполне, вполне, – откинувшись на спинку стула в тени виноградной лозы, проурчал я.

– Да, – вторила мне Оля. – И главное, удобно, никуда ходить не надо.

– Да, – соглашался я с ней. – И Слава говорит, недорого.

– Да, – соглашалась она со мной.

Я нехотя поднялся.

– Всё-таки надо узнать, сколько обед стоит точно, потом ведь рассчитывать придётся.

Я отправился к хозяйке. Но услышав от неё сумму счёта, обомлел. Столько, по моему разумению, должен стоить обед в хорошем ресторане.

– Это недорого, – увидев на моём лице удивление, торопливо произнесла хозяйка. – Вы посмотрите, что в кафе делается.

Мы решили посмотреть. Вечером в кафе, с музыкой, морем, официантом и выбором в двадцать блюд, ужин обошёлся дешевле. На следующий день мы поменяли условия эксперимента: обедали в кафе, а ужинали у хозяйки. И поняли, что допустили ошибку – эксперименты нельзя проводить на ночь: за такие деньги ужин встал в горле, не давая нам безмятежно спать.

Тогда я как опытный бизнесмен решил выяснить, сколько будет стоить у наших хозяев питание оптом: двух- или трёх-разовое на протяжении всего отпуска. И выяснил, что питание оптом разорит нас ещё до того, как этот отпуск закончится. Причём, вкусное, да, разнообразное, наверное, но, самое обычное питание. И кроме того, в чём каждый родитель со мной согласится, дети ведь склонны привередничать. Вы можете считать, что предложили им великолепное блюдо, а они к нему не притронутся. Поэтому мы занялись поиском подходящего места на побережье, где можно было бы, имея свободу выбора, покушать с детьми.

Таких мест нашлось несколько и довольно быстро. Что касается ужинов, то мы часто меняли кафе, а вот обедали обычно в одном и том же. Заведение это называлось «Лакомка» и работало оно по принципу старого анекдота.

Сидят двое нищих. У одного табличка: «Помогите русскому человеку, попавшему в беду», у другого: «Помогите, пожалуйста, бедному еврею». У русского шляпа полная денег, а у еврея пара ржавых монет. Какой-то прохожий жалует еврея.

– Зачем же вы написали такую табличку? – говорит он. – Уберите её и тогда заработаете денег.

– Да, да, – кивает еврей.

Сердобольный прохожий уходит.

– Мойша, – поворачивается еврей к соседу. – Ты слышал? Они ещё будут учить нас делать бизнес!

Примерно так же функционировала «Лакомка». Она состояла из двух частей, отделённых друг от друга некой условной чертой. Одна часть именовалась «Столовая», а другая «Кафе». И хотя меню там и там состояло из одних и тех же блюд, по одной и той же, в копейку, цене, в «столовую» народ ломился, а в «кафе» было пусто.

И это ещё не вся разница. «Кафе» закрывалось сверху теневой крышей (заведение располагалось на открытом воздухе), столы были застелены скатертями, здесь подавали вино, играла музыка, и не успевал клиент сесть, выбегала расторопная официантка. В «столовой» же крыши не было, не было скатертей, музыки и вина, напитки подавали в гранёных стаканах, а на столах частенько стояла грязная посуда, которую официанты не успевали унести. Но люди стремились пообедать именно в «столовой», полагая, что питаться здесь быстрее и дешевле, чем в кафе.

А какие были официантки в «столовой»! Мы ведь вслед за народом вначале отправились обедать тоже туда. И всё время почему-то нам доставалась официантка с табличкой на груди «Света». Вообще-то, они обслуживали каждая свой ряд. Но в какой бы ряд мы ни садились, неизменно оказывалось, что в этот день нам выпадает именно Света.

Ей было лет сорок пять, Свете. Слегка потёртая, как дорожный чемодан, с плохо окрашенными волосами и начинающими дрябнуть мышцами, она с невероятной резвостью выбегала из кухни и, промчавшись между рядами, уносилась

обратно. От ветра, который она создавала, можно было простудиться. Но что удивительно, Света бегала и бегала, а клиенты, всего-то пять столиков, оставались не обслуженными. По двадцать, тридцать минут мы сидели и ждали, когда Света подбежит к нам.

– Щас, щас, щас, – выдыхала она, спеша куда-то всегда мимо.

– Щас, щас, щас, – кивала она, проносясь обратно.

Она была чем-то похожа на «Огневушку-поскакушку» из нашей студенческой столовой в корпусе на Тургенева. Помните, Гена, Огневушку? Которая уносила грязную посуду со столов на мойку? Было абсолютно не понятно, как она, щупленькая, с тонкими в синяках ножками и ручками (и такими же синяками вокруг глаз – следами несправедной её жизни) умудрялась выписывать по залу фигуры скоростного слалома с высоченными, почти в её рост, стопками стаканов и тарелок. Только каблучки стучали, тук-тук-тук-тук-тук. А мы ахали: неужто добежит и с этой горой посуды? Добегала. И тут же скакала назад. Одно слово – талант.

Настолько же быстра была и Света, и тоже оказалась талантлива. Но несколько в другом роде. У неё были способности по, что называлось когда-то, «ИБД» – «имитации бурной деятельности». Она демонстрировала, что невероятно занята, но, увы, ничего не делала. Она понимала, если быстро обслужить клиентов, неотвратимо придут новые. А разве ей, Свете, это надо? Она нам так однажды и прошептала, скри-

вив рот, чтоб не слышали остальные:

– Кушайте не спешите, а то придут новые.

И, якобы куда-то торопясь, умчалась прочь.

Мы и в «кафе»-то попали благодаря Свете. Сели однажды в «столовой» и, просидев минут пятнадцать, в ужасе увидели, что по нашему ряду вновь бежит она. Теперь уже побежали мы: куда-нибудь от неё подальше, хотя бы сюда, за невидимую черту, в «кафе». И с тех пор обедали там как белые люди, под музыку, со скатертями, и с удовольствием наблюдали, как в «столовой» кто-то по неопытности пытается позвать к своему столику мчащуюся мимо на всех парусах Свету.

В общем, с питанием вопрос был улажен. Но наши хозяева, Слава с женой, кажется, этого не ожидали. Слава подходил и напоминал, что его «жена готовит специально для постояльцев: разнообразно, вкусно и недорого». Мы кивали в ответ, но ничего не заказывали. День не заказывали, два не заказывали. И тогда они поняли, что мы решили столоваться на стороне.

Этого они не ожидали. Это не входило в их расчёт. Летний доход семьи, как мы поняли, состоял из сдачи «элитных» номеров в наём лишь отчасти. Но большие деньги приносила другая статья: «кормление элитных постояльцев».

И отношения сразу стали напряжёнными. В нашу сторону здоровались сквозь зубы, на детей смотрели недобро, с нами

не сидели, как с гостями из другого номера, по вечерам во дворе.

Но всё же Слава взял себя в руки, он дал нам шанс: предложил купить у него домашнее вино.

– Это очень хорошее домашнее вино, – сказал Слава, делая ударение на каждом слове, – я сам его ставлю. Гости из другого номера пьют, им очень нравится.

– Да, – закивали «гости из другого номера», – отличное вино!

И мы с радостью согласились купить бутылочку. Во-первых, нет лучшего способа наладить отношения с хозяевами, а во-вторых, нет ничего приятней, чем пить под южным звёздным небом хорошее вино.

К нашему ужасу вино оказалось не просто плохим, а отвратительным: сладким и солёным одновременно. Сладким понятно почему, плохое вино всегда слабривают сахаром, чтобы заглушить вкус. Но почему солёным? Мы мужественно приняли внутрь по бокалу, но больше не смогли. И понимая, что своими руками душим последнюю надежду на мирное сосуществование, отныне покупали продукцию только фабричного производства: на Кубани ряд предприятий делают весьма достойные вина. Первое время мы прятали каждую купленную бутылку так тщательно, как партизан прячет бутылку с зажигательной смесью, но хозяева всё равно нас разоблачили.

А тут ещё некстати дети запросили на ужин спагетти с со-

сисками. Ну, скажите на милость, зачем им спагетти с сосисками? Кушали бы тефтели, или жаркое, что есть в меню любого кафе. Нет, подавай им спагетти с сосисками! А где взять? Заказать хозяйке? Но хозяйкины сосиски... как-то нехорошо звучит «хозяйкины сосиски»... Но сосиски у хозяйки... Это ещё хуже... Да, ладно. Но сосиски у хозяйки стоили столько, сколько не стоят, извините, и не такие сосиски как у нашей хозяйки! Поэтому подумали мы и решили, благо кухня с плитой и посудой входила в стоимость номера, элементарно сварить всё самим. Не было у нас лишь кастрюли. Оля собралась с духом и отправилась её просить.

– Больше не пойду, – сказала она, вернувшись со старой облупленной посудыной.

Посудина пробыла у нас вечер, и её тут же забрали. Но через несколько дней дети запросили спагетти с сосисками вновь! У нас было два пути: отлупить свои чада всеми подручными средствами, после чего потащить в кафе – или же обзавестись собственной кастрюлей, которая пригодится на один, от силы на два раза. Увы, родительское сердце слабо. Мы пошли в магазин и купили кастрюлю. А потом плюнули (но интеллигентно, в угол магазина) и купили ещё разных продуктов, сладостей к чаю, овощей и фруктов, потом пришли домой, приготовили ужин, разложили всё на столе, откупорили бутылку вина и, не обращая внимания на ненавидящие взгляды, прекрасно поели.

Мало того! В то самое время, когда хозяева обычно выхо-

дили во двор посидеть с «гостями из другого номера», вышли мы и бесцеремонно уселись с их гостями. Те оказались прекрасными людьми, в прошлом инженерами, а ныне предпринимателями из Москвы, или, как говаривал премьер-министр Касьянов – «малыми предпринимателями».

Он, Касьянов, полагал, что раз существует малый, средний и крупный бизнес, то существуют, соответственно, малые предприниматели, средние и крупные. Мне хотелось сказать: «Это премьер-министры бывают малыми, а по большей части весьма средними (не имея, впрочем, ввиду самого Касьянова). А предприниматели – всегда предприниматели вне зависимости от размеров бизнеса!» И, думаю, меня бы поддержали лётчики малой авиации. Или, например, литературные работники «тонких» и «толстых» журналов: тем-то ещё хуже – ходить «тонкими» и «толстыми» литераторами. Хотя, конечно, всегда лучше быть «крупным» и «толстым».

В общем, мы как малые предприниматели с малыми предпринимателями мило с соседями побеседовали. Они рассказали, что приехали сюда из Москвы вместе с другом, крупным бизнесменом. Он взял сразу все завтраки, обеды и ужины. И они тоже. Теперь он уехал, а они остались.

– Не дороговато? – спросили мы, имея ввиду питание.

– Что делать, – вздохнули они. – В кафе ещё дороже.

– Вы там обедали?

– Нет, хозяйева рассказывали.

Мы поговорили на другие темы.

– А вино? – не терпелось нам. – Вы действительно считаете вино хорошим?

– Да, отличное вино! Мы с собой на подарки в Москву берём пятнадцать литров, половину багажника заполнили.

– Половину багажника?! А другое вино пробовали?

– Зачем? Хозяева рассказали, какой там гадости намешивают. Там ведь всё вино сухое!

– В смысле?

– Из порошка делают... Да мы, откровенно говоря, вино-то почти не пьём, лучше уж водочки. А это так, на подарки. Кстати, хотите немного водки?

Я отказался и, в свою очередь, предложил им нашего вина. Они отказались. Мы подняли напитки за здоровье друг друга.

«Не пьют вино, – думал я, отпивая из бокала. – После Славиной бурды можно вообще трезвенником стать. Наша менеджер Вера после подобного опыта считает, что коньяк – это напиток, с которого всегда болит голова».

В общем, соседи не хотели ничего пробовать, ничего не хотели менять. Каждый день они ходили на пляж, возвращались обратно к обеду и ужину, а вечера коротали во дворе с хозяевами под рюмку водки. Мы бы могли рассказать им как в сумерки, когда усталое солнце уже скрылось за темнеющим вдаль Тонким мысом, сидим на набережной в каком-нибудь ресторанчике, смотрим на наших резвящихся детей, на беззаботно гуляющий народ и в ожидании экзотических блюд

отпиваем мелкими глотками прекрасное сухое вино, которое называется так не потому, что готовится из порошка, а потому, что созревает без капли постороннего сахара и вследствие этого может отразить вкус и полноту напитка, если, конечно, напиток этого достоин.

Могли бы рассказать как рядом плещется море и шумят деревья, как их настойчиво пытается заглушить звучащий с эстрады хит нынешнего лета «Замечательный мужик меня вывез в Геленджик», а за соседними столиками всё рассаживаются и рассаживаются новые посетители: большие шумные семьи, влюблённые парочки в белых костюмах и томные толстые женщины в вечерних туалетах, состоящих из почти несуществующих купальных трусиков-стрингов.

Могли бы рассказать, но они бы не поверили. И, скорее всего, им это не было нужно: ни вечернего моря, ни шума деревьев, ни жуткого зрелища того, что ниспадает из трусиков-стрингов. Их и без того всё устраивало. Каждый отдыхает так, как он лучше всего отдыхает. Что поделать, им нравились пляж, «отличное домашнее вино» и наши хозяева. Которые, кстати, пока мы сидели с «гостями» во дворе, демонстративно избегали даже проходить мимо. Очевидно, они имели веские причины быть нами недовольными.

Увы, таковые причины имелись и у нас.

Глава 30

Я уже говорил, что мы сняли как бы «люкс», но без полотенец, мыла и стаканчика под зубные щётки. И с этим согласились. Но вскоре выяснилось, что мы к тому же сняли «люкс» без туалетной бумаги и смены мусорных мешков. Потом выяснилось, что это «люкс», но без уборки помещений. А главное – в нашем «люксе» не оказалось обещанной круглосуточной горячей воды! Был бак, который хозяева наполняли сначала два раза в день, когда по графику в дом подавали воду, а потом, решив, что с постояльцев и так достаточно, стали набирать один раз.

Хотя, главное, всё же, было не это. Главное было то, что Славка, подлец, надул нас с местом проживания. Мы ведь всё делали по уму: изучали в Интернете карту Геленджика, придирчиво спрашивали всех по телефону:

– В каком месте города находится ваш отель?

И больше всех нам понравился «отель» у Славика.

– Видите море? – говорил нам Славик.

– Видим.

– Видите улицу?

– Видим.

– Мой дом видите?

– Нет.

– Так он там.

Мы прикидывали расстояние до пляжа и ахали:

– Так это же совсем рядом!

– А то, – усмехался Славик.

Он нас надул, подлец! Улица, действительно, начиналась недалеко от моря. А заканчивалась... Заканчивалась там, где стоял дом Славика. То-то нам вначале дорога показалась такой длинной! Но пока мы осмотрелись, пока поняли что к чему. В общем, как говорил герой Зиновия Гердта в фильме «Соломенная шляпка»: «Кругом обман!»

– Это точно, – соглашалась с нами новая соседка, заехавшая с дочкой в номер убывших московских предпринимателей. – Мы отправились вдвоём на экскурсию. Нам сказали, что пеший переход составит пять километров, а он оказался пятнадцать! Сказали, что до места будем ехать сорок минут, а ехали полтора часа, причём, в ужасном автобусе!

– Да, да, – кивали мы, – кругом обман.

Вообще-то, к новой соседке, тоже москвичке (чаще всего сейчас на курортах можно встретить москвичей, у них есть деньги), мы отнеслись с некоторым подозрением: она сразу начала столоваться у хозяев. Мы видели как это произошло. В первый же вечер Славик с женой подсели к ней во дворе. Славик пришёл не только с женой, он пришёл с домашним вином, которым стал потчевать новую гостью. Они выпивали, смеялись, а потом отправились осматривать набережную.

– Смотри, что делают, – желчно скрипел я, глядя из окна на шумную компанию, – потащили её в город. Сроду никуда

не ходят, а тут гулять отправились. Обрабатывают клиентку. Как потом от их обедов откажешься? Наше счастье, что мы приехали ночью, а то и нас бы окрутили.

И всё же нам не давала покоя мысль, что дело, возможно, не в том, что кто-то кого-то окрутил. «А вдруг у нас просто мало денег, – с ужасом думали мы, – и нам не по карману заказывать здесь обеды? Вдруг мы не настоящие предприниматели? Вдруг мы даже меньше, чем самые малые из нас?» Эти вопросы были невыносимы.

– Скажите, – спросили мы новую соседку словно невзначай, – вы ведь, вроде бы, здесь питаетесь. Ну, и как вам?

– Вы знаете, я так жалею, – сказала она.

– Да?! А почему?

– Во-первых, это дороговато...

Я суетливо придвинул ей скамейку у стола:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо... А во-вторых, дочка Катя ничего не ест...

– Так, так, очень интересно!

– ...Я плачу за неё как за взрослого человека, а всё остаётся нетронутым.

– И не говорите! – вскричали мы. – Это же дети! Они могут не захотеть блюда, приготовленного чужим человеком, а запросить... например, спагетти с сосиской!

– Совершенно с вами согласна. Катя отказывается кушать. Хозяйка обижается, а что я могу сделать? Не могу же я её заставить!

– Что вы, как можно! Это же дети! Самое дорогое! Где она, Катя? Вот она, Катя! Какая симпатичная у вас девочка. Подойди сюда, Катюша. Ты уже ходишь в школу? Первый класс окончила? Какая умница! Полина! Полина! Иди быстро сюда, пойдёшь гулять с Катей. Она хорошая девочка, не ест обеды. Что значит, не хочу гулять? Быстро, тебе родители сказали! Идите, деточки, поиграйте.

– А вино? Как вам их домашнее вино? – не останавливались мы, отправив детей.

– Не очень, – поморщилась соседка.

Мы готовы были броситься ей на шею.

– Конечно! Разве это вино?! Вот вино! Вам налить?

– С удовольствием!

Какая замечательная женщина! Мы это сразу заметили. Те, которые были до неё, тоже ничего, но как-то всё же не очень. А эта – совершенно другое дело. Отныне мы раскланивались при встрече и делились впечатлениями об отдыхе.

Геленджик мне понравился. Понравился сам город. Говорят, ещё года три-четыре назад он производил весьма унылое впечатление. А ныне это, свидетельствую, расцветающий не по дням южный курорт! Море тоже понравилось. Город находится в бухте, и волн там больших нет, а значит, можно плавать в удовольствие. Пляж хороший. Хотя, не всех в семье устраивал. Например, Ксюша, спросила:

– Когда мы, наконец, пойдём на нудистский пляж?

– Куда?! – ахнули мы.

– Ну, вы же говорили, мы пойдём на нудистский пляж.

– Ксюша, мы говорили, что пойдём на детский пляж!

Она не расслышала. Думала, нудистский. Глаз да глаз ну-
жен. Хорошо хоть Полина присматривает.

– Ксения, – спросили мы, – вещи с кровати ты убирала?

– Нет, не я.

– Точно не ты?

– Точно не я.

– Врёт, мерзавка, – сообщила Полина.

В общем, море понравилось, город понравился... Геленджик, кстати, город победивших кошек. Кто кошек не любит («Уж мы их душили, душили...». Шариков. «Собачье сердце»), тому лучше в Геленджик не ездить. Кошки повсюду, разной длины шерсти и всех мастей, они чувствуют себя здесь хозяевами. А собак почти не видно. Я ничего, я к кошкам хорошо отношусь, у самого в детстве были. Но раз уж их так много, я остатки еды носил на помойку редким собакам.

Значит, город понравился, море понравилось...

Понравилась местная фирма под названием «Зеленоглазое такси». Я так полагаю, молодёжная фирма. Мы-то ведь, старики, знаем, что «зеленоглазым» такси называлось из-за зелёного огонька у лобового стекла, который загорался, когда машина была свободна. Сейчас зелёных лампочек на автомобилях нет. Осталась лишь песня в исполнении Михаила Боярского, повсеместно зазвучавшая недавно вновь:

*О-о-о-о, зеленоглазое такси,
О-о-о-о, притормози, притормози...*

И местная молодёжь, услышав ультрановую, как им представилось, песню и глубоко поразмыслив над ней, решила, что «зеленоглазое такси» – это, конечно же, то такси, у которого зелёные «глаза», то есть фары. Поэтому сейчас все столбы и киоски в Геленджике увешаны рекламными изображениями машин с зелёными фарами, на которых в пору ездить Великому и Ужасному Гудвину.

«Поколение next» не догадывается, что до него было некоторое прошлое. (Хотите сказать, ко мне подступает старость?) Как-то раз еду я поездом в Курган. И в том же вагоне едет ещё детский духовой оркестр. И вот в моём купе лежит на верхней полке девочка из оркестра, слушает в наушниках плеер, а весь коллектив бегают к ней, записываясь в очередь на диск. Они уже слушали, но хотят по второму разу. А мне жутко интересно, что же на том диске такое?

– Да, классный диск, – обсуждают они.

– Вообще нормальные песни.

– Песни крутые.

Я просто изнываю из любопытства.

– А команда новая или старая?

– Новая, раньше так не пели.

«Тоже в очередь записаться, что ли?» – думаю.

– А как хоть она правильно называется?

– «Абба».

– Как?

– «АББА»!

Я растрогался: «Господи, мне ведь было почти столько же лет, сколько им, когда мы слушали «Аббу». А они – «раньше так не пели»! Да мы в своё время пели так, как нынешним и не снилось! «Абба» были просто одними из нас».

А недавно я решил купить Ксюше вместо её книг хорошую, по моему разумению, книгу, которой в детстве зачитывались и мы, и наши родители. Прихожу в магазин, направляюсь в отдел «Приключения и фантастика» и говорю продавцу:

– Дайте мне, пожалуйста, книгу «Пятнадцатилетний капитан».

Девушка делает задумчивое лицо и начинает шарить взглядом по полкам.

– А это приключения или фантастика? – спрашивает она через некоторое время.

– Скорее приключения.

Она ищет опять.

– А это взрослая или детская книга? – спрашивает она, припомнив, что капитан был, кажется, пятнадцатилетним.

– Скорее детская.

– Тогда вам надо в отдел детской литературы, – говорит

она с облегчением.

Я иду в отдел детской литературы и прошу «Пятнадцатилетнего капитана».

Продавец долго ищет книгу.

– А это наш автор или зарубежный?

– Скорее зарубежный.

– Тогда вам надо в «Иностранную литературу», – говорит она с облегчением.

В «Иностранной литературе» продавец долго ищет и спрашивает:

– А какой жанр книги?

– Приключения.

– Тогда вам надо в отдел «Приключения и фантастика».

– Я там уже был.

– И что они сказали?

– Направили к вам.

Продавец идёт в отдел «Приключения и фантастика», откуда они вместе с другим продавцом идут в отдел «Детская литература».

– Может, автора знаете? – кричат они мне.

– Знаю, Жюль Верн.

– Как?

– Жюль Верн!

Они совещаются на какую букву искать, на «Ж» или на «В». Потому что в библиотечных формулярах, например, Оноре де Бальзака пишут так: «Бальзак, Оноре де». Поэто-

му и здесь, возможно, написано: «Верн, Жюль». Они ищут и наконец находят на букву «Ж».

– Надо было сразу сказать, – говорит одна, – что вам нужен этот... – она читает обложку, – Жюль Верн.

...Мой знакомый Вадик Волков работает в книжной фирме. Приходит к нему однажды на работу жена.

– Вы не подскажете, – спрашивает, – где мне найти Волкова?

– На верхней полке должен лежать, – отвечают ей.

Хотя некоторым из нынешней молодёжи этой уморительной истории не понять. Они, возможно, и не догадываются, что есть такой писатель Волков.

Да, я подшучиваю над молодёжью, я по-стариковски брюзжу. Виной тому моё грядущее сорокалетие, мой надвигающийся юбилей. Он надвигался весь год и вот должен через два дня случиться. Внутренне я готовился к нему и боялся. В голове крутилась невесть откуда взявшаяся фраза: «Дни рождения, как загостившиеся родственники: вначале им радуешься, затем удивляешься, а потом грустишь». Сейчас я нахожусь как раз на той стадии, когда удивление уже имеет налёт грусти: всё-таки сорок лет – возраст, и с ним, как и с родственниками, ничего нельзя поделать.

Я похож на крокодила Гену, который, отмечая день рождения в ненастный день, печальным голосом уверяет прохожих, что он «весёлый такой».

Но в отличие от крокодила в моей грустной песне есть

ноты радости, ибо ежедневно я имею возможность наблюдать столь редкое явление как счастливый человек. И человек этот – я.

Недавно иду по улице с детьми. И вдруг подлетевшая стайка девушек начинает щебетать, обращаясь к нам с Ксюшей:

– Здравствуйте, мы учимся на курсах по психологии. Сразу видно, что вы счастливая семейная пара. Не могли бы вы нам сказать, что такое, на ваш взгляд, счастье: первое – удовлетворение от достигнутой цели, второе – семейное или иное (материальное, творческое) благополучие, третье – мгновения, ценность которых осознаёшь позже, четвёртое – состояние эйфории, или что-то ещё?

– Вообще-то, – говорю, – это моя дочь, а это, – показываю на Полину, – ещё одна.

– Да? Хо-хо-хо, – вежливо смеются они, – мы так и поняли. Но сразу видно, что вы счастливый человек.

«Как это им сразу видно? – думаю я. – Может у меня рот не закрыт и слюна капает?»

– Не могли бы вы нам сказать, что такое счастье?

– Счастье, – говорю, – девушки, это не удовлетворение от достигнутого, не семейное благополучие и не мгновения прошлого, хотя в нём есть и одно, и другое, и третье. Это не эйфория (я вновь проверил, не течёт ли у меня слюна), хотя бывает и так. Счастье – это его ощущение в себе. Счастье, девушки, это ощущение счастья!

Курсистки, поблагодарив, упорхнули, дети, утомившись, канючили и тянули меня за рукав, а я стоял посреди улицы и думал, как же хорошо мне удалось сформулировать мысль: «Счастье – это ощущение счастья!»

Ведь у меня всё есть.

Есть жена. И у нас, между прочим, на днях тоже был юбилей: пятнадцать лет совместной жизни.

Однажды Полина долго оценивающе смотрела на меня и, видимо, не найдя ничего достойного, отправилась к Оле:

– Зачем ты за него замуж-то пошла? – спросила Полина. – Никого другого не было?

– Почему не было? Просто папа меня полюбил, а я полюбила его.

– Да ладно, – скривилась Полина и, критически глянув на Олю, сказала:

– Потому что на тебе самой никто жениться не хотел.

Так вот, есть жена, и на днях у нас было пятнадцать лет совместной жизни. Хотя, нам с Олей ещё предстоит проверять свои чувства долгие годы. Чтобы, как у моих родителей.

Отправляются они однажды на торжество. Мама сидит от отца через стол и видит, что тот выпивает несколько больше, чем ему позволяет здоровье. Но не скажешь ведь во всеуслышанье: «Тебе уже хватит», неудобно, поэтому она молчит и сверлит его многозначительным взглядом, хоть и без особого успеха. А через несколько дней маму встречает хозяйка дома:

– Мы тут обсуждали, какая у вас замечательная семья! Столько лет прошло, и как вы друг друга любите! Какими ты, Галочка, влюблёнными глазами на Володю смотрела!..

На себе, между прочим, я тоже ловлю влюблённые взгляды Оли.

– Если ты вдруг умрёшь, – сказала она мне как-то, – я тоже сразу умру. Или выйду поскорее замуж.

Так вот, есть жена. Есть дети. Не только красивые, умные, но и наблюдательные.

Полина спрашивает у Оли:

– Мама, у тебя какая кожа?

– В смысле?

– Ну, человеческая или другая?

– Человеческая.

– А у тёти Наташи, – переходит Полина на шёпот, – гусиная. Я сама слышала, как она говорила Фёдору: «Фёдор, отодвинься, у меня от тебя гусиная кожа», и ему показывала!

А у Ксении Оля недавно спросила:

– Ксюша, у вас учительница по географии беременна?

Ксюша после долгого раздумья:

– Вроде бы, нет.

– Ну как, у неё ведь животик?

Ксюша подумала ещё:

– Кажется, нет.

– А как её зовут?

– Александр Владимирович...

И опять же, везучий я. Это стало очевидным на рынке, куда я пришёл за картошкой. Там подвыпивший мужичок громко расхваливал свой товар:

– Картошка отборная! Крупная, сухая, экологически чистая! Бери, мужик, не пожалеешь.

Посмотрел я, картошка так себе, мелковатая, с точками, но у других ещё хуже.

– Ладно, – сказал, – давай килограммов шесть.

Продавец достал раздолбанный безмен, стрелка в котором уже находилась у отметки в один килограмм, а пружина болталась на полкило то в одну, то в другую сторону, и стал накладывать:

– Картошка у меня отличная, крупная... Вот смотри, сколько уже? Шесть, нет, это шесть двести. А я с тебя, так и быть, за шесть возьму! Понял? Здесь шесть двести, а я возьму за шесть! Вот просто понравился ты мне, и всё. Повезло тебе, везучий ты, мужик!

Посмеялся я, расплатился и пошёл по рядам дальше, лука там, укропчика купить. И пока ходил, слышал, как мой продавец на весь рынок кричал:

– Вот же повезло мужику! Картошки шесть двести, а я с него за шесть взял. Видать, везучий он!

Да, везучий. Однажды я перепутал автобусы междугородного рейса: оба они шли по одному маршруту, имели одинаковый цифровой номер и различались только буквой – мой рейс был дополнительный, и он уже ушёл.

– Так разрешите я поеду на основном, – попросил я контролёра.

– На него все билеты проданы, – сказал он.

Но на моё счастье одно место вдруг оказалось свободным – не пришёл пассажир. И сюрприз: это было то самое место, что значилось в моём билете!

Мне разрешили сесть, и мы поехали.

А через полтора часа нагнали дополнительный рейс с другой буквой в номере. Автобус стоял покалеченным на обочине шоссе: в него въехал грузовик – в ту часть, где должен был сидеть я.

...Также есть у меня дом, моя квартира, и в прошлом году мы в ней сделали ремонт.

...Ещё есть старинный город Сбоков-Бродинск, в котором я живу и иногда над нами обоими подшучиваю. Но оба мы всё более с ним связаны. И оба мы всё более мне дороги.

...Есть жители города Сбокова, мои новые земляки, люди в большинстве своём душевные, незлобивые и не жадные.

Как-то раз, заезжая в автосервис, я проткнул колесо. Мне его тут же и заменили.

– Сколько с меня? – спросил я.

– Нисколько. Ты же не специально. Вот если бы специально!

...Ещё у нас с Олей есть своя фирма, маленькая, но действующая. Послезавтра, я знаю, в офисе будут меня поздравлять. Возможно, подарят ежедневник. Все ведь мучаются,

что подарить бизнесмену на день рождения? Однажды мне подарили четыре ежедневника.

И, возможно, закажут по радио песню. Я как-то слышал, коллектив организации поздравлял свою сотрудницу песней группы «Несчастный случай».

Надеюсь, у меня будет что поставить в день рождения на стол. Надеюсь, будет кому за стол сесть. А вдруг – почему бы и нет – за этим столом окажетесь вы? Рад буду увидеть вас и обнять. Если случится. А если не случится, буду писать вам письма. В частности, продолжение и этого, вновь незавершённого письма.

Ваш

Эдуард Сребницкий.

Глава 31

Здравствуйтесь, дорогие Григорьевы, здравствуйтесь, Гена и Таня!

Во время отпуска в Геленджике мы ещё полетали на парашюте. Мне очень хотелось полетать на парашюте. На том, который прицепляют тросом и возят по морю за катером. Соль аттракциона заключена в длине троса: если трос короткий, то парашют поднимается невысоко, и лететь нестрашно, а если длинный, то ощущения становятся острее, и зазывалам приходится либо расписывать дополнительные выгоды полёта (в нашем случае было: «Мгновенное и существенное улучшение работы желудочно-кишечного тракта!»), либо убеждать отдыхающих в безопасности предлагаемого мероприятия («За всё время полётов у нас разбилося только три человека!»).

Я предложил Оле подняться ввысь вдвоём на одном парашюте. Чтобы вдохнуть полной грудью воздух свободы (хоть и на привязи), ощутить незабываемую радость полёта («Ах, отчего люди не летают, как птицы!»), захлебнуться от радости... Про захлебнуться, конечно, я зря сказал, ибо в аттракционе, как только катер прекращает движение, парашютисты немедленно падают в море, а как известно, мы не только не летаем, как птицы, но и не плаваем, как рыбы. («Ах, отчего люди не метают, как рыбы!» – было в КВНе у пермской ко-

манды).

Я пробуждал в Оле тягу к новым ощущениям, а она слушала с недоверием и показывала мне, как время от времени какой-нибудь до сей поры беззаботный отдыхающий, также решивший испытать новые ощущения, не успевал при старте схватиться за стропы парашюта, и теперь, стремительно набирая высоту, болтался, махая руками, в воздухе ниже своей закреплённой ремнями попы, то есть просто-напросто вверх тормашками, безуспешно и уморительно пытаюсь исправить это незавидное положение. Пляж извивался от хохота, а охваченный ужасом новоявленный парашютист испытывал, по-видимому, обещанное «улучшение работы желудочно-кишечного тракта».

Нахохотавшись вдоволь, я жену разубеждал. Я говорил, что это случайность, неловкость изнеженного курортника, и с нами такого, конечно же, не произойдёт.

– Никакой проблемы, – уверял я, – ты прицепись, да лети.

– Сам ты «прицеписьда», – нервно отвечала Оля.

Наконец, я использовал последний аргумент. Я сказал, что слетав на парашюте, мы будем иметь с ней право носить тельняшку и голубой берет. Мы будем пить водку в День Воздушно-десантных войск, материться на улице, ходить в обнимку с другими «голубыми беретами» и вместе с ними задирать прохожих и милицию. Видимо, такая перспектива показалась жене привлекательной, ибо она неожиданно согласилась.

Несколько раз наш полёт откладывался: то погода была не та, то настроение. И даже когда мы подошли к парашюту, я подумал, что подвиг и на этот раз не состоится: инструктор предложил даме снять серьги, ибо, как он сказал, «стропами уши может оторвать», чем, безусловно, придал даме заряд оптимизма.

И всё же мы полетели! Мы сделали это! Мы поднялись ввысь и вдыхали там полной грудью воздух свободы, ощущали незабываемую радость полёта, захлёбывались... Хотя, вполне допускаю, что вдыхал и ощущал исключительно я один, поскольку, повернувшись к жене, всегда наблюдал единственную картину: бледная, с закрытыми глазами, она держалась белыми пальцами за стропы и повторяла:

– Пошёл к чёрту!

Разве что захлёбывались после падения мы вместе.

И я её понимал. Я тоже в своё время боялся высоты. Но в армии меня об этом никто не спрашивал. Меня просто загоняли на строительные леса высотных зданий, просто показывали, какую работу я должен выполнить, и просто наказывали, если я этого не выполнял. Отсюда напрашивался вывод, что боязнь высоты есть сугубо моя личная проблема, с которой мне необходимо бороться, воспитывая в себе нужные качества.

Как-то на одном объекте строили мы здание высотой в двадцать четыре этажа. День почти закончился, солдаты переодевались для поездки в часть, а я и мой товарищ Паша

– оба мы призвались всего пару месяцев назад – одевшись, прогуливались невдалеке.

– Слушай, – спросил Паша, – ты когда-нибудь катался на люльке?

– В раннем детстве, – сказал я. – У бабушки была старинная люлька, которую она подвешивала на крюк в избе.

– Да не на такой. На строительной.

И он указал на некие приспособления у стены. Это были «люльки». Люлька похожа на балкончик, который благодаря установленному двигателю и закрепленным на крыше здания тросам перемещается вверх и вниз. Нажмёшь кнопку – «балкончик» поднимается на нужную тебе высоту, нажмёшь другую – медленно опускается. Не хочешь да прокачишься.

– А успеем до отъезда? – усомнился я.

– Пять минут туда, пять минут обратно.

То есть подразумевалось, что пяти минут нам должно хватить подняться до крыши двадцатичетырёхэтажного здания, и столько же времени понадобится, чтобы спуститься назад.

Я согласился. Я перекинул ноги через ограждение своей люльки, и сердце моё учащённо забилося: подняться на такую высоту в такой несерьёзной конструкции! Я понял, что отправляюсь на испытание своей воли, которая должна побороть во мне одно, а воспитать нечто совсем другое. И нажал кнопку. И зашумел двигатель. И люлька, оторвавшись от земли, поползла вверх. А справа в полутора метрах от меня

запустил двигатель Пашка, который, похоже, тоже тряся от страха.

Удивительно, но оказалось, что чем выше поднимается человек, тем лучше начинает работать его голова, тем чётче становятся мысли. Оторвавшись от суетного, здесь, между небом и землёй, ты начинаешь большее замечать, большее понимать, о большем задумываться. Стоило, например, нам миновать верхушки деревьев, как мы подумали, что неизвестно, вообще, закреплены или нет на крыше тросы? А также заметили, что на стене, по которой мы поднимаемся, нет ни единого окна. И поняли, что в случае чего снять нас оттуда будет невозможно. Но поняли мы также, что именно в такие минуты мальчики становятся мужчинами, и сказали себе: «Вперёд!», в смысле, «Вверх!» А про себя подумали: «И скорей бы вниз».

А ещё мы поняли, почему люлька называется люлькой: от ветра она имеет обыкновение раскачиваться, и чем сильнее дует ветер – а он дул всё сильнее и сильнее – тем сильнее становится качка, которая добавила нам некоторую порцию дополнительных ощущений. Заметили мы сверху также машины, прибывшие за солдатами, догадались, что не успеем на посадку, ибо запланированных пяти минут не хватит, чтобы добраться и до середины стены, но, посоветовавшись, решили продолжить своё полное пьянящей романтики путешествие.

И вдруг на высоте приблизительно семнадцатого, может восемнадцатого этажа романтика кончилась. Вдруг на высо-

те семнадцатого-восемнадцатого этажа произошло вот что: на моей люльке заклинило трос. То есть одна сторона «балкона» продолжала двигаться, а другая замерла на месте.

Это очень легко себе представить, если положить на дощечку какой-нибудь предмет и один край дощечки приподнять. Что произойдёт с предметом? Он скатится и упадёт. В данном случае роль предмета была отведена мне. С той лишь разницей, что у предмета в ту же секунду обнаружились невероятно цепкие руки (всё-таки от родственников-обезьян нам не стоит отрешиваться слишком категорично).

Благодаря рукам, а также дикому испугу, он, в смысле я, стремительно добрался по поручням до пульта управления люлькой и нажал кнопку «Стоп». Движение прекратилось. Рядом щёлкнул тумблер – это Паша, увидев происшедшее, в ужасе выключил свой двигатель. И наступила тишина. Я осторожно осмотрелся: мы с люлькой висели под углом примерно сорок пять градусов на страшной высоте. Нас раскачивал ветер и ударял об отвесную стену.

– Паша, что делать? – прошептал я.

Паша молчал.

– Паша!

– Попробуй ещё раз включить, – глухо сказал он.

Я дотянулся до кнопок и нажал на «Пуск».

Люльку подбросило так, что я чуть не перелетел за борт. И всё повторилось вновь: один край пополз вверх, а другой остался неподвижен, ещё более увеличивая опаснейший на-

клон. Но кроме того, конструкцию начало трясти. Судорожно ткнув пальцем в пульт, я остановил смертельный аттракцион.

И услышал за спиной шум. Из неудобного положения мне стоило большого труда оглянуться, чтобы увидеть то, чего я себе и представить не мог: оставив меня, Паша поехал вниз!

– Ты куда? – спросил я.

– Сейчас, – сказал Паша. – Сейчас, сейчас.

– Пашка!

– Сейчас, сейчас.

Я видел, как он спускался всё ниже и ниже, как достиг земли. Как побежал к ожидавшей нас двоих машине, возле которой нетерпеливо расхаживал старший лейтенант.

Лихорадочно осмысливая происшедшее, я вдруг понял: «А ведь Пашка прав. А ведь прав Пашка! Один он мне помочь не сможет, между люльками слишком большое расстояние. Нужно позвать всех и что-нибудь придумать».

Хотя что тут можно придумать, я не представлял. Вниз было не прыгнуть (мама дорогая!), вверх не подняться, сбоку не подлезть.

«Ничего, они опытные», – ободрял я себя и, борясь с головокружением, косился на землю, где там мой друг?

Друг, между тем, стоял, понутив голову, перед старшим лейтенантом и, очевидно, выслушивал разнос. Потом суетливо подбежал к машине, перепрыгнул через задний борт и скрылся под тентом. Я ждал. Ждал, когда старший лейтенант

помчится докладывать о случившемся командованию объекта. Когда дежурный полковник крикнет зычным голосом: «Группа спасения, ко мне!», и многоопытные спасатели, выслушав приказ командира, кинутся на спасение попавшего в беду молодого воина.

Я ждал. Но внизу ничего не происходило: никто не мчался с докладом и не кидался меня спасать, старлей как ходил, поглядывая на часы, так и продолжил своё нервное хождение.

И тогда я с ужасом понял: Паша ничего ему не сообщил! Пашка, боевой, можно сказать, товарищ, просто, бросив меня, удрал и ничего не предпринял для моего спасения! Я мог бы задуматься над глубокими вопросами дружбы и предательства, но задумываться не стал. Я запаниковал.

Как они теперь узнают, что я здесь? Кричать? Не услышат. Махать руками, чтобы заметили? Но кто имеет обыкновение просто так разглядывать отвесные стены близлежащих зданий? И кроме того, если я буду махать руками, кто станет вместо меня держаться за поручни?

И тут старлей голову поднял. Может быть, уловил мои отчаянные мысленные послания, а может, посмотрел случайно. Но он поднял голову, а потом медленно за неё схватился. Он стоял и смотрел на меня снизу вверх. А я висел и смотрел на него сверху вниз. Я увидел, как он обернулся к машине, как из неё выскочили старослужащие солдаты и тоже уставились на меня. Потом они начали что-то горячо обсуж-

дать. Пашу старлей не вызвал, значит, не понял, что мы были вместе.

В том же составе – старослужащие и старший лейтенант – «группа спасения» направилась к зданию.

«Никого лишнего привлекать не хотят, – догадался я. – Понятное дело, ЧП. За это старлею будет такое!»

Какое за это будет мне, я не думал. Меня занимал лишь способ, которым намеревались воспользоваться спасатели.

Способ оказался простым. Один из старослужащих поднялся в Пашиной люльке до моей высоты и хрипло произнёс:

– Прыгай сюда!

– Ты что, – донёсся до меня собственный голос. – Здесь далеко. Я не перепрыгну. Я вниз ёб...усь .

– Не ёб...ся, – сказал спасатель (а может, думал я после, это сказал мне Спаситель?). – Жить захочешь – полетишь.

И кто там утверждал, что люди не летают, как птицы? Я, например, полетел. Не очень отчётливо помню, но раз я оказался в соседней люльке, то как это могло произойти иначе?

Очевидно, взял и полетел.

– Что ты там делал? – угрожающе растягивая слова, спросил на земле старлей.

– Застрял.

– Понятно, что застрял! Что ты до этого делал?

– Ехал.

Видно было, что он всеми силами старается сдержаться.

– Куда ехал?

– Наверх.

– Зачем?

– Чтобы потом спуститься.

– По машинам! – страшно крикнул старлей.

И я кинулся в машину.

– Пашка, гад, – нашёл я своего «боевого товарища», когда забрался под тент, – ты чего слинял?

– Испугался я, – повинился Пашка. – Сильно испугался.

– «Шас, шас», – передразнил я его.

Паша смущённо хихикнул.

«Шас, шас», – повторил я.

Пашка засмеялся громче.

– Меня самого, – признался я, – до сих пор трясёт. Я ведь высоты боюсь.

Пашка покатился со смеху. И всю дорогу до части мы с ним хохотали, не переставая, и не могли успокоиться.

А старлей ничего никому не сказал, ему бы за это такое было!

...Поэтому я понимал Олины чувства во время полёта и не был в претензии, что за столь короткий промежуток времени, пока катер вёз нас обратно, она успела мне столь многое сказать. В том числе и то, что категорически отказывается от привилегии носить голубой десантный берет! Я вначале убеждал её этого не делать, а потом поразмыслил, да и сам от берета отказался: чего я буду один по квартире в го-

ловном уборе ходить?

Итак, дни нашего отдыха были событийно и эмоционально насыщены. И новые ощущения по прошествии времени если не стёрли, то несколько сгладили первоначально неприятное впечатление от наших хозяев. Мы приняли псевдо-люксовые условия проживания как данность, а заплаченную за них сумму как свершившийся факт и в целом премило провели отпускное время. И если вначале я и думать не хотел о том, чтобы ехать обратно до Новороссийска «на Славе», то теперь ничего против этого не имел, тем более, что он вновь предложил свои услуги.

По дороге мы со Славой, забыв взаимные обиды, разговорились почти по-приятельски, хотя я немного нервничал: за час с небольшим до отхода поезда у нас ещё не было билета на племянницу Галю. Как на службу ходили мы в железнодорожные кассы Геленджика, но так и не смогли купить всего один билет на фирменный поезд «Новороссийск – Москва». У нас даже zakралось подозрение, что такого поезда вовсе не существует, что это фантом, плод нашего расплавленного солнцем воображения, но нет, в расписании поезд значился, а не существовало только мест на него. Поэтому оставалась последняя надежда: купить недостающий билет на вокзале непосредственно перед отправлением.

– Что ж, – сказал я Славе в Новороссийске, рассчитавшись, – спасибо за всё. И до свидания.

– Подождите, – остановил меня Слава, – вы мне должны

ещё за прошлую дорогу, когда приехали.

– Как это, за прошлую дорогу? – не понял я. – Мы ведь за неё уже платили.

– Нет, вы платили только за проживание.

Взгляд у Славы казался чистым, но, если приглядеться, там можно было обнаружить муть и осадок, как в его домашнем вине. Я должен был помнить об этом. Но, к сожалению, думал о другом. Мысли мои витали у касс железнодорожного вокзала, где предстояла битва за билет. Я протянул Славе требуемую сумму и в ту же секунду, словно очнувшись, вспомнил, где и когда уже давал ему её. Но Славик, схватив деньги и не прощаясь, нырнул в машину и дал ходу. Надо было у него, подлеца, хоть что-нибудь из дома спереть.

А у железнодорожных касс битвы не случилось. Билеты на наш, представлявшийся фантомным, поезд продавали свободно. Оказывается, их раньше просто придерживали, не выставляя в продажу, а теперь выставили. Я вначале этого не понял.

– Что? Есть билет?! – заорал я. – Дайте скорее, я его забираю!

И забрал. Но оказалось, что если б я не горячился, то купил бы билет не в первый попавшийся вагон, а прямо в наш, в нём, оказывается, тоже были места. И задаваться вопросом, откуда они взялись, не имело смысла. Я ведь знаю, что железная дорога вредит мне персонально.

А вдруг не персонально? Я повернул голову. У соседне-

го окошка стоял пенсионер и очень возмущался. У другого окошка возмущалась женщина. Так что получалось, нас уже трое! Может железная дорога нас специально собрала в одном месте в одно время, чтобы вредить всем троим? Ну, как в книгах у Эдгара По или Агаты Кристи? В пользу этой догадки говорит тот факт, что я, женщина и пенсионер ехали потом в соседних купе. И в нашем вагоне (вагоне фирменного поезда, где билеты, между прочим, стоят в два раза дороже) оказался неисправен туалет. Ну разве это может быть случайностью? Не в предыдущем, заметьте, вагоне, не в следующем, а именно в нашем! И запах в коридоре стоял такой, что лучше было туда не высовываться.

Но не на тех глупая железка напала. Что мы, туалетов неисправных не нюхали? Нюхали! Мы люди закалённые и, бывало, нюхали такое, что другим представить трудно. Главное – нам удалось доехать до конечной станции. До Москвы.

Глава 32

«Московские вокзалы – ворота города», – писали авторы романа «12 стульев». (Вроде, непримечательная фраза, но в качестве цитаты представляет меня интеллигентным начитанным человеком). Всё, что вы в предвкушении новых впечатлений намеревались увидеть в Москве, представлено уже здесь, на вокзалах: толпы народа, претенциозная архитектура, метрополитен, бойкие продавцы пирожками, крупные торговые центры, откормленные таксисты, многочисленные бомжи, агенты турбюро, фастфуды и рестораны. Говорят, есть планы организовать на вокзалах передвижные художественные выставки.

Но я московские вокзалы недолюбиваю. Это чувство зародилось у меня в период младенчества – не собственно моего, а нашей фирмы – и, как многие детские впечатления, осталось в душе навсегда. В ту пору нам, младо-предпринимателям, приходилось предпринимать немалые физические усилия, перевозя на себе грузы из Москвы в Сбоков.

И вот, бывало, идёшь усталой предпринимательской походкой на свой поезд, тащишь на руках тяжеленные коробки, и тут откуда ни возьмись «двое из ларца одинаковых с лица» – наряд вокзальной милиции.

– Старшина такой-то и сержант рассякой-то, – представляются они. – Предъявите ваши документы. А также доку-

менты на груз. Так, хорошо. А где счета-фактуры, а почему печать плохо видна, а откуда мы знаем, что в коробках именно то, а совсем не другое? Пройдёмте, гражданин, в отделение, будем вызывать ОБЭП. Знаете, что такое ОБЭП? Это, гражданин, отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Этот отдел, гражданин, сейчас с вами, экономическим преступником, будет бороться. Он, гражданин преступник, сейчас вас поборет. Не хотите бороться? На поезд торопитесь? Так кто же вас, гражданин, держит? Заплатите и идите спокойно на свой поезд.

И мы, младо-предприниматели, платили. Сколько запросят, столько и платили.

Вы ведь слышали про «оборотней в погонах», как их называют в Министерстве внутренних дел? Про ужасных преступников в рядах нашей милиции? Вот они, эти самые оборотни, в больших количествах на московских вокзалах и водятся. А также черти, вурдалаки и прочая милицейская нечисть. И главное, поймать их не удаётся.

– Нет, – говорят «охотники за приведениями» из Управления собственной безопасности, – не видим никого.

И неудивительно, нечистую силу голыми руками не возьмёшь! Тут хитрость нужна. На что упыри слетаются? На запах свежей крови. Вот на этом-то их и надо брать! Поставьте челнока с сумками, или коробками посередь зала, и не пройдёт пяти минут, как к нему со всех щелей полезут «оборотни», страшные и голодные. Как там у Пушкина:

На могиле кости гложет милицейский вурдалак...

Говорите, у Пушкина «красногубый вурдалак»? Это хуже, у меня страшнее.

Так вот, когда милицейские вурдалаки на челнока повывезут, тогда и мечи в них осиновые колья, тогда и щипай петуха, чтоб кукарекал. Тогда и рапортуй об успешно проведенном мероприятии по поимке «оборотней в погонах».

Я понимаю, самим охотникам до такой хитроумной операции не додуматься, поэтому я готов обсудить с Министерством внутренних дел условия передачи им своей идеи. Вы, кстати, не знаете, в МВД хорошо за идеи платят?

Иногда, впрочем, мы на вокзальных милиционеров не обижались. Идёшь, напоминая, усталой походкой на свой поезд, тащишь тяжеленные коробки, и вдруг... Есть, понимаешь, среди них такие, которые умеют радоваться жизни. Вот увидел он тебя, и всё лицо его засветилось счастьем! Он, может, тоже устал, он, может, почти отчаялся встретить удачу, и тут – ты!

Громко издаёт он торжествующий клич, ударяет себя по ляжке, а напарника по плечу – мол, поспевай, дружок – и срывается что есть сил к тебе: рот до ушей, коленки острые в стороны летают, курточка задрана, чтоб не мешала, причиндалы между ног в такт бегу болтаются – влево-вправо, влево-вправо (я про резиновую палку и наручники). И столько

в нём искренности, столько радости и задора, что и сам ты, глядя на него, заулыбаешься: ну, не тебе, так пусть хоть кому-то сегодня повезло! И усталость как рукой снимет, и с лёгким сердцем отдашь ты ему деньги. А то ведь ещё поторгуешься (со временем мы научились с ними торговаться), да пошутишь.

И между прочим, почему только на вокзалах? Когда у нас для поездок в Москву появилась «Газель», про вокзалы мы почти забыли, а с ними и про вокзальных «оборотней». Мы теперь имели дело с другими нечистыми. С теми милиционерами, которые, как заправские рыбаки, вылавливали нашу «Газель» в водоворотах столичных улиц.

Вначале, видя иногородние номера, машину задерживали, или, если угодно, подсекали, сотрудники госавтоинспекции. Потом, удостоверившись, что подсекли то что нужно, они отправляли «Газель» в вышеупомянутый ОБЭП. И вот там с нами уже беседовали.

Звонит мне водитель из Москвы в Сбоков, передаёт трубку какому-нибудь капитану, и тот начинает:

– А где счета-фактуры, а почему печать видна плохо, а откуда мы знаем, что в машине именно то, а совсем не другое? Ну и что, что торопитесь, ну и что, что груз нужен. Думайте, как процедуру ускорить.

В общем, всё то же самое. Но недобрые воспоминания почему-то остались только от вокзалов. Видимо, действительно, детские ощущения – самые сильные.

Некоторые нас, правда, упрекают за то, что мы даём деньги милиции. Видный юрист Барщевский, например, прямо говорит, что этим мы развращаем милиционеров. Помилуйте, да как же их не развращать, если они сами того настоятельно требуют? Да ещё и мстить начнут, если откажешься с ними такое проделать.

Когда я работал в «Альтоне», ждали мы к Новому году большегрузный автофургон парфюмерии и косметики из Франции. Новый год это, ну что вы! Одиннадцать месяцев не торгуй, а к Новому году ставь прилавки. И наши руководители вложились, закупили во Франции товар на приличную сумму, надеясь в праздники заработать.

Но вот двадцать пятое декабря, а машины нет. Двадцать шестое, двадцать седьмое декабря. Дней для торговли уже не остаётся! Позвонили поставщикам во Францию. Те сообщили: «Машина вышла в срок, такого-то числа пересекла российскую границу. Последний раз водитель выходил на связь из Москвы. Будем ждать».

Какой там, ждать! Тридцатое число! Где, блин, машина? Она давно должна быть здесь! Товара по закупочным ценам на тридцать тысяч баксов! Обратились в милицию, запросили все службы, все посты ГАИ – нет, доложили те, запрашиваемого автофургона. Пропал, точно и не было его.

Не знаю, как далась нашим руководителям встреча Нового года. Подозреваю также, что тяжёлым было у них похмелье. Но вот настало третье января. И к воротам фирмы, свер-

кая боками, подкатила целая и невредимая французская фура. А за рулём – улыбающийся водитель-француз.

– Что случилось?! Где ты был?! – закричали наши руководители, прибежавшие из дому в тапочках на босу ногу.

А водитель по-русски ни слова, только лепечет что-то, да улыбается. Послали за переводчицей. Переводчица первый раз в жизни настоящую французскую речь услышала, но постепенно со словарём картину прояснила.

Отправляясь в Россию, водитель знал, что на постах дорожной полиции ему придётся давать взятки. Но оказалось, что суммы, которую он получил на эти цели в Париже и с которой рассчитывал доехать до Сбокова и обратно, хватило только-только на четверть пути, до Москвы. О данном приискорбном факте он сообщил по телефону своему начальству (как раз в последний сеанс связи) и получил выговор за непомерную, как представлялось из Парижа, расточительность. И всё же, куда деваться, крайне неохотное разрешение на дополнительный (и окончательный!) лимит по этой статье расходов.

Но на ближайшем посту ГАИ «сотрудники дорожной полиции» запросили с него столько, что не хватило всего нового лимита! Видимо, менты решили разом заработать себе на длинный праздничный стол.

Ошарашенный «мусью» замахал руками, стал объяснять милиционерам, что никто ему такие деньги не восстановит, что он простой водитель и не может в командировке тратить

личные средства, потому что у него семья, которую нужно кормить. На что милиционеры жеста́ми же отвечали (у Николая Фоменко на «Русском радио» было: «Мальчик жеста́ми объяснил, что зовут его Хуан»)... На что милиционеры жеста́ми же отвечали, что и у них семья, что и им нужно её кормить, а потому, если он хочет довезти груз вовремя, необходимые деньги должен найти.

– Я простой водитель и не имею возможности тратить личные средства, – оправдывался потом перед нами француз.

Но его никто не винил. Мы негодовали на милиционеров, которые, продержав машину несколько дней, на все запросы по её поиску отвечали отрицательно.

– Русские хорошие люди, – говорил между тем разомлевший от горячего обеда и выпитой водки француз. – Полицейские, которые меня задержали, принесли в Новый год водки, и мы с ними выпили за здоровье!

– Конечно, – обращаюсь я к господину Барщевскому, – можно, как в данной ситуации, денег не платить и милиционеров не развращать. Но кто в таком случае будет расплачиваться за их непорочность, на чей счёт следует тогда относить убытки?

Нет, господин Барщевский, я подозреваю, что если бы руководители нашей фирмы знали, где и по какой причине находится их груз, они бы тотчас помчались туда и, ни секунды не сомневаясь, развратили сначала бы этот пост ГАИ, потом

следующий, а потом, распалившись, все посты без разбору до города Сбокова.

Мне мужик один рассказывал – он сам сбоковский, но давно живёт в Москве – как дал гаишнику денег, а тот отказался. Мужик сроду таких милиционеров в Москве не видел и потому перепугался. Но, оказалось, что инспектор, который его остановил, был вовсе не московский, а командированный сюда сроком на один календарный месяц.

– И откуда ж вы такие командированные? – немного успокоившись, спросил мужик.

– Из города Сбокова, известного также под своим старинным именем Бродинск, – отвечал инспектор.

– Что? Сбоковские? Земляк! – кинулся мужик гаишнику на шею. – Да что же они там с вами, изверги, делают, что вы денег не берёте?

И теперь мужик всем рассказывает, что у него на родине, в городе Сбокове, гаишники денег не берут.

– Да ну, – сомневаются слушатели. – Такого не бывает.

– Сам видел! – бьёт себя мужик в грудь.

Этот случай я представил в продолжение полемики с господином Барщевским: что, как видим, человека достаточно трудно развратить, если он сам не имеет склонности к подобным действиям. А также хотел показать, что есть и у нас – и, возможно, не только в Сбокове – честные милиционеры. Так что, вполне возможно, времена потихоньку меняются. Как говорится в одном анекдоте: «Жизнь-то налаживается!»

И, может, вы этот анекдот не слышали, так я его расскажу, потому что мне он нравится.

Собрался мужик повеситься. Всё хреново: денег нет, на работе сплошные неприятности, дома дело к разводу идёт – никакого просвета. Встал на табурет, накинул петлю. Смотрит, на шифоньере покрытая пылью стоит бутылка, а в ней немного водки – старая заначка, забыл давно. Ну, не пропадать же добру! Снял петлю, слазил за водкой, выпил. Вышел на балкон. Видит, между досок окурков лежит, закатился когда-то. Вытащил его, сходил за спичками, закурил. И вот стоит мужик на балконе, выпивший, курит, на солнышко щурится.

– Слушай, – говорит сам себе, – а жизнь-то налаживается!..

Так что, возвращаюсь я к разговору, «жизнь налаживается»: честных гаишников на дороги выпускают, «оборотней в погонах» ловят.

А про челноков, тех кто возит товар коробками да сумками, слышал я, будто поставили им памятник в городе Калининграде. Нет, господа! Памятник российским челнокам нужно ставить в Москве! Конечно, и в Калининграде, но при этом обязательно в Москве! Через столицу в челночном бизнесе прошли и выжили сотни тысяч наших соотечественников, через Москву обули и одели они матушку-Россию. И я знаю, где должен стоять такой памятник – на площади трёх вокзалов. И я знаю, как он должен выглядеть: две женщины

с натужными лицами прут за собой здоровенные клетчатые сумки. Вы, кстати, не в курсе, московские власти за идеи хорошо платят?

... Совсем уж было закончил эту тему, как вдруг вспомнил про шум, поднявшийся в своё время вокруг аэропортов вообще и аэропорта Шереметьево в частности, где, как выяснилось, таможенники беспардонно обирали челноков-коммерсантов. И в рамках цикла «Новейшая история для детей» я сочинил тогда на эту тему стишок.

Называется он «Случай в аэропорту Шереметьево» (по мотивам стихотворения Самуила Маршака «Багаж»).

Дама сдавала в багаж:

Диван,

Чемодан,

Саквояж,

Картину,

Корзину,

Картонку

И маленькую собачонку.

В аэропорту Шереметьево

Таможня бумаги отметила.

– Как долетели?

– Нормально.

– Летайте ещё. До свидания!

– А где, – любопытствует дама, –
Всё то, что в багаж я сдавала:
Корзина,
Картонка,
Пейзаж,
Диван,
Чемодан,
Саквояж?

– Я ничего не видал, -
Таможенник сразу сказал. -
Может быть, знает пилот?
Он ваши вещи везёт.
– Как же, – ответил пилот, -
Брошу сейчас самолёт
И побегу со всех ног
Вещи стеречь челноков.
У грузчика лучшие спросите.

Грузчик сказал:
– Да иди ты...

Дама задумалась было.
– Господи, как я забыла:
Когда я пошла в самолёт,

Один пожилой эфиоп
Вам передать попросил
Деньги, что он одолжил
У царского, будто, посла.
Я их с собой привезла!

– Ох, эти нам эфиопы,
Задали снова работы!
Ладно, давайте сюда,
Пошлем мы завтра посла.
Кстати, нашёлся ведь ваш
Диван, чемодан, саквояж.

– Что вы?! Нашёлся? Спасибо!

– Привет эфиопу. Счастливо!

Глава 33

А теперь возвращаемся всё-таки к нам, возвращающимся из отпуска. В тот момент, когда мы тащим по московским вокзалам не коробки с товаром, а дорожные сумки и детей.

Мы прибыли на Казанский вокзал и переехали на Павелецкий. (Там на привокзальной площади всегда стоят междугородные автобусы, приглашающие пассажиров на южные направления. И однажды я видел автобус, купленный, видимо, за границей, борта которого были расписаны по-английски: «Paris. Rome. Berlin». Теперь же на табличке маршрута значилось «Ростов». А на лобовом стекле висел приклеенный скотчем лист бумаги: «Сегодня Махачкала»).

И уже от Павелецкого вокзала электричкой добрались до подмосковного посёлка, где ждали нас Олины родители и сестра.

Этот подмосковный посёлок был когда-то замечательным местом! Здесь жили и работали преимущественно инженеры и программисты, то есть люди умные и воспитанные. Они задумчиво бродили от дома до работы, сморкались исключительно в платок и галантно раскланивались при встрече.

Досуг они заполняли пением в местном хоре, праздники отмечали за одним столом, а шутили следующим образом: сотруднику по фамилии Корсаков давали прозвище «Римский-Корсаков», спустя время называли его просто

«Римский», после чего, естественно, «Папа Римский». Потом звали просто «Папа», затем «Папа Карло», следом «Карл Маркс» и возвращались всё-таки к лучшему, на их взгляд, варианту «Папа». «Папой» он с тех пор и живёт.

В те благословенные времена окрестные леса ещё не были завалены кучами дурно пахнущего мусора, а на поверхности местного пруда не плавали многочисленные окурки и пивные бутылки. Как вы понимаете, сейчас кучи пахнут, а бутылки плавают.

Произошло это отчасти из-за того, что местные земли начали активно осваивать московские дачники. А в большей степени по причине вымывания из столицы в такие вот посёлки разного рода малокультурного, но многовыпивающего люда. И там где раньше тёплой летней ночью мы не могли сомкнуть глаз от дивной трели московского соловья, теперь не можем уснуть от криков у квартиры торговки самогоном. Хотя, с другой стороны, что так не спать, что эдак.

И сейчас в посёлке все со всеми уже не раскланиваются, а здороваются только со знакомыми. Но, понятное дело, все друг друга знают и, если есть повод, рассказывают истории.

Мне, например, нравится такая. Он и она живут в посёлке давно. Он одинок и она одинока. И хотя они в одну квартиру не съезжаются, все привыкли считать их парой. Но вот она заподозрила, что он стал погуливать. К одной. Молодой и, ясное дело, бесстыжей. Она его начала ревновать, выслеживать, пытаясь застать у чужого дома (и, увы, не безрезультат-

но), и истошно кричать на всю улицу:

– Опять к своей бл...ди шастал?! Пусть она тебе теперь капусту и солит!

Сама же «бл...дь» на это особого внимания не обращает, ей некогда, она женщина занятая: держит огород, стадо коз и торгует молоком. Да в её молодые годы это и не в тягость, в её-то шестьдесят шесть! Это ж на двенадцать лет меньше, чем обманутой «жене» (той семьдесят восемь). И на шестнадцать, чем неверному «мужу» (восемьдесят два).

...Про соление капусты. Мы дома как-то тоже капусту солили. Оля на кухне шинковала на острейшей тёрке качан и вдруг как закричит:

– Ой-ой-ой, я палец отрезала! Ой-ой, кровь льётся! Ой-ой-ой!

Я прибегаю – всё в крови, но вижу, что ничего страшного нет, просто порез, хотя и сильный. Залил пораненный палец клеем «БФ», а Оля кричит ещё сильнее. Дети, перепугавшись, закрылись в своей комнате. Полина начала плакать.

Кровь мы остановили, но смывать не стали, лучше пока не трогать.

И тут Оля с окровавленной рукой идёт к детской, стучит в дверь и начинает просить глухим сорванным голосом:

– Дети, откройте мне дверь! Дети, откройте мне дверь!

Дети оцепенели от ужаса! Они в детском лагере слышали страшные истории про мать, которая приходила душить своих детей. Сидят шелохнуться боятся. А мать зовёт:

– Дети, откройте мне дверь!

Они не открывают.

– Дети, откройте мне дверь!

Ксюша сжалась в углу, Полина залезла под стол.

Защёлка медленно поворачивается, и в комнату входит мать. Лицо белое, рука в крови и пальцы растопырены.

Не знаю, как дети пережили такую жуть, но до них ещё долго не доходил смысл объяснения, что мама просто подняла здоровой рукой игрушку в коридоре и принесла им в шкаф.

И раз об ужасах разговор зашёл. В «Сбоковском обозревателе» в разделе «Криминальная хроника» я прочитал заметку про мужика, который проснулся утром со страшного бодуна и, как было сказано в заметке, «нашёл мёртвой свою вторую половину». Хорошо хоть одна половина у мужика осталась живой!

Но мы про посёлок. Когда Олины родители переехали сюда жить из Кургана, мой тесть, Василий Игнатьевич, быстро со всеми познакомился. У него, человека доброжелательного и общительного, всегда много друзей, а главное, подруг, за что над ним в семье постоянно подшучивают.

Помню, перед отъездом из Кургана отправились мы с тестем последний раз в одну местную баню. Вышли из парной, а навстречу нам банщица.

– Что, Вася, всё-таки уезжаешь?

– Уезжаю.

– Жалко.

– Конечно, жалко.

– Я ведь тебя, Васька, так любила!

Мне и до этого-то неловко было – всё-таки она женщина, а мы в таком виде – а тут от смущения я даже веником прикрылся. И сразу подумал: наверное надо тестя прикрывать. Ему ведь в любви признаются! А мы знаем, как это бывает: девичья робость, румянец на щеках, и всё такое. Но представил нас со стороны – они беседуют, а я прикрываю его веником – и не стал.

Меня, вообще-то, достаточно просто смутить. Как-то, будучи в Екатеринбурге, остановился я у Феоктистовых. Они с утра уходили на работу, и квартира была в моём распоряжении. Дни стояли жаркие, поэтому я разгуливал по дому в одних трусах.

И однажды в квартиру позвонили.

– Кто там?

– Соседка.

Посмотрев в глазок, я увидел женщину в домашнем халате, за ней – открытую дверь на лестничную клетку и повернул замок, абсолютно не подумав, в каком виде предстают перед незнакомым человеком.

– Ты один, что ли? – спросила соседка.

– Один.

Она принялась пристально меня разглядывать и вдруг сказала:

– Штаны можешь не надевать, пойдём ко мне!

И развернувшись, направилась в свою квартиру.

– Зачем?

– Здесь увидишь.

Меня прошиб пот. В нерешительности я топтался у двери.

– Мне некогда! – закричал я.

– Это недолго.

– Нет-нет, я не могу!

– Это недолго, – она вновь показалась на площадке. –

Утюг не работает, а я ничего не вижу, ты же знаешь.

– Так... вы думаете, что здесь Толя? – догадался я.

– А кто здесь?! – она испуганно отступила к двери.

– Толика нет дома, я его товарищ ... Давайте утюг, посмотрю.

Вечером Феоктистовы долго смеялись. У их соседки, действительно, крайне плохое зрение.

– Значит, – переспрашивали они, – штаны можешь не надевать?

Глава 34

Кроме Олиного папы также некоторому оживлению жизни в подмосковном посёлке способствуем и мы, по крайней мере, один раз в году – на День железнодорожника. В этот праздник у родителей собирается вся большая семья. Мы идём в лес, жарим шашлыки, выпиваем вина, а потом на всю подмосковную округу заводим чужеродную ей, в общем-то, песню «Урал! Урал! Твои просторы...»

В нынешнем году ко Дню железнодорожника мы не успели. Но это не помешало нам по приезду отправиться в лес, пожарить шашлыки, выпить вина и затянуть «Урал! Урал!..»

И всё было хорошо, как вдруг на словах, которые я всегда пою с особым чувством, ибо речь в них идёт о совсем уж родных мне местах:

*Люблю вершины Таганая,
Люблю уральский наш народ... -*

меня ужалила оса. Просто ни слова не говоря подлетела и пребольно ужалила в левое плечо. Возможно, она не любила «малых предпринимателей», возможно, терпеть не могла уральские песни, а может, мстила за то, что мы не приехали в День железнодорожника. Плечо тут же распухло, рука онемела, но я допел песню до конца. А также доел шашлык

и допил вино из бокала, так как увидел, что к столу несут новые шампуры и откупоривают ещё одну бутылку.

Вообще-то, я не очень удивился нападению осы, и напротив, ждал чего-либо в этом роде любую минуту. Дело в том, что меня уже целую неделю преследовали неприятности. А если пошла такая полоса, то ничего с ней не поделаешь, необходимо терпеть, пережидая, когда она кончится.

Пришла же она так. В Геленджике, когда, разомлевший, я лежал на пляже, мне позвонили из Сбокова и сообщили об аварии, в которую попал наш автофургон «Газель»: в него врезался автобус одной из тех частных фирм, что занимаются пассажирскими перевозками в городе. К счастью, никто не пострадал.

«Народ неспроста ругает частных перевозчиков в Сбокове, – текли в моей голове размягчённые мысли. – Говорит, что в этих фирмах, принадлежащих через подставных лиц городским чиновникам, водители никого не боятся. Устраивают гонки на дорогах (почему я закрывал на это глаза?), нарушают правила дорожного движения (разве мне это не было известно?), садятся пьяными за руль (до чего дошли – с пассажирами в салоне!). Люди стали бояться ездить в автобусах. Хотя, чего бояться-то? Ну, поломают в случае чего руки-ноги, и всё. А нам теперь машину ремонтировать».

Я почувствовал, что подгораю и перевернулся на другой бок. Я не знал, что у обалдую-водителя, который смял нашу «Газель», это была уже восьмая авария с начала года. Хотя,

если б и знал, что бы это изменило?

На следующий день мне позвонили опять, но уже вечером. Сказали, что нужно покупать новые кассовые аппараты.

– А что, за время нашего двухнедельного отсутствия имеющиеся аппараты устарели? – сострил я.

– Увы, – сказали мне. – Вышел закон, по которому имеющиеся кассы...

– Только не говорите, что надо выбросить.

– Именно так.

Я не поверил.

– Тут, – сказал, – слышно плохо. Повторите, пожалуйста.

– Вышел закон, по которому имеющиеся кассы подлежат замене.

– Опять замене?!

Напоминаю, дело происходило вечером, после выпитого мной бокала-другого вина. И я уже не был похож на аморфного пляжного отдыхающего. А потому, в сердцах бросив трубку и воздев руки к небу, обратился к окружающей аудитории, встревоженной моим волнением.

– Граждане, товарищи, господа! – возопил я. – Братья и сёстры, соотечественники, друзья! Посмотрите, что делают с трудовыми людьми. Посмотрите, как над нами измываются. Как отбирают предпоследнее! И кто? Родное государство, которому мы верили, как себе.

Ведь мы же, граждане, делали всё, как оно велело. Оно составило список разрешённых кассовых аппаратов, и мы по-

шли и на честно заработанную копеечку эти аппараты приобрели. Заметьте, граждане, не какие-то первые попавшиеся аппараты, а именно те, на которые оно нам указало. Потому что привыкли слушаться своё государство, привыкли во всём ему доверять. Разве мы думали, что оно начнёт безобразничать?

Вначале оно заставило нас обклеить каждую купленную кассу голографическими наклейками. За деньги, конечно. И обклеивать новыми каждый год. Зачем? Никто не знает! Оно, конечно, с наклейками красивей. И, наверное, в стране есть люди, которые на этом зарабатывают (десятки миллионов наклеек ежегодно!) Но пусть бы они зарабатывали как-нибудь по другому. Вагоны с фруктами вон можно разгружать, за это сейчас хорошо платят.

Ну да ладно. Только мы успокоились, как государство сказало нам:

– Хочу, чтобы вы теперь оснастили каждый аппарат фискальной памятью.

– Какой памятью? – не поняли мы.

– Фискальной, – повторило оно строго. – Ведь у меня есть фискальные органы. Видели мои фискальные органы? Или показать?

– Нет, нет, не надо! Видели, – в страхе закивали мы. (Это, граждане, кто не знает, такие органы, которые налоги собирают).

– Вот так, – удовлетворённо сказало государство. – И для

этих органов вы должны установить штуки, которые называются «фискальной памятью». Чтобы можно было в любой момент узнать, кто из вас, чего и сколько наторговал.

– Так вы ж сами, в смысле, само... – И мы заулыбались: – Забыли, наверное.

Мол, заработалось совсем наше государство, что говорило, само не помнит. Ну да с кем не бывает.

– Чего само? Чего забыли?

– Что по закону теперь не важно, кто сколько наторговал. Плати единый налог – и всё.

– Ничего я не забыло.

– А зачем же тогда эта... для органов, если не важно?

– Зачем-зачем... Мало ли, пусть будет.

Вот как, граждане, обирают честных людей: заставляют покупать дорогие и не нужные им устройства. Оно, конечно, с устройствами красивей. И кто-то в стране, наверное, на этом зарабатывает...

– А скажите, – ещё спросили мы. – Если эта... фискальная память на какую-то кассу не подойдёт, что тогда с кассой делать?

– Выбросить, – зевнув, ответило государство.

И мы выбросили. Я лично выбросил несколько дорогущих импортных аппаратов, которые ранее, напомним, указало мне купить государство.

А теперь, что же, опять?! Но где же этому, граждане, я спрашиваю, предел?! Когда же это, граждане, интересуюсь

я, кончится?!

Я вопросительно смотрел на внимающую мне аудиторию. Аудитория, состоящая из окрестных геленджикских котов, этого не знала. Она терпеливо ожидала окончания моей речи, чтобы получить оставшуюся с ужина курочку.

– Самое ужасное, – обратился я к котам, сходяв за курицей, – что, как мне сообщили, новые аппараты стоят в четыре... в четыре (!) раза дороже нынешних! Как вам это нравится?

Мне показалось, котам это не понравилось. И в благодарность я отдал им остатки ужина.

– Наше государство мошенник, шулер, – горько говорил я, глядя, как мои недавние слушатели растаскивают по кустам добытые в бою куски. – А с шулером обычному человеку играть опасно.

...Но это были не все напасти. Просто они случились до того, как мы поехали в аквапарк. В Геленджике открылся новый аквапарк, третий по счёту в городе и первый по величине в Восточной Европе! Наши дети плескались, катались с крутых горок.

Оля тоже съехала один раз. Еле-еле поддалась она на уговоры забраться на «такую невообразимую высоту». Мы с детьми скатились в первую очередь и теперь ждали внизу, когда спустится мама. Один за другим неслись в струе воды отдыхающие, но Оли среди них не было.

И вдруг нескончаемый до сей поры поток людей прервал-

ся, прекратился, иссяк. Проходила минута, другая, третья, а поток не возобновлялся, словно кто-то наверху наглухо заткнул горлышко пробкой. Мы поняли, что это за пробка, то есть кто там наверху готовится к спуску. И когда в фонтанах брызг из-за поворота появилась наконец мчащаяся по жёлобу бледная Оля, Полина, долго ожидавшая этого момента, в радостном возбуждении принялась бегать взад-вперёд и кричать:

– Мать моя женщина! Мать моя женщина!

Я тоже скатился с нескольких горок. Правда, из-за обилия народа пришлось на каждой из них выстоять немало времени. И вот в одной очереди я почувствовал, что две молодые женщины, стоящие позади, смотрят на меня. Я незаметно скосил глаза: точно, время от времени бросают на меня любопытствующие взгляды. Кто бы сказал, что ему это не приятно? Я бы не сказал. А что? Я мужчина видный, не атлет, конечно, но для физических упражнений время нахожу. И когда очередь подошла, я красиво так прыгнул на горку и с небрежной улыбкой скатился вниз.

У бассейна внизу меня ждала Оля.

– Что это у тебя? – спросила она, когда я выбрался на траву.

– Где?

– На плавках.

– На плавках?

– Сзади.

Я запрокинул голову назад (каждый знает, как это просто) и понял, что так притягивало взгляды стоящих за мной людей: сзади на плавках с правой стороны красовалась оплавленная по краям, прожжённая чьей-то случайной сигаретой дырка!.. Как это произошло?! Когда?! Почему я ничего не почувствовал?! Я представил себя наверху в дырявых трусах, и мне стало грустно.

Но ещё более я загрустил, когда подумал о предстоящих выходах на родной пляж. Там вам не случайная очередь, там люди друг у друга перед глазами по полдня торчат. И ведь до отъезда домой осталось-то всего двое суток! Но теперь на эти двое суток придётся что-нибудь придумывать. Вроде бы, чего придумывать: иди в магазин и покупай. Но не всё так просто. Однажды я уже покупал в Геленджике плавки.

Дело в том, что приехав на море, я обнаружил, что взял с собой абсолютно всё, что необходимо для приятного летнего отдыха, за исключением одного – купальных принадлежностей. Поэтому, хлопнув себя по лбу и посетовав на суету сборов, отправился их покупать.

На первый взгляд местные магазины и рынки предлагали прямо-таки изобилие всевозможных купальных костюмов, причём, от известнейших фирм, но приглядевшись, можно было обнаружить удивительную схожесть всех этих изделий между собой, а также не характерную для подобного рода марок дешевизну. Я оглядывался в сторону пляжа, благо вся торговля располагалась тут же, у моря, и легко различал эти

«фирменные» костюмы, с одной стороны, по их незатейливым фасонам и расцветкам, а с другой, по чудовищному отвисанию резинок в самых неподходящих местах. Подобного шика я позволить себе не мог.

Время отпуска стремительно улетало, а я вместо того, чтобы лежать на пляже, рыскал по торговым точкам, всё более злясь по этому поводу. Оля в знак солидарности тоже оставила море и таскалась со мной, но помочь, понятное дело, не могла. Наконец что-то более-менее приличное мы подобрали. Я радостный побежал купаться и, наверное, совсем забыл бы о неприятности первых дней, если бы не поездка в аквапарк.

А теперь? Что мне нужно было делать теперь? Вновь отправляться по магазинам с перспективой купить купальные принадлежности к отходу нашего поезда? Нет, о магазинах не могло быть и речи. И я принял решение: идти на пляж в чём был. В смысле, в пострадавшем костюме.

Разумеется, как человек с самолюбием, я должен был предпринять некоторые меры для спасения репутации. Поэтому придумал вот что: держать руки сзади, соединив их внизу в области имеющегося повреждения. А чтобы не напоминать таким видом заключённого, придумал ещё передвигаться неспешно, словно бы, в задумчивости, создавая образ глубокомысленного, погружённого в себя человека.

С таким видом я ходил вокруг наших лежаков, так же, полон дум, отправлялся купаться (к моему неудовольствию,

оказалось, лежащие на пляже люди страшно любят смотреть, как другие заходят в море), так же неторопливо возвращался обратно и, продолжая держать руки сцепленными, бухался загорать. В общем, три последних выхода на пляж дались мне совсем не просто, и успокаивала лишь убеждённость, что своей задумчивостью я произвёл исключительно благоприятное впечатление на окружающих.

А теперь скажите, кого из всех собравшихся в подмосковном лесу людей должна была укусить оса? Понятное дело – меня.

Животные и насекомые вообще чувствуют, кто в данный момент наиболее уязвим. Один мой знакомый, Андрюха, человек достаточно крупный, купил маленький автомобиль «Ока», явив для нас повод посостязаться в зубоскальстве. И как-то раз стояли мы компанией вместе с Андрюхой возле припаркованных автомобилей, среди которых он расположил и свою, как говорил один мой знакомый, «надсмешку». И тут подбежала собачонка: рыжая, плюгавенькая, хвостик крендельком. Обнюхала последовательно все машины, вернулась к Андрюхиной «Оке» и, задрав ножку, обильно её сбризнула, после чего с гордым видом проследовала дальше. Только вздрогнула немного от нашего дикого хохота.

Поэтому я и говорю, что нисколько не удивился, когда оса ужалила именно меня. Другое дело, что имея за плечами такой набор неприятностей, мне следовало после укуса залечь

с самой толстой книгой в самой дальней комнате и затаиться. Но я не залёг. Я отправился в Москву на футбол. И понятное дело, «Локомотив» сыграл безобразно. Ему нужно было выигрывать, он должен был у такой команды выигрывать, но в этот день к несчастью для игроков на трибуне сидел я, и единственное, что им удалось – еле-еле вытащить матч на ничью.

Я спрятал в карман шарф с лозунгом «Самый лучший коллектив – это наш «Локомотив»!» и в сопровождении Оли поплёлся к станции метро. Оля шла чуть сзади, и говорит, ничего сначала не поняла. Ей показалось, будто лошадь просто ткнулась мне мордой в плечо.

Ничего себе, ткнулась! Вороная, как смоль, лошадь, вернее, конь, из оцепления конной милиции пребольно меня цапнул. Укусил! Представляете? Идут со стадиона тысячи людей, и вдруг он кусает меня! Но самое обидное, что этого никто не заметил. Вокруг не собралась толпа, не начала горячо обсуждать происшедшее, а на следующий день в столичных газетах не появилась заметка «Попал под лошадь», или, точнее, «Укушен лошадыю». Восемьдесят лет назад, когда пострадавший, некто О. Бендер, лишь «отделался лёгким испугом», газеты сочли событие достойным внимания, а сейчас, когда пострадавший действительно пострадал – нет!

Но ладно, если бы случившееся обошла вниманием только пресса. Оказалось, что его абсолютно не заметила и хозяйка коня – очаровательная молодая милиционерша, вор-

ковавшая в этот момент с очаровательным молодым милиционером на пегой кобыле.

– Тебе надо было остановиться, – сказала потом Оля, – и потребовать компенсацию за причинённый ущерб здоровью.

Конечно, мне и самому приходила в голову такая мысль. Нет, сначала мне пришла в голову мысль: «Ё-моё, меня укусила милицейская лошадь!», а уже за ней: «Может быть, остановиться, зафиксировать происшедшее, а потом потребовать с них компенсацию?» Но не успел я так подумать, как в голове тут же возникла мысль другая: «Ой, чего вы там собрались фиксировать, чего требовать? Я вас умоляю! Сколько дней вы находитесь в Москве, пять? А где у вас регистрация? Нету регистрации? Тогда вам сейчас такого зафиксируют и такого потребуют! Идите-ка лучше отсюда и будьте благодарны, что вас только укусили. Укусили его! Меньше надо лошади под зубы лезть».

Чувствуя на плече влагу от лошадиных слюней и повреждение от сильных зубов, я плыл вместе с толпой по направлению к метро, как вдруг сквозь гул голосов услышал далеко за спиной конское ржание и в тот же момент понял, кто это ржёт, по какому поводу и почему укушено моё плечо. Это был он, Козырь! Да-да, он, несмотря на то, что его никак не могло здесь быть, а с нашей встречи минул уже добрый десяток лет – целая вечность по лошадиным меркам.

Глава 35

Надо сказать, что, как и большинство современных людей, я не рос бок о бок с лошадьми: не уносился на них ранним утром в степь, не купал их в лучах заката на реке и даже не шёл за ними с плугом босиком, хотя и считаю себя в глубине души писателем. Но, с другой стороны, я видел лошадей не только в кино и на картинках.

Родился я, хоть и в городе – в уральском промышленном городе Миассе, – но в частном его секторе. Мой дедушка в прошлом был старателем, мыл золото, а в остальном они с бабушкой вели практически натуральное хозяйство. По свидетельству моей тётки, их старшей дочери, они держали шесть коров, быка, двух лошадей, несколько овец, «а птицу не считали». Это была патриархальная семья, где даже при Советской власти чтили православные устои, а детей отпускали в школу только после уборки урожая и окончания подготовки к зиме.

В те времена, которые помнил я, скотины в доме оставалось уже мало, корова да лошадь. И были ещё куры с петухом, который (петух) по биологическим параметрам к скотине, вроде бы, не относился, но по поведению – был главной скотиной на дворе, ибо только за то, что я научился очень похоже кудактать и кукарекать, не давал мне проходу и норовил каждый раз догнать и клюнуть, пока я бежал от дома

в огород.

Мы с родителями жили в доме у дедушки с бабушкой и, вспоминая ту жизнь, я осознаю себя таким мастодонтом, таким динозавром, что готов написать завещание с разрешением выставить после смерти мой скелет в музее естественной истории где-нибудь между тираннозавром и пещерным медведем. Дело в том, что я помню времена, когда люди обходились без телевизоров, холодильников, микроволновых печей, стиральных машин, газовых и электрических плит и не то что без смартфонов, но даже без стационарных компьютеров! Когда деревья пилили на чурбаки, чурбаки кололи на дрова и топили дровами печи. Когда воду носили вёдрами в коромыслах, а за куриными яйцами шли не в магазин, а в курятник.

Возможно, вы не поверите, что такое когда-то было и сочтёте меня отъявленным вруном, возможно, я не смогу убедить вас в обратном. Но тогда просто читайте эти строки как фантастику, а меня назовите писателем-фантастом: в вашем мировосприятии всё встанет на свои места, а мне будет приятно – всё же фантастом называться лучше, чем вруном, хотя по сути это одно и то же.

Но мы о лошадях. В моих воспоминаниях дедушка запрягает лошадь, кладёт в телегу косу-литовку, узелок с обедом, сажает меня, и мы едем в поле, где дедушка косит, а я сижу в траве и рассматриваю ползающих букашек.

В моих воспоминаниях мороз, трескучий мороз. Я и две

мои двоюродные сестры сидим в санях, накрытые овчинными тулупами. Под полозьями скрипит снег, а из ноздрей бегущей лошади вырывается пар – дедушка везёт нас с сёстрами в детский сад.

В моих воспоминаниях лето, мы с дедушкой в телеге трясёмся вдвоём, и вдруг он протягивает мне вожжи и говорит:

– А ну-ка, на, поддержи.

Я со страхом беру вожжи в ладони.

– Крепче, – говорит дед. – Лошадь должна чувствовать сильную руку. Но слишком не тяни. Вот так. Теперь ворота. Хорошо. А теперь чуть поддай. А ну, пошла! – кричит дед лошади, и та переходит на бег.

От радости захватывает дух: я правлю лошадю! И тут она приподнимает хвост и начинает справлять надобности, малые и большие. И я удивляюсь, как же ей это удаётся на ходу?

Но вот воспоминания новые. Дедушки уже нет. Он, как и все мужчины в моём роду, жившие в городе в 1957 году, умер от рака. Тогда на заводе «Маяк», расположенном от нас в ста километрах, произошёл взрыв и ядерный выброс в атмосферу. Умирили от рака и женщины, но почему-то мужчины чаще. Не только у меня. У всех моих друзей. Да и вообще у всех, кого я знал. Сколько бы лет ни прошло, современников катастрофы болезнь всё равно потом настигала. И за ущерб жизни и здоровью никто не получил ни копейки.

И вот дедушки нет. Мы с родителями живём в пятиэтажном доме, в новой современной квартире. Но я опять еду

на запряжённой лошадию телеге. Это дядя Серёжа, собирающий по детским садам оставшуюся с обедов пищу, взял меня с собой. У дяди Серёжи вместо правой ноги деревянная культя, но он лихо таскает баки с пищевыми отходами в телегу. Потом забирается сам и чуть кивает головой, давая тем самым нам, окрестным пацанам, разрешение забраться следом.

– Но! – даёт дядя Серёжа команду лошади, и мы всей оравой отправляемся в путь: дядя Серёжа везёт недоеденные детьми супы и каши в свинарник.

Как же это здорово! Стучат по асфальту копыта, скрипят под телегой колёса, плескается в баках тошно пахнувшая бурда, норовя выплеснуться и облить тех, кто сидит с баками рядом.

– Кто править умеет? – вдруг спрашивает дядя Серёжа. Все затихают.

– Никто, что ли, не пробовал?

Все, оробев, качают головами.

– Я пробовал, – набираюсь я храбрости.

– Тогда держи, – протягивает мне вожжи дядя Серёжа.

Мокрыми от волнения пальцами я беру вожжи и, вспомнив деда, натягиваю их чуть крепче.

– Так, так, – одобрительно кивает дядя Серёжа. – Правь.

Он закуривает, а я правлю лошадию – серой с жиденькой гривой лошадию Дымкой. Уши мои горят от гордости, и я спиной чувствую восхищение и зависть сидящих позади па-

цанов.

Я решаю поддаться, как учил меня дед.

– А ну, пошла! – кричу я тонким голосом и сопровождаю команду шлёпаньем вожжей.

Дымка дёргается – сидящих позади пацанов обливает бурдой из баков.

– Хорошо, – кивает дядя Серёжа, – только не так резко.

Мои завистники, ругаясь спрыгивают с телеги, но остальные едут дальше: они надеются, что дядя Серёжа и им разрешит править Дымкой.

И вот я уже студент университета – в должности комиссара отряда приехал в «колхоз». Я отслужил в армии, а потому ношу солдатский бушлат, который захватил с собой на дембель.

Из расположения отряда мне нужно добраться до поля, где наши работают с самого утра. Я иду к конюшне: комсоставу разрешено по необходимости брать лошадь. Несмотря на то, что ранее верхом я не ездил, научиться не составило особого труда. Кобыла Зита, которую запрягал нам конюх, была смирной и послушной. Конюх же рассказал, как нужно держать поводья, держаться в седле и править лошадию.

– Мне бы Зиту, – говорю я и сегодня конюху.

– Зиту агроном забрал, – отвечает он.

– А кто есть?

– Да никого нет, всех разобрали. Вот, разве что... Козырь, – конюх, странно прищурившись, смотрит на меня. –

Тебе очень надо?

– Вообще-то, да.

– Тогда бери, – радостно говорит он.

Чего он радуется?

– Щас запрягу.

Конюх скрывается в недрах конюшни и вскоре выводит оттуда вороного, отливающего на солнце графитом жеребца.

От вида Козыря мне становится не по себе. Ноги мои начинают поддрагивать под коленями. Конюх держит жеребца за узду, и удаётся конюху это с трудом. Передо мной то ли царь лошадей, то ли дьявол в конском образе. Козырь громко фыркает, и мне кажется, что из его ноздрей вырывается пламя.

– Не заробеешь? – спрашивает конюх с невинным выражением лица.

– А чего робеть-то? – отвечаю я почти шёпотом: голос мой куда-то пропадает. – Дело привычное.

Конюх помогает мне забраться в седло.

– Воли ему не давай, – говорит конюх, и в его глазах проскакивает то ли сомнение, то ли раскаяние от совершаемого злодеяния.

Но вот он бьёт ладонью Козыря по крупу, и мы, срываясь, уносимся прочь от конюшни.

Мы несёмся по дороге галопом. Конь сам перешёл в галоп и явно наслаждается возможностью размяться. Расстояния покрываются быстро: вот лесок, вот пригорок, вот ещё один

лесок. Проблема состоит в том, что мчимся мы не по той дороге, которая ведёт к картофельному полю: моя в другой стороне, гораздо левее. Я решаю намекнуть об этом Козырю, потянув повод влево. Конь будто и не слышит меня. Я тяну сильнее. Вместо того, чтобы направиться куда следует, Козырь неожиданно останавливается и удивлённо поворачивает голову, пытаясь рассмотреть, что там у него на спине?

– Давай, – говорю я, – нам влево.

Козырь не двигается. Я подкрепляю свою команду движениями ног – шенкелями. Козырь продолжает разглядывать меня. Зубы, его мощные белые зубы, обнажаются в нехорошей улыбке.

«Воли ему не давай», – вспоминаю я слова конюха. «Лошадь должна чувствовать сильную руку», – вспоминаю я слова деда. Я чуть натягиваю, потом ослабляю поводья и вновь даю команду шенкелями.

– Вперёд!

И тут Козырь, ещё более закинув голову назад, хватается моё колено зубами. Вернее, пытается схватить, ибо я успеваю ногу отдёргнуть. Козырь пытается укусить меня снова. От неожиданности я теряю равновесие и едва не лечу вниз. Но удерживаюсь и затихаю в седле. Успокаивается и Козырь.

Какое-то время мы находимся без движения: Козырь стоит на дороге, а я ему не мешаю. Но надо что-то делать.

– Всё, успокоился? – спрашиваю я. – Тогда поехали. Вперёд!

Козырь не реагирует.

«Воли ему не давай». «Воли ему не давай».

Я чуть натягиваю поводья, потом в меру ослабляю и резко шлёпаю коня по крупу ладонью.

– Пошёл!

И тут начинается представление. Не сходя с места, Козырь подбрасывает задние ноги, и я подлетаю выше его холки. На несколько секунд я оказываюсь в положении невесомости. Сверху мне видно дорогу и поле, на которых нет ни души. Приземляясь, я успеваю схватиться за седло, чтобы не грохнуться на землю и не расшибиться. А Козырь подпрыгивает ещё раз, потом ещё. Его цель – сбросить меня на дорогу под свои сильные ноги, под свои копыта.

Я давно отпустил поводья, вцепившись до боли в костяшках в седло. Наверное, я напоминаю ковбоев из Техаса, которые, состязаясь, пытаются удержаться на спине разъярённого скачущего быка. С одной стороны, мне проще, у меня есть седло, но с другой, если ковбой слетит на землю, быка тут же отгонят стоящие настороже помощники. А кто отгонит разъярённого Козыря?

А Козырь разъярён. Из рта у него вылетают клочья пены, глаз наливается кровью. Я вижу этот глаз, потому что Козырь придумал вот что. Теперь, прыгая, он бросает меня вперёд и, закидывая голову, старается схватить зубами! Зубы щёлкают в воздухе, Козырь хрипит, прыгает и крутится на месте.

Несколькими абзацами ранее я упомянул, что считаю се-

бя в глубине души писателем. А теперь засомневался. Ибо, если бы я на самом деле им был, то, прыгая в седле, должен был бы понимать происходящее не как грубое материальное происшествие, а как событие тонких духовных сфер, отражение реальности не столько физическое, сколько образное. Как борьбу двух личностей, двух сил, как обнажение двух сущностей, двух начал. И паря в духовных сферах, возможно, меня бы посетило озарение о единстве, о неделимости тех начал, о том, что не существует противостояния вовне, а все противостояния происходят лишь внутри нас...

Но в описываемый момент я парю не в тонких сферах, а над крупом бешеного коня и понимаю, что вот как, оказывается, лошади справляют надобности во время движения! Ибо, оказывается, ничего сложного в этом нет, и, охваченный ужасом, я бы сам давно их справил, если бы не был слишком уж занят борьбой за жизнь – жизнь, висящую на волоске, или, если угодно – на конском волосе.

Знаете ли вы историю про корабли «Юнону» и «Авось», про русского посланника Резанова и юную испанку Кончиту, ожидавшую в Калифорнии своего возлюбленного на протяжении тридцати пяти лет? Знаете ли, что услышав про его гибель, она сказала:

– С этого момента я больше не жду. И с этого момента я больше не живу.

А знаете ли вы, как погиб русский посланник Резанов? Он в Сибири упал с коня. «Я тебя никогда не забуду. Я тебя ни-

когда не увижу». Неужто и меня постигнет участь Резанова? Но ему к моменту гибели было уже за сорок – а мне нет и двадцати пяти; он был вдовец – а я ещё не женат; у него было двое детей – а у меня ни одного. И главное: будут ли меня ждать из «колхоза» тридцать пять лет? Вопросы, отвечать на которые пока недосуг.

Сколько же я борюсь с конём? Минут двадцать? Тридцать? Сорок? Но наконец, мы с Козырем обессиливаем. А может, это обессиливаю я, ибо сравнивать свою силу с лошадиной было бы несколько самоуверенно. И всё же Козырь успокаивается. По негласной договорённости между нами устанавливается статус-кво. В закончившемся поединке нет победителя, мы оба с противником одерживаем победу: Козырь остаётся гордым непокорённым конём – а я остаюсь живым и даже невредимым, что не так уж и плохо.

Он направляется к конюшне, я ему не мешаю: мне самому очень хочется вернуться, и побыстрее, но подгонять это исчадие ада я не рискую. По пути Козырь решает ещё пощипать травки. Пусть пощиплет, что мне, жалко, что ли?

С запозданием я вспоминаю произведение настоящего писателя, где тот описывает противостояние, борьбу, вычленяет сущность и прочее: повесть Эрнеста Хемингуэя «Старик и море».

– Рыба, – говорю я коню, – рыба...

Далее следует монолог, который, памятуя о том, что мои записи могут читать женщины и дети, я не решаюсь здесь

привести. Но заканчивается он так:

– Чтоб тебя, рыба, акулы сожрали! Вернее, волки, раз ты конь.

Почему-то мне думается, что волки сожрут только коня, а меня не тронут. Козырь отвечает на мой эмоциональный монолог громким продолжительным звуком из-под хвоста. Я не удивляюсь.

На конюшне я осторожно освобождаю ноги из стремян и прыгаю на землю. И в ту же секунду надо мной раздаётся щёлканье лошадиных челюстей: этот дьявол таки пытается меня укусить! Но я начеку и успеваю отпрыгнуть. К нам с грозными криками бежит конюх. Козырь пытается укусить и его. Конюх хватает узду, борется с Козырем и наконец ведёт его в конюшню.

– Ну, как съездил? – кричит мне конюх.

Не отвечая, я разворачиваюсь и иду к расположению отряда. Из конюшни доносится ржание Козыря. И разрази меня гром, если я не слышу также ржания и конюха. Видимо, это у них на конюшне забава такая – подсунуть Козыря новичку, ибо позже я узнаю, что подчинить жеребца, особенно в некоторые периоды его жизни, задача сложная, крайне опасная, а подчас и невыполнимая даже для опытного наездника.

А для тех, кто не знает, я поясню, что конь и жеребец это не одно и то же. Вернее, не совсем одно и то же. Поскольку каждый жеребец это конь, но не каждый конь это жеребец. (Всё же мне удалось сформулировать одну глубокую мысль!)

Жеребец – это производитель, зачастую единственный в табуне, со всеми вытекающими из данной функции особенностями натуры.

«Я тебя никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу».

И вот теперь в Москве зубы Козыря нашли меня. Пусть зубы не его самого, но от него с приветом – в образе столь же вороного милицейского коня. Нашли в чередё других неприятностей, свалившихся на мою голову к самому концу отпуска. Но я не вижу в неприятностях большой трагедии: тёмная полоса обязательно сменится светлой, а если повезёт – то полосой удач! В своём везении лично я не сомневаюсь.

Единственное, что укушенное милицейским конём плечо моё (это было другое плечо, не то, которое пострадало от осы) тоже распухло, и я теперь стал похож на бодибилдера с разведёнными в стороны руками.

...По дороге в Сбоков мы простудились. Удивительно, но в фирменном образцовом поезде «Бродинск» оказался один старый, жёсткий, продуваемый сквозняком вагон, и вагон этот, естественно, был нашим. Я плохо спал. Вставая среди ночи, я укрывал шерстяными одеялами детей, а потом, сочтя меру недостаточной, оборачивал их спящих одеялами, как кукол. Приоткрыв сонные глаза и увидев меня, дети улыбались, и я улыбался им в ответ. Я вспоминал, как когда-то таких же укутанных в одеяльца носил их, крохотных и пахнущих молоком, на руках, напевая колыбельную песню, слы-

шанную мной от бабушки и от мамы:

*Ой, ду-ду, ой, ду-ду,
Потерял мужик дугу,
Шарил, шарил, не нашёл,
К городничему пошёл.
«Городничий, господин,
Прикажи вора поймать,
Прикажи вора поймать,
Ручки-ножки оторвать».*

Наверное, сейчас моим детям сквозь сон мерещилось, что они опять маленькие, и это не поезд, а папа качает их на руках, тихонько напевая колыбельную об оторванных у вора ручках и ножках.

Я ходил в соседнее купе проведать племянницу Галю. Её соседка по купе, проснувшись, посмотрела на меня и спрятала сумочку под подушку. Потом на всякий случай убрала и часы со стола. Чтобы никого не смущать, я укутал Галю потеплее и вернулся к себе. Как же быстро растут наши дети.

В купейном окне мелькали огни полустанков, и вслед за ними пролетали в бессонной ночи мои воспоминания. Куда неслись они под стук колёс? Куда-то туда, где были мы такие молодые, такие наивные и, кажется теперь, всегда счастливые. Туда, где дедушки и бабушки были живыми, родители ещё бодрыми, а друзья ещё верными. Куда хотелось бы нам

вернуться, чтобы вновь любить, мечтать и совершать ошибки. Туда, куда удаётся мне вернуться ненадолго, садясь за эти заметки. Туда-туда, туда-туда, туда... туда...

А отдых... Что ж, когда я вышел на сбоковский перрон – с распухшими плечами, мокрым носом, тяжёлыми сумками и заспанным семейством – то, честное слово, вдруг почувствовал себя таким воспрянувшим, таким отдохнувшим! Скажите-ка, есть ли на Земле ещё место, где можно столь интересно и насыщенно провести свой отпуск? Есть ли в других странах люди, способные получить удовольствие от описанных мною дней? Возможно, что и нет, возможно, мы одни такие.

Это наша жизнь. Она принадлежит нам, а мы принадлежим ей. Давайте учиться проживать её, давайте учиться понимать её: ценить то, что имеем, любить, сколько успеем. И улыбаться. Улыбка – свидетельство надежды. Если мы улыбаемся, значит, мы возрождаемся.

Любите, дорогие Григорьевы, улыбайтесь почаще и будьте счастливы.

Пишите, как отдохнули, каких набрались впечатлений? Обнимайте детей. С наступающим тебя, Гена, днём рождения! Но я ещё позвоню.

P.S. «Сбоковский обозреватель» устроил конкурс рассказов «Про лето». Я, памятуя о дефиците площади в «Сбоковском обозревателе», своё повествование посылать не стал. А

люди написали.

Одна женщина рассказала, что летом они часто ездили на дачу и брали с собой собаку. Собака у них добрая, не агрессивная. И вдруг – принесла в дом мёртвого кролика! А соседи кроликов держат. Задушила, неприятность-то какая! И, видимо, по земле ещё таскала: кролик грязный, обтрёпанный. Неудобно, если соседи узнают. Взял муж кролика, отчистил его, отмыл, пролез ночью на соседский участок и в клетку подбросил. На следующий день пришёл сосед.

– Слушайте, – сказал им. – У нас кролик издох. Взял я его, отнёс подальше и закопал. А утром сегодня смотрю, он чистенький в клетке лежит! Представляете?

– Представляем, – сказали они. – Чего не бывает.

P.P.S. Пока собирался отправить это письмо, и Новый год настал. Поздравляю вас стихотворными строками, которые с чувством нашептала мне праздничная муза:

*Пусть новый год приносит счастье,
Пусть в нём не будет никогда ненастья,
Пусть каждый день в нём дарит нам
Успехов, радости, а также крепкого сибирского здоровья
желаю вам!*

Я очень гордился этим стихотворением, пока не был по-срамлён одним местным банком, который напечатал в газете:

*Банк наш
Всех клиентов
Поздравляет с Новым годом!
Пусть начнётся новым взлётом
К новым жизненным высотам
И хорошим в банке счётом
От души!*

Наша сотрудница Вера, которая в прошлом году запускала с папой ракеты, отмечала Новый год как обычно в своём военном городке и как всегда весело: одна подруга выпила лишнего и упала в пролёт лестницы со второго этажа, пролетев до самого пола.

– Мы, – сказала Вера, – думали, она убилась. А она ничего, встала и пошла.

Так что год начался удачно, и я уверен, таким он и будет.

А ещё желаю вам того, чего желал всем в своём стихотворении мой знакомый, Евгений Архипыч, вы его тоже должны помнить. Он желал, чтобы новый год прошёл

*Без катаклизм и террористов
И прочих гадов – сил нечистых!*

К чему добавить особо нечего. Посему умолкаю, надеясь, впрочем, что в новом году ещё найду в себе силы черкнуть

вам пару, а лучше – пару тысяч строк. Если, конечно, вы не будете этому сильно противиться.

Ваш малыя, весёлыя и разныя предприниматель всея Руси
Эдуард Сребницкий.

2004 г.

(В редакции 2020 г.)